ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА»

Рязанский историк

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

издается с июля 2003 года

2006

4

СОДЕРЖАНИЕ

I. К 70-ЛЕТИЮ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Лиферов А.П. На благо родного края 4
Агарев А.Ф. «Уроки власти» (глава из книги) 11
Физико-математический факультет Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина 17

II. ТРИБУНА УЧЕНОГО

Агарев А.В., Страхов В.В. С позиции нашего времени... (по книге Л.А. Вознесенского «Истины ради...») 24
Гребенев Н.Я., Каратуев М.И., Фролов М.И. История и психология подвига (к обсуждению книги В.Т. Анискова «Крестьянство против фашизма» в контексте новейшего исследования) 26
Киселев К.А. Становление общественных и государственных структур в странах Азии и Африки 34
Ковалев С.В. Основы взаимоотношений аравийских монархий после октябрьской войны 1973 года 38
Петровичева Е.М. Власть, земство, народ в период февральских событий 1917 года 48
Родригес А.М. Особенности развития общественной мысли в странах Востока в эпоху колониализма 68
Чеучева А.К. Общественное развитие Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – начале XIX века 72

III. НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ДИССЕРТАНТЫ

Бизюкин С.С. Политика Великобритании на Дальнем Востоке в связи с агрессией Японии в Китае 80
Сафонова О.Е. Власть и общественные организации российской провинции на рубеже XIX–XX веков (по материалам Рязанской губернии) 84
Чуркина О.А. Атлантическая хартия как важный этап в складывании антигитлеровской коалиции 90

IV. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Громова Е.Л. СССР в середине 50-х – начале 60-х годов (методика изучения) 94

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Блудов Ю.В. Возвращенные имена (к 105-летию рязанского писателя Ивана Макарова) 101

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Шмелева О.И. Студенческая научная конференция.
Секция «История России» 106

VII. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

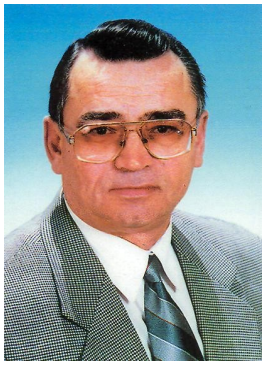
Будкина Ю.Б. Первый ректор Рязанского педагогического института
П.И. Процеров 110
Муравьева М.В. Современное состояние туризма
в Рязанской области 114
Чигир О.С. Партийное руководство Рязанской губернии
во второй половине 1920-х годов 120

Положение о журнале «Рязанский историк» 124

I. К 70-летию Рязанской области

НА БЛАГО РОДНОГО КРАЯ

Среди многочисленных выс-ших учебных заведений Рязанской области особое место принадлежит само-му крупному вузу нашего региона – Рязанскому государственному университету имени С.А. Есенина. Вот уже более 90 лет он вносит значительный, постоянно возрастающий вклад в развитие социально-экономического комплекса Рязанской об-ласти. За время своего существования вуз подготовил свыше 60 тысяч высококвалифицированных специалистов педагогического, гуманитарного, правового и экономического профиля. Сотни выпускников университета успешно трудятся не только в Рязанской области, но и во многих других регионах нашей Родины.



Лиферов Анатолий Петрович,
ректор
РГУ им. С.А. Есенина,
академик РАО

Университет – старейшее высшее учебное заведение на Рязанской земле. Свою историю он ведет с сентября 1915 года, когда после многолетних хода-тайств губернского правления, земства и городской думы по распоряжению министра народного просвещения Российской империи графа П.Н.Игнатьева в Рязани был открыт первый в стране женский учительский институт. Именно это образовательное учреждение вузовского типа стояло, таким образом, у истоков высшего образования в Рязанском крае, было его родоначальником.

По инициативе попечителя Московского учебного округа Рязанский женский учительский институт возглавила Мария Александровна Александрова – выпускница знаменитых Бестужевских курсов, занимавшая ранее должность директора Хабаров-ской женской гимназии. Видный общественный деятель и организатор образования, автор многочислен-ных работ по истории русской и мировой культуры, она внесла значительный личный вклад в ста-новление института, формирова-ние в нем лучших традиций, ха-рактерных для российской системы подготовки педагогических кадров. О ее многогранной Дея-тельности повествует один из стендов музея истории РГУ имени С.А. Есенина.

Несмотря на тяготы и нужды военного времени, вновь образованному институту за счет средств государственного бюдже-та Российской империи было практически сразу приобретено отдельное здание в центре Рязани. Кроме того, по общему решению гласных Рязанской городской думы ему был безвозмездно передан в собственность земельный участок в хорошо известной рязанцам Рюминой роще площадью в одну квад-

ратную десятину для строительства в будущем крупного учебного корпуса. Очевидно, что появление в Рязани женского учительского института в суровые годы Первой мировой войны лишний раз доказывает неуклонное стремление власти и общества предреволюционной России к существенному повышению образовательного ценза населения страны, активному развитию системы подготовки педагогических кадров.

С первых лет своего существования институт отличался высокой квалификацией и профессионализмом преподавателей, многие из которых плодотворно трудились в Рязанском женском епархиальном училище – одном из лучших учебных заведений подобного типа в России. Достаточно сказать, что среди первых преподавателей учительского института было немало выпускников таких известных в России и Европе университетов, как Московского, Петербургского, Юрьевского (Тартуского), Венского, Геттингенского.

В числе тех, кто стоял у истоков сегодняшнего РГУ имени С.А. Есенина, особенно выделялась профессор Л.Н. Запольская, ученица известного немецкого математика профессора Гильберта, одна из первых в России женщин – докторов математических наук, прозванная современниками рязанской Софьей Ковалевской.

Женский учительский институт составил материальную, организационную и кадровую основу открытого три года спустя Рязанского педагогического института. Вуз разместился в прекрасных учебных корпусах Рязанского женского епархиального училища, которое перед этим было закрыто. От этого училища, бывшего в царской России одним из лучших среди учебных заведений подобного вида, институту досталось в наследство разнообразное учебное оборудование и богатая библиотека.

Несмотря на многочисленные трудности военного времени (шла Гражданская война), институт быстро приобрел статус ведущего образовательного и культурного центра Рязани, внес заметный вклад в ликвидацию неграмотности на рязанской земле.

По мере укрепления вуза с середины 30-х годов начала формироваться и новая форма организации его работы – факультетская. Первыми статус факультетов получили отделения – физико-математическое и естествознания. К концу 30-х годов к ним добавились еще два – истории и русского языка и литературы. В этот период в институте обучалось свыше 1000 студентов, работало 10 кафедр и 6 специализированных кабинетов. Подготовку студентов вели около 70 преподавателей, в числе которых было 3 профессора и 8 доцентов.

В 1940 году к своему двадцатипятилетнему юбилею наш вуз подошел окрепшим и получившим широкое общественное признание. За этот период он подготовил свыше 1200 педагогов, которые внесли решающий вклад в развитие общего и профессионального образования в Рязанском крае в предвоенный период.

С 1939 года начинают издаваться вузовские сборники «Ученых записок». Уже в этот период заявляет о себе своими трудами, работавший тогда доцентом Рязанского педагогического института, а в будущем Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор философских наук, профессор Владимир Иванович Селиванов, ставший впоследствии одним из основоположников отечественной школы психологов – специалистов в области психологии воли.

Неисчислимым горем, разрухой, трагедиями миллионов человеческих судеб ворвалась Великая Отечественная война на нашу землю, не обделив всем этим и первый Рязанский вуз. Свой посильный вклад в Великую Победу внесли и сотни наши преподавателей и студентов. Десятки из них заплатили за это своими жизнями. Многие из ушедших на фронт за боевые подвиги были награждены орденами и медалями, а двое студентов института – Павел Иванович Дейнекин и Иван Михайлович Огнев были удостоены звания Героя Советского Союза. Героем России стал и бывший студент исторического факультета, ныне здравствующий Александр Петрович Андреев, боевой летчик, генерал-полковник, Заслуженный летчик-испытатель СССР.

Трое преподавателей вуза – профессор Иван Павлович Попов и доцент Юрий Васильевич Фулин (к сожалению, уже ушедшие из жизни), а также по сию пору работаю-

щий в университете доцент Юрий Иванович Малышев были участниками исторического Парада Победы на Красной Площади в Москве 24 июня 1945 года.

Война ушла, посеяв в душах безмерное горе от неисчислимых людских потерь, оставив разруху и опустошение. И в этот труднейший в истории вуза момент его возглавил и четверть века руководил им Петр Павлович Кирьянов. Проявляя незаурядный талант организатора в сочетании с высокими человеческими качествами, он вместе с коллективом преподавателей сумел не только успешно преодолеть трудности послевоенных лет, но и заложить прочный фундамент последующего поступательного развития вуза.

Первый послевоенный учебный год вуз начал в прежней структуре, имея 4 факультета, но уже в 1946 году был открыт новый – факультет иностранных языков в составе английского и французского отделений. С 1952 года к ним добавилось и отделение немецкого языка.

В эти первые 25 послевоенных лет институт прочно стал на ноги. Велась большая работа по созданию новых учебных кабинетов, оснащению их оборудованием и аппаратурой, были построены новый учебный корпус, теплица, введены в строй учебные мастерские, станция наблюдения Искусственных спутников Земли, построены первые объекты на институтской биостанции в деревне Лаптево Клепиковского района, которая ныне является любимым местом отдыха студентов и преподавателей университета. В этот же период были сооружены студенческая столовая, общежитие на улице Урицкого, значительно улучшены бытовые условия большой группы преподавателей и сотрудников.

В 1970 году Рязанский пединститут возглавил и на протяжении 16 лет успешно руководил его работой профессор Владимир Иванович Клейменов. В эти годы вуз неуклонно наращивал свой научно-педагогический потенциал, совершенствовал базу учебного процесса, рос и развивался в своей структуре. Существенно увеличился контингент студентов, были открыты два новых факультета – начальных классов и физической культуры, начало свою работу подготовительное отделение.

В 70-е годы в вузе открывается и первый специализированный совет по защите диссертаций, который немало способствовал укреплению кадрового потенциала института. Сегодня в университете функционируют четыре специализированных совета, причем два из них – докторских. Ежегодно в советах вуза успешно защищаются порядка 30 кандидатских и докторских диссертаций.

Однако важнейшим результатом деятельности университета в 50–80-е годы прошлого столетия следует считать достижение коренного перелома в качественном составе педагогических кадров Рязани и Рязанской области. Сегодня в нашем регионе доля педагогов с высшим образованием, осуществляющих обучение по основным предметам школьного цикла, превышает 90 процентов. Подавляющая часть из них – это наши выпускники! Именно в признание заслуг первого рязанского вуза в деле подготовки педагогических кадров он в 1980 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР был награжден орденом «Знак Почета».

Всего же за время существования вуза в его стенах подготовлено свыше 60 тысяч высококвалифицированных специалистов педагогического, гуманитарного, правового и экономического профиля. Тысячи выпускников университета успешно трудятся не только в Рязанской области, но и во многих других регионах нашей Родины.

В разные годы университет открыл дорогу в большую науку, общественную деятельность целой плеяде своих воспитанников. Крупными учеными стали выпускники факультета истории Лев Львович Любимов, доктор экономических наук, профессор, первый проректор Высшей школы экономики, автор учебников и многочисленных трудов по экономической теории; Эрнест Михайлович Щагин – доктор исторических наук, профессор, видный ученый в области аграрной истории России, заслуженный деятель науки России, заведующий кафедрой Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, профессор Аполлон Григорьевич Кузьмин, выпускница естественного факультета, доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой Мо-

сковского педагогического государственного университета Зара Владимировна Любимова; выпускники филологического факультета, ныне известные в стране ученые-филологи, доктора наук, профессора Богатова, Смолицкая, Руделев; председатель Комитета по образованию и науке Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Николай Иванович Булаев.

Именно в стенах вуза началось профессиональное становление будущего академика Академии наук СССР, одного из лучших отечественных специалистов по истории Русского средневековья Л.В. Черепнина, столетний юбилей со дня рождения которого недавно широко отмечался в университете.

Студент факультета русского языка и литературы Евгений Маркин, вырос в известного и любимого поэта Рязанского края. В конце 40-х годов на естественном факультете нашего вуза учился Борис Ротов, впоследствии ставший выдающимся церковным деятелем, членом Священного Синода Русской Православной церкви, главой отдела ее внешних сношений, известный миру под именем митрополита Никодима.

В нашем вузе получили образование ряд выдающихся спортсменов, в числе которых легенда отечественного парашютного спорта, двадцатикратная чемпионка мира, заслуженный мастер спорта Зинаида Курицына; заслуженный мастер спорта, серебряный призер олимпиады 2005 года в Афинах Ирина Симагина; заслуженный мастер спорта, начальник сборной страны по художественной гимнастике Марина Говорова; заслуженный мастер спорта, призер чемпионатов мира и Европы по прыжкам в длину Кирилл Сосунов; мастер спорта международного класса Ольга Калитурина и многие другие.

Восходящей звездой мирового спорта является студентка факультета социологии, экономики и управления, мастер спорта международного класса, победитель многих российских, европейских и мировых соревнований по плаванию Дарья Белякина.

Начиная с 1991 года учителя Рязанской области, выпускники университета, успешно участвуют во Всероссийском конкурсе «Учитель года России». А в 1995 и 1996 годах двое из них – З.В. Клементовская и Е.А. Филиппова – стали победителями этого престижного конкурса и обладателями «Хрустального Пеликана». Примечательно, что РГУ имени С.А. Есенина – это единственный вуз страны, выпускники которого два года подряд завоевывали звание «Учитель года России».

Подготовка специалистов в университете сегодня осуществляется на 9 факультетах (истории и международных отношений, педагогики и психологии, естественно-географическом; иностранных языков; физико-математическом; русской филологии и национальной культуры; юриспруденции и политологии; социологии, экономики и управления; физической культуры и спорта). Кроме того, различные программы дополнительного образования реализуются в рамках специальных факультетов – довузовской подготовки и дополнительного образования.

Об образовательной деятельности вуза лучше всего свидетельствуют следующие данные: здесь реализуются 44 специальности высшего профессионального образования, относящиеся к 8 профилям профессиональных образовательных программ, обучается свыше 10 тыс. студентов, в том числе около 5,5 тыс. – по очной форме.

Только в последние годы, исходя из потребностей регионального рынка труда и прогнозов его развития, в университете были открыты и обеспечены всем необходимым в соответствии с лицензионными нормативами такие перспективные специальности, как «Управление персоналом», «Связи с общественностью», «Реклама», «Международные отношения», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Журналистика», «Экология», «Государственное и муниципальное управление», «Социокультурный сервис и туризм», «Теология», «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» и другие.

Ежегодно на первый курс зачисляются свыше двух тысяч абитуриентов. Показателем высокого общественного рейтинга университета является, в частности, постоянно растущий конкурс среди поступающих в вуз. На дневном отделении он составляет в сред-

нем почти три человека на место, а по отдельным специальностям достигает 8 – 10 человек.

Авторитет РГУ имени С.А. Есенина, его широкая известность в России и зарубежом во многом обусловлен высоким качеством образования, которое обеспечивает вуз своим выпускникам. Отличительной чертами образовательной деятельности университета является фундаментальность подготовки, успешно сочетающаяся с практической направленностью процесса обучения. В вузе разработана и активно функционирует инновационная по своему характеру система управления качеством образования.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что наши выпускники всегда активно востребованы на рынке труда. Качество их подготовки, которому мы придаем особенно большое значение, еще ни разу не вызывало претензий со стороны работодателей.

В настоящее время в университете имеется 52 кафедры, где успешно трудятся более 500 преподавателей, свыше ста из которых являются докторами наук и профессорами, более трехсот человек – кандидатами наук и доцентами. В университете работают 3 действительных члена Российской Академии образования, более 30 академиков и член-корреспондентов международных и различных общественных академий России. Свыше 20 человек имеют Почетные звания Российской Федерации (заслуженный работник высшей школы, заслуженный деятель науки, заслуженный работник физической культуры, заслуженный учитель, заслуженный изобретатель).

Все кафедры университета оснащены современным учебным и научным оборудованием, разнообразными средствами телекоммуникации и оргтехники, учебно-методи-ческими и учебно-информационными ресурсами. Уже на протяжении 8 лет университет обеспечивает свободное пользование Интернетом всем преподавателям, аспирантам и докторантам, а также занимающимся наукой студентам.

Важную роль в решении всех задач, связанных с обеспечением высокого качества образовательного процесса и постоянного расширения научно-исследовательской деятельности университета играет его Научная библиотека, имеющая более 800 тысяч томов и занимающая второе место в регионе по объему книжного фонда. Ежегодно она пополняется различными учебными, научными, методическими и периодическими изданиями на сумму в несколько миллионов рублей. Особенной ценностью библиотеки являются более 5 тысяч российских и зарубежных изданий XVIII–XIX веков. Среди раритетов фонда редких книг – первое издание на русском языке речей великого древнеримского оратора Цицерона, указы императрицы Елизаветы, первое издание Полного собрания законов Российской империи, первое издание знаменитых «Очерков русской культуры» П.Н. Милюкова с автографом автора, полное собрание издававшегося с середины XIX по 1917 год «Журнала Министерства народного просвещения» и другие редкие издания по отечественной и всеобщей истории, педагогике, юриспруденции, филологии, литературоведению, физико-математическим и естественным наукам. Многие уникальные издания, хранящиеся в вузовской библиотеке, перенесены на цифровые носители и доступны через Интернет отдаленным пользователям.

Научный потенциал университета объединен в 3-х научно-исследовательских институтах (физический, институт педагогики и психологии, институт социологии), восьми научных центрах, в числе которых уже получившие широкую известность – научно-исследовательский центр по изучению и пропаганде наследия Сергея Есенина, Российский центр по проблемам глобального образования, Центр психологической службы, Центр европейской политики и права (развиваемый совместно с Рейн-Вестфальским университетом) и др., а также в 15 научно-исследовательских лабораториях, из которых наиболее продуктивно работающими являются: лаборатория «Школа как развивающая система», лаборатория «альтернативной педагогики», научно-исследовательская лаборатория по важнейшим проблемам биологических и земельных ресурсов и другие.

Научные институты, центры и лаборатории позволяют концентрировать творческий потенциал вуза и направлять его на решение наиболее перспективных и актуальных исследовательских задач. Благодаря этому ежегодно университет становится обладателем

ряда патентов и свидетельств об изобретениях, научных наград различного уровня. Так, только в конце прошлого года вуз был удостоен на V Международном салоне инноваций и инвестиций золотой, серебряной и двух бронзовых медалей за представленную научную продукцию. Медаль РАН была вручена университету за разработки в области отечественной истории. Четырьмя дипломами I степени были отмечены работы наших студентов на V Всероссийской выставке научно-технического творчества молодежи, проходившей в ноябре текущего года.

Учеными вуза ежегодно выпускаются около 30 монографических исследований, более 150 учебников и учебных пособий, публикуются свыше 1600 научных статей.

Наш вуз один из немногих в Центральном регионе России, в котором издаются сразу семь научных и научно-методических журналов, охватывающих практически весь спектр гуманитарных исследований.

Кафедры вуза поддерживают устойчивые научные связи и проводят совместные исследования с ведущими научными центрами и университетами Германии, Швейцарии, США, Великобритании, Канады, Франции, Беларуси, Украины, Литвы, Международным Союзом охраны природы, Европейским сообществом эволюционной биологии, Европейской ассоциацией психотерапевтов, а также с различными научно-исследовательскими институтами Российской Академии наук, Российской Академией образования, многими ведущими отечественными вузами.

РГУ имени С.А. Есенина – один из немногих российских вузов, которые имеют астрономическую обсерваторию. На протяжении почти полувека здесь активно проводятся разнообразные научные исследования. Ведущим направлением научной деятельности обсерватории сегодня является изучение экологии околоземного космического пространства.

Ученые университета постоянно становятся победителями многочисленных научных конкурсов, ежегодно выигрывают гранты Федерального агентства по образованию, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда и других учреждений и научных фондов. О масштабах научной деятельности университета ярко свидетельствует и тот факт, что за последние десять лет вуз и его ученые стали обладателями грантов различных международных фондов на общую сумму свыше 2 миллионов американских долларов.

Университет постоянно привлекает к себе внимание региональных и федеральных средств массовой информации, в которых находят отражение его успехи, многочисленные достижения его ученых, студентов, спортсменов, творческих коллективов.

Нас радует, что сотни наших студентов являются активными участниками волонтерского движения. Участие в этом движении дает возможность будущим выпускникам приобрести хорошую практику служения обществу, оказания посильной помощи тем, кто нуждается в поддержке общества.

Большое значение в нравственном и патриотическом воспитании молодого поколения рязанцев играют 4 университских музея (истории РГУ имени С.А. Есенина, краеведения, С.А. Есенина и академика И.И. Срезневского), где постоянно проходят тематические и комплексные выставки, часто бывают с экскурсиями учащиеся различных образовательных учреждений Рязани и Рязанской области.

При университете активно действует возведенная на пожертвования членов коллектива вуза и рязанских благотворителей Церковь Покрова Пресвятой Богородицы и Мученицы Татианы. В июне 2002 года ее посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Сегодня храм стал подлинным центром духовно-нравственного воспитания рязанского студенчества.

Верный традициям, заложенным в начале прошлого века, университет имеет статус ведущего образовательного и научного центра Рязанской области, который вносит весомый и постоянно возрастающий вклад в разработку и реализацию инновационных программ и проектов, развитие социально-экономического комплекса региона, ускорение ин-

теграции реального сектора экономики, высшего профессионального образования и науки.

На протяжении всей своей 90-летней истории университет служил интересам родного Рязанского края. И нет никаких сомнений в том, что коллектив нашего университета, обладающий значительным образовательным, научным и культурным потенциалом, сделает все от него зависящее, чтобы наша древняя Рязанская земля стала одним из самых динамично развивающихся регионов России!

А.Ф. Агарев

УРОКИ ВЛАСТИ

(глава из книги)

Меня, как историка, архивный материал привлекает тем, что он позволяет из сегодняшнего дня заглянуть туда, где протекала когда-то жизнь, из которой люди заглядывали в завтра – сюда, к нам, не предугадывая перестроечную и ремую формируе-мую Рос-сию, причем, на демократи-ческо-либеральной осно-ве, ко-торая все-ми ситал-ками отвает опыт социа-листического строитель-ства, первый в мире, осуще-ствляе-мый и на-капли-ваемый в великой державе СССР, из-под обломков которой мы выбира-емся, отряхивая идеологическую пыль с коммунистическим за-пахом во все стороны, по ветру либерализации и рыночных за-вихрений.

Агарев Александр Федорович
доктор исторических наук, профессор РГУ им. С.А. Есенина

Архивные материалы хра-нят объективные факты советских лет – трагические, драматические, патриотические. В них дышит эпоха.

Когда к ним прикасаешься, от них исходит дух тех лет, в него погружаешься мысленно и давно минувшие события, их крутые повороты предстают в совершенно ином цвете – и красном, и белом, и черном, а в целом они отражают жизнь нашего народа, который достаточно много пережил невзгод, но пока не имеет того социального благополучия, которого заслуживает.

Старшие поколения – увы! – уходят безвозвратно. Их правду, историческую, всеми способами надо доносить, особенно до молодежи, чтобы она лучше знала свою страну и ее народ, понимала перекосы коммунистической ориентации и понимала верный курс на национальное возрождение России.

В рассматриваемой нами работе «Уроки власти» я прикоснулся к самому больному вопросу нашей истории – к крестьянскому. Мне хочется, чтобы читатели задумались, что не все было так просто в строи-тельстве социалистического об-щества, чтобы они попытались и сами поразмыслить: «Почему так все происходило?»

Если так и будет, значит, я достиг своей цели, и очень всем читателям за это благо-дарен. Мыслить о родине, о ее судьбе, – и засучивать рукава, чтобы побеждать зло, – это и есть человеческий подвиг в жизни, ее историческая и оптимистическая правда.

Послевоенное состояние сельского хозяйства – сложней-ший, если не драматический период в истории Рязанской области.

Обеспечение населения продуктами питания, а промышленности – сырьем государство решало оправдавшим себя, особенно в военную пору, – административно-командным методом управления.

19 апреля 1948 года Совет Министров принял постановление «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах». [1]

[1] См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1968. Т. 3: 1941–1952 гг. – С. 469 – 488.

24 апреля 1948 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О награждении передовиков сельского хозяйства» [2], а 2 июня 1948 года – «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни» [3].

Партийные и государственные органы использовали метод кнута и пряника, подчиняя его намеченной цели, которую определил И.В. Сталин: «Мы должны в кратчайший срок залечить раны войны, нанесенные врагом нашей стране, и восстановить довоенный уровень развития народного хозяйства с тем, чтобы значительно превзойти в ближайшее время этот уровень, повысить материальное благосостояние народа и еще больше укрепить военно-экономическую мощь Советского Союза» [4].

ЦК ВКП(б) строго контролировал обстановку на местах, заслушивал отчеты первых лиц. Рязанская область не была исключением. Положение дел в ее аграрном секторе напоминало сводку о боевых действиях.

14 апреля 1948 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Рязанского Обкома ВКП(б) в области руководства сельским хозяйством» [5]. Работу признали неудовлетворительной.

5 июня 1948 года Совет Министров СССР в постановлении № 1932 «О дополнительных мерах по размещению в зернохранилищах хлеба из урожая 1948 года» отмечал, что особенно неудовлетворительная обстановка в Рязанской области. Подписал постановление И. Сталин.

Было еще одно важное постановление. Совет Министров СССР принял его 23 августа 1948 года (№ 868-28 с) «О ходе выполнения в Рязанской области постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года «О всемерном развитии производства коксагыза в СССР». Тогда же заслушали отчет председателя облисполкома Рыжова и признали работу Рязанского облисполкома по выполнению постановления от 19.04.48 года неудовлетворительной [6]. Партийная жесткость подкреплялась и партийной помощью.

31 августа 1948 года Совет Министров СССР принял постановление (№ 3227) «Об отпуске колхозам Рязанской области в ссуду семян озимой ржи для осеннего сева 1948 года», в котором указано: «Отпустить для осеннего сева 1948 года колхозам Рязанской области, посевы которых частично пострадали от засушливой погоды и градобития, дополнительно в ссуду 18 000 тонн семян озимой ржи» [7]. Как снопы, сбрасывали на область партийные и правительственные постановления; их обмолачивали на партийных и хозяйственных активах, отделяли зерна от плевел, кого-то строго наказывали, критиковали, кому-то объявляли выговор, но дела не шли в гору.

Чрезвычайно показательным явилось постановление ЦК ВКП(б) «О неудовлетворительном руководстве Рязанского Обкома ВКП(б) сельским хозяйством» от 18 ноября 1948 года, а следом, 8 декабря 1948 года Совет Министров СССР принял постановление (№ 4559) «О ходе ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин в МТС Рязанской области», где отметил, что ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин ведется крайне неудовлетворительно [8].

Приведенные партийные и правительственные документы подчеркивают, что Рязанская область систематически не выполняла обязательства перед государством. Сошлюсь на некоторые цифровые данные за 1947 год. Больше всего колхозов с минимальной выдачей зерна на трудодни имелось в Рязанской области. В 176 колхозах вообще не

---

[2] См.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР за 1948 год. М., 1949. С. 35 – 54.

[3] См.: Важнейшие решения по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Сборник документов века. М., 1951. С. 89 – 90.

[4] См.: ГАРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 616. Л. 1.

[5] См.: ГАРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 357.

[6] См.: ГАРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 543. Л. 133 – 134.

[7] См.: ГАРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 543. Л. 139.

[8] См.: ГАРО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 543. Л. 322.

выдавали зерна на трудодни. В 1443 (37,1 %) колхозах выдали на трудодень менее 300 граммов хлеба [9].

Удручающая картина по распределению денежных доходов: на один трудодень выдача денег составляла 0,32 копейки, но эти крохи в большинстве колхозов (71,1 %) не распределяли. Это был самый высокий процент, в 2 раза выше, чем в других областях РСФСР [10]. Почему сложилось такое положение в 1948 году? Хотя бы в общих чертах рассмотрим предшествующий период. Рязанская область образовалась 26 сентября 1937 года, то есть стала самостоятельным субъектом в хозяйственной деятельности. У нее не стало «московской крыши». Можно стало, не боясь, ее критиковать, а то как же самих себя сечь? Москва предлагала реформирование сельского хозяйства. С кого-то надо было спросить за неудавшиеся преобразования: с рязанцев. Были введены должности первых секретарей обкома партии, их назначали сверху. Они сосредоточивали в своих руках и партийную, и государственную власть. ЦК ВКП(б), конечно, делал ставку на личные качества первых лиц области. Интересно проследить, как решали проблемы сельского хозяйства данным методом, который окрестили АКСом (административно-командной системой).

В 1938 году Первым секретарем Рязанского обкома ВКП(б) был С.Н. Тарасов, прежде он занимал должность секретаря оргбюро ЦК по Рязанской области.

Сельскохозяйственное производство в 30-е годы было достаточно стабильным. Исключение составил 1936 год, когда засуха поразила Нечерноземный центр России. С 1938 года начался спад, он продолжался до начала Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

Что тогда представляло сельскохозяйственное производство, какими ресурсами располагало, можно увидеть по архивным данным, которых у меня накопилось достаточно, чтобы изложить их или привести полностью, как иллюстрации к тогдашней обстановке.

1941 год. В области, помимо 55 совхозов и 86 МТС, 3300 колхозов, 300 тысяч крестьянских дворов, в них жило (в 1940 г.) 1279 тысяч человек. В 1945 году их население составляло 1081 тысяч человек [11].

Резко сократился уровень механизации сельского хозяйства в 1941 году. 70 процентов автомашин, тракторов, значительное количество лошадей, повозок мобилизовали в армию [12]. Новую сельскохозяйственную технику в стране почти не производили.

Февраль 1942 года. Обком ВКП(б) постановил: использовать в качестве тягловой силы при полевых работах 12 тысяч голов крупного рогатого скота [13]. При таких условиях соблюдать агротехнологию и правильные севообороты невозможно. К тому же, сельскохозяйственное производство целиком зависит от погоды. Затраты всегда могут провалиться в тартарары: или зальет, или засушит. Дожди и засуху никто никогда не исключал в зоне рискованного земледелия, где расположена Рязанская область. А тут – война! Единственный фактор, выработанный столетиями, который противостоял нашествию врага и природной стихии, – это упорство русского земледельца-крестьянина, подкрепленное национальным патриотизмом и железной верой в победу.

Человеческие ресурсы убыли. Большинство мужчин трудоспособного возраста мобилизовали в армию. Из 558 тысяч человек трудоспособного населения в рязанской деревне к 1945 году осталось 380 тысяч [14]. Среди них – старики, подростки, женщины. Трудоспособных мужчин – 13,5 процентов, женщин – 86,5 процентов [15]. На их плечи и легла вся тяжесть крестьянского труда. Работали не жалея сил, для фронта, для победы. В апре-

[9] См.: Попов В.П. Крестьянство и государство (1945 - 1953). Париж. 1992. С. 59.

[10] См.: Там же. – С. 64.

[11] См.: Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 385, 388.

[12] См.: Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. С. 345.

[13] См.: Там же. С. 348.

[14] См.: Арутюнян Ю.В. Указанное сочинение. С. 392.

[15] См.: Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. С. 345, 350.

ле 1942 года вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». В 1939 году он составлял 60 трудодней, теперь минимум повышался до 100, для подростков 12 – 16 лет из семей колхозников – 50 трудодней в год.

Так ковали победу. 70 процентов трактористов, руководителей колхозов призвали на фронт. Сельское хозяйство лишалось самых подготовленных кадров. Чем заполняли пробел? При МТС создавали месячные курсы для подготовки трактористов. На них обучали девушек. Если в 1940 году в МТС было около 700 трактористок, то в 1941 году их стало в 5 раз больше – 3,5 тысячи. Всесоюзную известность получила женская тракторная бригада Рыбновской МТС во главе с Дарьей Гармаш. Она несколько лет подряд занимала первое место среди всех механизаторов СССР, ее наградили Красным знаменем ЦК ВЛКСМ, премиями Наркомата земледелия СССР, в 1944 году – Государственной премией 3-й степени.

Сельское население мобилизовывали для работы на промышленных предприятиях, на транспорте, для заготовки топлива, строительства укреплений. 12 тысяч юношей направили на учебу в систему ФЗО.

Трудовых ресурсов не хватало. В 1942 году впервые жителей сельских районов мобилизовали на уборку урожая. Городское население в возрасте от 14 до 55 лет, не занятое на промышленных предприятиях, также призвали на работу в сельской местности. И потом ежегодно около 20 тысяч горожан и 50 тысяч учащихся школ, других учебных заведений использовали на полевых работах. Военная обстановка этого требовала.

Важнейшие сельскохозяйственные районы страны в 1941—1943 годах оккупировал враг, поэтому большая нагрузка и легла на тыловые области. Рязанская область должна была обеспечить продовольствием не только себя, но и вести поставки для армии, в главные промышленные центры. За годы войны в область прибыло более 400 тыс. эвакуированного населения. И всех надо было обеспечить хлебом, накормить.

В первый же год войны она стала прифронтовой. И все же удалось собрать 95 процентов урожая от собранного в 1940 году. С приближением фронта эвакуировали технику и скот. К декабрю 1941 года вывезли в восточные области страны треть скота, основное оборудование МТС, но после контрнаступления и победы над немецко-фашистскими войсками (декабрь 1941 г.) под Москвой началась реэвакуация. Фронт отдалился.

В 1942 году планы посева для области увеличили, предусматривая поставки зерна сверх плана в фонд обороны, фонд помощи колхозам, пострадавшим от оккупации. Накаленная была ситуация, когда не хватало людей, техники, семян. Государственные ссуды не снимали острую проблему. Обязывали сдавать в семенной фонд хозяйств зерно колхозников. В животноводстве по всей области (1942 г.) произошел падеж скота, превышающий 10 процентов поголовья. Все объяснялось недостатком питательных кормов. С началом войны прекратились поставки концентрированных кормов, способствовавших повышению продуктивности животноводства. Корма, заготовленные в хозяйствах зимой 1941—1942 годов, использовали в основном для лошадей воинских частей и эвакуированного скота. Кроме того, при эвакуации скота из западных областей занесли ящур. В итоге – в 1942 году поставки государству продукции сельского хозяйства область не выполнила. Единственное – перевыполнила план по поставкам кожи из-за падежа скота. Число лошадей, коров, свиней уменьшалось, но росло поголовье овец и коз, которые обходились минимальным количеством кормов. Техники и лошадей не хватало, на посевной запрягали коров и быков. 1942 год выдался урожайным, собрали 18,7 млн. пудов зерна при урожайности – 6,2 ц с га – выше, чем до войны [16].

Но следующий год, 1943, стал кризисным. Все трудности, порожденные войной, усугубила засуха. Урожайность составила около 3,9 центнера зерна с гектара, но, несмотря на это, помогали колхозам Смоленской области, освобожденной от врага.

[16] См.: К истории Рязанской областной партийной организации. Рязань, 1968. – С. 252.

Трудно себе представить, какое мужество, сколько самоотверженности проявляли люди, работая в селе. Откуда силы брали, забывали о себе, здоровья не жалели, лишь бы помочь фронту, победу долгожданную приблизить, мужиков родных сельских дождаться с войны, счастливой жизнью зажить.

Похоронки получая, зубы сцепляли. Слезы высохли, а люди работали, потом и кровью добывали хлеб свой насущный ради мира на земле, ради продолжения рода.

Жесткая дисциплина того времени многое списывала на войну, но разве спишешь в небытие исковерканные людские судьбы. Их надежды на лучшую жизнь. Трагические характеры, сложные и твердые, преданные делу партии, родине высвечивают в воображении сухие архивные сводки, справки, стенограммы. В те годы партийное и государственное око сливалось в одно – строжайшее и бдительное – и не дремало.

21 сентября 1943 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Рязанского обкома ВКП(б)», а 25 числа проводился Пленум Рязанского обкома ВКП(б). На повестке дня был один вопрос: «Обсуждение постановления ЦК».

Накануне проверяли состояние дел в Рязанской области, заслушали отчет первого секретаря Областного комитета товарища Тарасова на заседании оргбюро ВКП(б).

Отметили недостатки: первый секретарь, бюро мало занимаются творческой, партийной, организационной работой, действуют по заведенному шаблону, кампанейски. Принимают решения перед началом кампании, а заглянуть поглубже в дело не удосуживаются. Основной виновник, конечно, – Первый секретарь областного комитета партии. Вот некоторые выдержки из выступления заместителя начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Н.Н. Шаталина.

1.

«У Вас одна пятая часть отстающих колхозов. Рязанская область по линии сельского хозяйства оказалась запущенной. Она из года в год шла вниз... Товарищ Тарасов хороший большевик, честный человек. Он много работал, но у него есть недостатки. Тарасов недостаточно руководил, если так можно выразиться, старомодно руководил. Тарасов отстал от жизни, сейчас жизнь подвинулась вперед, люди к руководству пришли более грамотные, сейчас, может быть, нужно меньше заседать, больше думать, больше ставить вопросы.

Нужно уметь ладить со специалистами, разговаривать со специалистами, иначе ничего не получится. Старомодно руководил Тарасов. Нужно внести оживление в работу. Таким человеком является Марфин. Он человек молодой, но мы никогда не отказывались от выдвижения молодых людей.

Тов. Марфин, мы надеемся, с помощью ЦК и вашей помощью сумеет обеспечить руководство областью. Он родился в селе, там же и учился. У него есть опыт, чтобы руководить областью, он работает на комсомольской работе 5 лет, около 3 лет он – секретарь райкома. Учился в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б), после этого работал 4 года в аппарате ЦК ВКП(б). Побывал во многих краях, областях и республиках по выполнению решений ЦК ВКП(б), в подготовке отдельных вопросов. За 4 года работы в ЦК он многому научился».

Пленум утвердил нового первого секретаря областного комитета [17].

Выписка из биографической справки:

«Товарищ Марфин Алексей Ильич, 1912 года рождения, член ВКП (б) с 1932 года, родился – село Троицкое, Троицкого района, Чкаловской области, образование среднее, по специальности радиотехник. С 1934 года по 1936 год был в Красной Армии, с 1936 года по 1939 год работал секретарем Троицкого райкома ВЛКСМ, Оренбургской области, вторым, а затем первым секретарем Троицкого райкома ВКП(б) Оренбургской области.

[17] См.: ГАРО. Ф. 3, оп. 2, д. 386, л. 47 – 48.

С 1939 года по 1940 год учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). С 1940 года по 1943 год работал в аппарате ЦК ВКП(б) в качестве инструктора, затем ответственным организатором Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б).

Тов. Марфин награжден орденом «Отечественной войны» 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За оборону Москвы».

А вот копия удостоверения, выданного ему ЦК ВКП(б) [18].

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

23 сентября 1943 года

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е № 2342

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

командирует тов. Марфина Алексея Ильича

в распоряжение Рязанского обкома ВКП(б)

для использования первым секретарем обкома ВКП(б)
(название должности, учреждения,

организации, предприятия)

Срок прибытия к месту назначения 24 сентября 1943 года

Секретарь ЦК ВКП(б) ..... ***Маленков***

Зам. начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) ..... ***Шаталин***

[18] См.: ГАРО. Ф. 3, оп. 6, д. 2550, л.1.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА

Физико-математический факультет как струк-турное подразделение института (университе-та) организован в 1934 году на базе физико-математического цикла (1918–1930) и фи-зико-математического отделения (1930–1934). Первыми деканами факультета были Б.С. Дворкин (1934–1936), С.Я. Максимов (1936–1938) и Н.П. Лузин (1938). В после-дующие годы деканами физико-математи-ческого факультета работали М.Д. Дятлов, И.А. Гибш, П.Г. Шеретов, доценты Н.А. Преображенский и Е.П. Анисимова, ст. преп. В.М. Рыбин, доценты М.Т. Терехин, В.Г. Смирнов, И.И. Петров, Н.М. Суворов, А.С. Красников, Н.И. Ермаков. С 2002 года по настоящее время деканом физико-математического факультета является доктор педагогических наук, профессор Б.С. Кирьяков.

Б.С. Кирьяков,
декан физико-математического факультета, доктор педагогических наук, профессор

На факультете работает 61 штатный преподаватель. В их числе 16 профессоров и докторов наук, 37 доцентов и кандидатов наук.

На базе факультета действуют два диссертационных совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Диссертационные советы принимают к защите диссертации по специальностям: «Теория и методика обучения и воспитания (физика)» (докторский совет, объединенный с советом по педагогике) и «Квантовая электроника» (кандидатский и разовый докторский совет). Имеется аспирантура по специальностям: теория и методика обучения и воспитания (физика), квантовая электроника, астрометрия и небесная механика, теория и методика обучения и воспитания (математика), геометрия, качественная теория дифференциальных уравнений, элементы вычислительной техники и систем управления.

В составе факультета функционируют четыре кафедры – кафедра общей и теоретической физики и методики преподавания физики, кафедра алгебры, геометрии и методики обучения математике, кафедра математического анализа и кафедра информатики и вычислительной техники.

Кафедра общей и теоретической физики и методики преподавания физики

Кафедра физики – ровесница факультета. До 1938 года кафедрой руководил Н.И. Грачев. С 1939 года по 1973 года -

(исключая военные годы) ее возглавлял доцент Э.А. Корзун. В 1975 году кафедра физики была разделена на кафедру общей физики и кафедру теоретической физики и астрономии. Кафедру общей физики возглавил известный специалист по методике преподавания физики профессор В.П. Орехов. Руководство кафедрой теоретической физики было возложено на профессора В.И. Курышева – организатора станции наблюдения искусственных спутников Земли при РГПИ. В 2001 году кафедры общей и теоретической физики были объединены в одну – кафедру общей и теоретической физики и методики преподавания физики. Руководит кафедрой Заслуженный деятель науки, доктор физико-математических наук, профессор В.А. Степанов. В настоящее время на кафедре работают 25 штатных преподавателей, в том числе 9 профессоров и докторов наук, 14 доцентов и кандидатов наук.

В.А. Степанов,
заведующий кафедрой общей и теоретической физики и методики преподавания физики, Заслуженный деятель науки, доктор физико-математических наук, профессор

Научные исследования на кафедре всегда велись как по отдельным отраслям физики и астрономии, так и по методике их преподавания. Одно из научных направлений связано с именем доктора технических наук, профессора В.И. Курышева и с организацией (1957 г.) при РГПИ астрономической обсерватории и станции наблюдения искусственных спутников Земли. Направление исследований оптической станции и обсерватории заключалось в обнаружении, наблюдении и распознавании искусственных космических объектов оптическими методами. Всего за период существования станции (с 1957 г. по 1996 г.) ее сотрудниками был выполнен ряд научных и хоздоговорных исследований, по итогам которых опубликовано свыше 400 научных работ. Одним из результатов этой работы явилась подготовка докторской (В.И. Курышев) и нескольких канди-датских диссертаций. Профессор В.И. Курышев – автор более 150 научных работ, в том числе 9 книг.

В 70 – 80-е годы при кафедре эффективно работала исследовательская лаборатория под руководством доцента Е.Е. Артемкина. В рамках этой лаборатории кафедра вела научно-исследовательскую и хоздоговорную работу с рядом институтов АН СССР по теме «Оптика атмосферы». Сотрудники лаборатории занимались разработкой аппаратуры, проводили экспериментальные исследования оптических свойств атмосферы в разных районах СССР, в акватории Атлантического, Индийского океанов и в Антарктиде.

Традиционным направлением научно-исследовательской работы кафедры является физика твердого тела. Исследованиями по текстуре ферромагнетиков занимался один из основателей кафедры доцент Э.А. Корзун. С 70-х годов на кафедре начинает развиваться новое направление – рентгеноструктурное исследование новых материалов (профессор А.С. Красников, доценты Н.И. Ермаков, Ю.И. Глушков, М.Д. Красникова, Е.Ф. Смыслов, Е.П. Смыслова). Опубликовано свыше 200 работ, защищены 1 докторская (А.С. Красников) и 3 кандидатских диссертации.

С 90-х годов на кафедре начались исследования по полупроводниковой наноэлектронике (доктор физико-математических наук, профессор В.Н. Кадушкин и др.). Опубликовано свыше 100 работ, защищено 3 кандидатских диссертации.

В последние годы на кафедре интенсивно развиваются исследования по квантовой электронике и смежных с ней областей под общим руководством доктора физико-математических наук, профессора В.А. Степанова. Кафедра неоднократно выступала в качестве соорганизатора всероссийских научных конференций по физике газового разряда [IX (1998 г.), X (2000 г.) и XI (2003 г.)]. Защищено 6 докторских (Н.В. Коненков, О.Н. Крютченко, М.В. Чиркин и др.) и 12 кандидатских диссертаций.

В качестве отдельных направлений научных исследований в рамках данной тематики можно выделить:

I. Движение ионов в нелинейных квадрупольных радиочастотных электрических полях (доктор физико-математических наук, профессор Н.В. Коненков и кандидат технических наук, доцент А.Н. Корольков и др.). Число публикаций по этому направлению составляет около 60 работ. Защищена кандидатская диссертация. В рамках своих исследований кафедра сотрудничает с лабораторией аналитической химии университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада). Профессор Н.В. Коненков неоднократно приглашался в Канаду (1997, 1998, 2000, 2001, 2003 и 2005 гг.) и Китай (2005, 2006 гг.) в качестве визит-профессора для совместных научных исследований.

II. Газоразрядные лазеры и волновые и колебательные процессы в плазме (доктор физико-математических наук, профессор М.В. Чиркин, доктор технических наук, профессор О.Н. Крютченко, кандидаты физико-математических наук, доценты Д.А. Морозов и А.Б. Ястребков и др.). Число публикаций – более 80, получено несколько патентов, защищены три кандидатских диссертации. В рамках данного направления выполняются исследования по прогнозированию ресурса и эксплуатационной надежности кольцевых гелий-неоновых лазеров, используемых в качестве датчиков в навигационных системах. Финансирование этих исследований осуществляется по линии хоздоговорных работ, выполняемых по заказу Московского института электромеханики и автоматики.

На кафедре уделяется большое внимание научно-методическим исследованиям по теории и методике преподавания, основателем которых является профессор В.П. Орехов. В настоящее время руководство этими исследованиями осуществляют профессора В.А. Степанов и Б.С. Кирьяков. На базе кафедры проведены выездное заседание Координационного совета по физическому образованию Министерства образования РФ (2001 г.), Всероссийская конференция, посвященная 100-летию со дня рождения видного ученого-методиста А.В. Перышкина (2002 г.), выездное заседание комиссии по физике УМО при Министерстве образования РФ (2005 г.). Опубликовано свыше 200 работ, защищено 1 докторская (Б.С. Кирьяков) и 6 кандидатских диссертаций. Работа доцента А.В. Ельцова по разработке индивидуального рабочего места учащегося награждена тремя дипломами и серебряной медалью на международной выставке-конгрессе «Высокие технологии, новации и инвестиции» (С.- Петербург, 2004 г.).

В научно-методических исследованиях кафедры можно выделить несколько направлений:

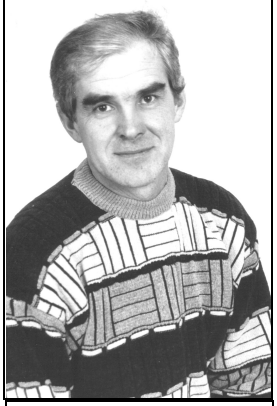
1. Системный подход в преподавании астрономии.
2. Методика преподавания физики и математическое моделирование мероприятий по контролю знаний учащихся по физике.

Перспективы развития научно-исследовательской работы кафедра видит в продолжении исследований по научным направлениям, в развитии НИРС в рамках научной и научно-методической тематики.

Кафедра алгебры, геометрии и методики обучения математике

Кафедра алгебры и геометрии была создана в 1939 году и первым ее заведующим с марта 1939 года стал М.И. Минкевич, а с сентября 1939 года – И.М. Каменецкий. В 1942 – 1944 гг. заведующим кафедрой и одновременно деканом физико-математического факультета становится доцент И.А. Гибш (известный педагог-математик, работавший в дальнейшем в АПН СССР). С октября 1945 года заведующим кафедрой назначается выпускник аспирантуры по геометрии при ЛГПИ им. А.И. Герцена Н.М. Барабошин.

После Н.М. Барабошина кафедру возглавляли доценты Е.П. Анисимова, А.М. Кауфман , Н.М. Суворов, Г.В. Киотина, М.И. Денисова. С 1995 года по настоящее время кафедрой руководит кандидат физико-математических наук, доцент Н.И. Крючков.



Н.И. Крючков,
заведующий кафедрой алгебры, геометрии и методики обучения математике, кандидат физико-математических наук, доцент

В 2004 году кафедра была преобразована в кафедру алгебры, геометрии и методики обучения математике. Сегодня на ней работают 15 штатных преподавателей, в их числе 2 профессора и доктора наук, 9 доцентов и кандидатов наук.

При кафедре в 1966 – 1974 годах успешно работала аспирантура по алгебре, которой руководил доцент А.М. Кауфман. В 1974 году на кафедре была открыта аспирантура по геометрии (руководитель – профессор Г.В. Киотина) а в 2001 году – аспирантура по теории и методике обучения и воспитания (математика) (руководители – профессора А.Г. Солонина и В.Т.Петрова).

Научные исследования на кафедре ведутся по алгебре, геометрии и методике обучения математике.

Алгебраические исследования ведутся в следующих направлениях:

1. Топологические абелевы группы и модули (доцент Н.И. Крючков);
2. Кольца эндоморфизмов и группы автоморфизмов модулей (профессор А.Г. Солонина);
3. Топологические квазигруппы (доцент Н.М. Суворов);
4. Абелевы группы без кручения конечного ранга (кандидат физико-математических наук А.В. Царев).

Большинство исследований алгебраистов кафедры опубликовано в журналах Российской академии наук [Математический сборник, 1980, т. 113, № 4; Математические заметки, 1997, т. 62, вып. 1 (Н.И. Крючков); Сибирский математический журнал, 1991, т. 32, № 5 (Н.М. Суворов); Сибирский математический журнал, 2005, т. 46, № 1 (А.В. Царев); Математические заметки, 2004, т. 76, № 3 (С.В. Платонова)].

Геометрические исследования ведутся в следующих направлениях:

1. Пространства с обобщенной проективной метрикой (коллектив авторов под руководством профессора Г.В. Киотиной:);
2. Бесконечномерные многообразия и группы Ли, приложения мультипликативного интеграла к задачам дифференциальной геометрии (профессор В.Т. Петрова).

Профессором Г.В. Киотиной опубликованы три монографии по современным проблемам дифференциальной геометрии. Пятеро учеников профессора Г.В. Киотиной стали кандидатами наук.

Исследования по теории и методике обучения и воспитания (математика) ведутся по направлениям:

1. Профессионально-педагогическая направленность математической подготовки будущих учителей математики (коллектив авторов под руководством доцентов М.И. Денисовой и Н.М. Суворова);
2. Персонализированное обучение (профессор А.Г. Солонина);
3. Дифференцированное обучение, интенсивные методы обучения, проблемы ком-пьютеризации обучения математике (профессор В.Т. Петрова).

За четыре года существования аспирантуры по теории и методике обучения и воспитания (математика) двое ее выпускников стали кандидатами наук.

Преподаватели кафедры руководят научной работой студентов. Ежегодно студенты публикуют результаты своих исследований в изданиях различного уровня. Кафедра ведет работу с одаренными школьниками. В течение многих лет работой летнего физико-математического лагеря для школьников руководили доценты С.А. Моисеев и Н.В. Жмурова.

Перспективы развития научно-исследовательской работы кафедра видит в дальнейшем развитии исследований по математике и методике ее преподавания.

РНАЛ •

Кафедра информатики и вычислительной техники

Кафедра информатики и вычислительной техники (как общеуниверситетская кафедра) была организована в 1987 году. Ее первым заведующим (до 2004 года) являлся кандидат технических наук, доцент И.П. Гиривенко. После него обязанности заведующего кафедрой были возложены на профессора А.Х. Назиева, а затем на доцента А.С. Шилина. В настоящее время заведующим кафедрой является доктор технических наук, профессор А.А. Дунаев.

В 2004 году кафедра из общеуниверситетской была преобразована в кафедру информатики и вычислительной техники физико-математического факультета. Сегодня на ней работают 9 штатных преподавателей, в их числе 3 профессора и доктора наук, 5 доцентов и кандидатов наук.

А.А. Дунаев,
заведующий кафедрой информатики и вычислительной техники, доктор технических наук, профессор

По инициативе И.П. Гиривенко при кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория адаптивной цифровой осциллографии, организованы студенческий клуб (руководители – Т.П. Мосунова, А.А. Москвитина) и студенческое конструкторское бюро (руководитель – И.П. Гиривенко).

На кафедре действует аспирантура (руководители – профессора А.А. Дунаев, В.Н. Ручкин) по специальности «Элементы вычислительной техники и систем управления», издается ежегодный межвузовский сборник научных трудов «Информатика и прикладная математика». К научной работе преподавателей и аспирантов кафедра активно привлекает студентов.

В своей научной деятельности кафедра информатики и ВТ ориентируется на региональную проблематику, вытекающую из интересов социально-экономического и духовного развития региона. В рамках этого направления реализуется комплексная программа «Информационные и коммуникационные технологии в непрерывном образовании», выполняемая под эгидой Российской академии образования. Практическая значимость данных исследований определяется использованием их результатов при чтении лекций и проведении практических и лабораторных занятий.

Преподаватели кафедры принимали участие в выполнении работ по гранту «Дистанционное образование», в проекте по зарубежным грантам «Образовательная библиотека «Рязанские достопамятности» (соисполнители Д.В. Колосов, доцент А.Ю. Прибылов). Он реализовывался при поддержке Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса) в рамках конкурса «Региональная аудитория портала Auditorium.ru: информационное технологии в преподавании гуманитарных дисциплин». В 2003 году проект по созданию образовательной электронной библиотеки (ЭБ) «Рязанские достопамятности» успешно завершен (http: //www /rspu/ryazan/ru/elibrary/).

Основные научные направления:

I. Разработка и исследование адаптивных цифровых осциллографов

Основная цель этих исследований заключается в разработке методов и средств адаптивного преобразования и регистрации однократных импульсных сигналов, математических моделей средств измерения параметров импульсных сигналов, новых моделей радиоизмерительных приборов для серийного производства.

II. Обучающие и контролирующие программы и курсы

В рамках этого направления на кафедре были разработаны обучающие и контролирующие программы и курсы для студентов, обучающихся на разных факультетах университета. Модернизированы компьютерные классы. Были также выполнены две научно-исследовательские работы по заказу Министерства образования,

связанные с созданием образовательных компьютерных сетей – «Концепция построения РОС» и «Проект построения РОС».

III. Информационные и телекоммуникационные технологии в образовании (с 2001 г.).

В рамках данной тематики опубликовано свыше 140 работ преподавателей и аспирантов.

В качестве основных перспективных направлений научно-исследовательской работы кафедрой планируются:

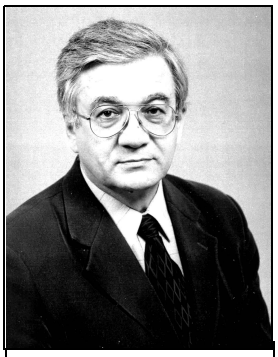
1. Разработка программных и аппаратных средств комплексного анализа измерительных сигналов.

2. Применение информационных и телекоммуникационных технологий в образовании и научно-исследовательской работе.

3. Разработка систем искусственного интеллекта на базе нейрокомпьютеров.

Кафедра математического анализа

Кафедра математического анализа основана в 1951 году. Ее основателем и первым заведующим (по 1972 г.) был профессор И.П. Макаров. – известный специалист по качественной теории дифференциальных уравнений, заслуженный деятель науки РСФСР. Его имя занесено в Почетную книгу ветеранов народного просвещения Рязанской области.



А.Х. Назиев,
заведующий кафедрой математического анализа, доктор педагогических наук, профессор

В последующие годы кафедру математического анализа возглавляли доценты М.Т. Терехин, А.В. Викин, А.П. Дмитриев, профессора М.Т. Терехин и Е.Н. Моос. С 2004 года кафедрой руководит доктор педагогических наук, профессор А.Х. Назиев.

В настоящее время на кафедре работают 12 штатных преподавателей. В их числе 2 профессора и доктора наук, 9 доцентов и кандидатов наук.

В 1952 году на кафедре по инициативе И.П. Макарова была открыта аспирантура по специальности «Дифференциальные уравнения». В настоящее время ею руководит профессор М.Т. Терехин. За годы существования аспирантуры свыше 60 ее выпускников защитили диссертационные работы. Только за последние 6 лет кандидатами физико-математических наук стали 14 аспирантов. Под руководством И.П. Макарова были подготовлены также 3 докторские диссертации (А.И. Зейфман, В.С. Лощинин, М.Т. Терехин).

В 1965 году при кафедре был создан вычислительный центр, который в 80-е годы передан в ведение кафедры информатики и вычислительной техники. В 1990 году на базе научной школы по теории дифференциальных уравнений, основанной профессором И.П. Макаровым, открыта научно-исследовательская лаборатория по качественной теории дифференциальных уравнений (руководитель – доктор физико-математических наук, профессор М.Т. Терехин).

С 1998 года силами кафедры выпускается научный журнал Российской Академии Естественных Наук «Дифференциальные уравнения» и ежегодный сборник научных трудов «Информатика и прикладная математика» (совместно с кафедрой информатики и вычислительной техники).

Основные научные направления работы кафедры:

I. Качественная теория дифференциальных уравнений и ее приложения (руководитель – доктор физико-математических наук, профессор М.Т. Терехин);

а) исследование свойств решений систем дифференциальных уравнений, содержащих параметр; исследование проблем теории бифуркаций, проблем существования периодических и ограниченных решений;

б) исследование устойчивости движений, определяемых системой дифференциальных уравнений;

в) исследование поведения траекторий в окрестности состояния равновесия;

г) управляемость движением, определяемым системой дифференциальных уравнений;

д) приложения теории систем дифференциальных уравнений к исследованию математических моделей процессов, происходящих в электронике, биологии, экологии, иммунологии.

II. Теория и методика обучения и воспитания (математика) (руководитель – доктор педагогических наук, профессор А.Х. Назиев).

Всего за годы существования кафедры опубликовано около 900 научных и методических работ.

Кафедра уделяет большое внимание приобщению студентов к научно-исследовательской работе. Разработана специальная рабочая программа подготовки студентов к выполнению научных исследований. Студенческие работы с наиболее существенными научными результатами представляются на Всероссийский конкурс. За последние 10 лет на Академические и Всероссийские конкурсы было подано 19 научных студенческих работ. Одна из этих работ была удостоена медали РАН, 6 работ награждены Дипломами Министерства образования и науки РФ, 12 работ – дипломами конкурсных комиссий.

Перспективы развития своей научно-исследовательской работы кафедра усматривает в продолжении исследований по теории дифференциальных уравнений, приложении полученных результатов к проблемам в физике, биологии, химии, экономике, социологии, медицине, экологии, а также в дальнейшем развитии НИРС и участии студентов во Всероссийских конкурсах научно-исследовательских работ.

II. ТРИБУНА УЧЕНОГО

А.Ф. Агарев, В.В. Страхов

С ПОЗИЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ...
(о книге Л.А. Вознесенского «Истины ради...»)

«Советскому народу – величайшему в истории человечества герою и страстотерпцу – земной поклон». Именно с этого несколько необычного для сегодняшних российских реалий посвящения, которое как бы фокусирует в себе смысл дальнейшего обширного повествования и суть авторской позиции, начинается появившаяся в прошлом году книга Льва Вознесенского.

Для людей старшего и среднего поколения это имя вряд ли нуждается в подробном представлении. Талантливый политический обозреватель советского телевидения, известный публицист и ученый-экономист, в первые годы горбачевской «перестройки» Лев Александрович стал для многих граждан бывшего Советского Союза одним из символов политического и общественного обновления огромной державы. С его передачами, выступлениями и репортажами по центральному телевидению, разительно отличавшимися своей социальной заостренностью и проблемностью, связывались надежды на демократизацию советского общества, устранение всеобъемлющего идеологического диктата КПСС, улучшение экономической ситуации в стране, избавление от унизительного стояния в очередях за самым необходимым.

И не вина Л. Вознесенского в том, что эти светлые надежды десятков миллионов советских людей так и остались нереализованными. Как известно, вместо обновления страны, роста социальной справедливости в обществе, действительного улучшения жизни ее граждан в начале 90-х годов мы все стали свидетелями драмы неожиданно быстрого распада еще недавно могучего Советского Союза, пережили обернувшуюся массовым обнищанием шоковую терапию «по Гайдару», беспрецедентную по своим масштабам и пагубным последствиям откровенную аферу под названием «ваучерной приватизации»…

Почему все это случилось? Где истоки той трагедии, через которую пришлось пройти нашей стране на исходе XX столетия? Был ли у СССР исторический шанс на выживание и дальнейшее стабильное развитие? В чем конкретно состояла вина и беда тогдашних политических руководителей? Рассуждения над ответами на эти и подобные им вопросы красной нитью проходят через все со-

держание неординарного и разнопланового труда Л. Вознесенского, отнесение которого к какому-либо определенному жанру выглядит весьма проблематичным.

С одной стороны, это, вне сомнения, интересная и не безуспешная попытка историко-политологического исследования существа системы власти в СССР, специфических особенностей и механизмов ее реализации, факторов и характера эволюции в 30—80-х годах. Наиболее ценным здесь представляется определенная новизна авторских подходов к оценке и интерпретации многих, казалось бы, досконально изученных отечественными и зарубежными специалистами фактов и явлений политической истории Советской страны, начиная от «позднего сталинизма» до «эпохи Горбачева» включительно. Следует подчеркнуть, что оригинальность труда Л. Вознесенского в этом отношении во многом обусловлена широтой и глубиной видения им предмета анализа, в котором он прекрасно ориентируется, знает его, что говорится, «изнутри» и не понаслышке. И хотя в книге отсутствует традиционный справочный аппарат, четкие формулировки авторской концепции, указания на методологические аспекты исследования и другие подобные вещи, ее в этой части вполне можно назвать действительно серьезной научной работой.

С другой стороны, труд Л. Вознесенского – это пронизанное болью и горечью, основанное на личных воспоминаниях и впечатлениях, повествование о трагедии членов его семьи и собственной молодости, ставшей результатом знаменитого «Ленинградского дела».

В этой связи стоит напомнить, что Лев Александрович – сын видного ученого, министра просвещения РСФСР А.А. Вознесенского, а также племянник крупного государственного деятеля, знаменитого председателя Госплана СССР и заместителя главы правительства, академика Н.А. Вознесенского. Как и сотни других безвинных людей, они были уничтожены в 1950 году по насквозь инспирированному Сталиным и его ближайшим окружением очередному громкому «делу». Тогда же получил свой «срок» и фронтовик, студент Ленинградского университета Лев Вознесенский, который провел в лагерях долгих три года.

Заинтересованному читателю автор как бы вновь открывает эту драматическую страницу отечественной истории, позволяет взглянуть на «Ленинградское дело» с персонифицированных позиций, прочувствовать всю жестокость и бесчеловечность сталинского режима. Более того, знакомство с книгой убеждает в том, каким неординарным, подлинно государственным человеком был Николай Вознесенский, память о котором – долг потомков.

Естественно, что как любой основательный труд, работа Л. Вознесенского содержит отдельные положения, которые носят дискуссионный характер, с некоторыми утверждениями автора порой трудно согласиться. Однако все это вряд ли снижает ценность и значимость новой книги об ушедшей эпохе, о стране под названием «Советский Союз». Будучи написанной компетентным современником, она, думается, будет долго привлекать к себе внимание всех, кто небезразличен к прошлому нашего Отечества, кто понимает, что без истории нет будущего.

А.Ф. Гребенев, М.И. Каратуев, М.И. Фролов

ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОДВИГА

(к обсуждению книги В.Т. Анискова «Крестьянство против фашизма» в контексте новейшего исследования)

Накануне 60-летия Победы увидела свет незаурядная монография доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории России Ярославского университета, известного крестьяноведа В.Т. Анискова [1]. Опубликованная Российским гуманитарным научным фондом, отмеченная иными грантами, она получила высокую оценку научной общественности. Ей посвящен ряд авторитетных и, несомненно, значимых сопутствующих и последующих рецензий в научной и другой печати, в том числе в таких известных журналах, как «Новая и новейшая история» и «Военно-исторический журнал [2]. Их авторами выступили крупные исследователи истории Великой Отечественной войны.

Вместе с тем столь значимое историографическое издание не нашло даже информационного сообщения в самом близком по научно-профессиональной проблематике журнале РАН «Отечественная история». Но мы далеки от какого-либо упрека и даже более того. В наше жестоколючее и далеко не монотонное в исторической науке время подобная выдержка – свидетельство доброй осмотрительности и упредительности академического журнала, который всегда имеет за собой веское право высказаться итогово и обобщающе. Мы, кажется, тоже мыслили подобным образом, хотя, видимо, более интуитивно. Теперь же пришло время определиться, тем более что и сам автор просил об этом в своей же книге.

В качестве минимума можно бы ограничиться развернутой, но не трафаретной рецензией в этом же журнале. Однако раз уж так замыслилось, хотелось бы поступить основательнее, дабы снять какие-либо подозрения «в замалчивании» солидного труда, а главное, не упустить очень своевременной возможности целенаправленно и широко обменяться нашими взглядами хотя бы по части принципиальных вопросов, касающихся методологии истории России того периода, оценка, а то и заведомый пересмотр которого ныне взбудоражили буквально всех. И нам, представляющим межрегиональную Академию военно-исторических наук РФ, было бы неуместно занять в этом буме нейтрально-молчаливые позиции, тем более, что и сам автор действительный член нашей академии.

Инициативная задача несколько облегчается тем, что нам есть на что опереться из числа тех выводов и оценок, уже прозвучавших в ряде опубликованных рецензий. Процитируем лишь некоторые извлечения из них. Начнем с отзыва академика РАН В.В. Алексеева (Екатеринбург): «Только что получил вашу замечательную книгу о российском крестьянстве в годы Второй мировой войны. Уже беглое знакомство с ней показывает, что это неординарный труд. Одним махом вы перешагнули пустопорожнее теоретизирование, верноподданнические вирши и пошло-пасквильные писания последних лет о трагизме русского крестьянства в XX в., вышли на единственно верный путь национального и цивилизационного понимания его роли в многострадальной судьбе нашего Отечества» [3].

Мы со всем согласны, кроме «одного маха», ибо ему предшествовала целая серия подготовительных монографий как регионального, российского, так и затем общесоюзного звучания. Но, чередуя и выравнивая авторитетность рецензентов, обратимся далее к отзыву начинающего кандидата в историческую науку из Ленинградской области Г.С. Стругова: «Широтой охвата проблем, вдумчивостью и глубиной анализа, обоснованностью выводов и заключений заметно выделяется монография В.Т. Анискова. Исследование охватывает все сферы деятельности крестьян в годы войны, содержит анализ их взаимоотношений с партией и государством, мотивацию поведения и поступков. Специальная глава посвящена быту и духовной жизни военной деревни. Автор отмечает, что война потребовала «круто перестроить и даже изменить весь уклад жизни нашего народа, подчинить интересам фронта, не только материальные, а и моральные силы людей, их культуру, — не только вековое, российское, христианское, но и совершенно новое, манящее, советское», и приходит к выводу, что не бездумный фатализм, а патриотизм, жертвенность стали одним из определяющих источников Победы [4].

И здесь мы разделяем все схваченное. Подчеркнем лишь одно – принципиальное уточнение самого автора, который особо вычленяет именно массовую и осознанную черту победоносного патриотизма. Но пойдем дальше и продолжим мнением академика, действительного члена РАЕН Г.А. Куманева (Москва). В соавторстве с доктором исторических наук В.Н. Земсковым они пишут: «Специальная глава посвящена жизни и борьбе крестьян на временно оккупированной неприятелем территории СССР. Вызывают интерес суждения о том, что оккупанты не распустили колхозы не только из фискальных соображений – они вынуждены также были считаться с коллективистским менталитетом большинства советских крестьян, а частнособственнические настроения, имевшие место у некоторой их части, не являлись доминирующими». В этой связи В.Т. Анисков отмечает, что встречающиеся «ныне рассуждения о так называемой слепоте, неосведомленности и неумных приказах оккупантов (иначе якобы все было бы иначе) в относительном случае можно отнести к числу наивных».

При этом опять же подметим, что то же крестьянство, как показано в книге, составляло социальное большинство того же партизанского движения, обеспечивало довольствием, хранило в тайне его территориальные перемещения,… снабжало точными агентурными сведениями. И опять же кандидат исторических наук из Костромы Е.Ю. Волкова в свою очередь замечает, что «поражает обилие проблем, поставленных в книге, которые охватывают практически все стороны той жизни крестьянина. Удивляешься редкой сегодня авторской ответственности при раскрытии жертвенного подвига советской деревни во всем» [5]. В том числе в производственной сфере, из которой выбыли практически всё мужское трудоспособное население, весь современный тракторный парк, 75 процентов автотранспорта, более 60 процентов рабочих лошадей; поступление запчастей упало в 5—10 и более раз, керосиновый дефицит зажег лучину… Остались одни старики, сократившаяся часть женщин и подростки, которые, к тому же, стали основным резервом фабрично-заводского ученичества. Необычайно возросли, как показывает В.Т. Анисков, и тяжелые последствия природной рискованности российского земледелия, особенно к середине и к окончанию войны.

Однако колхозное производство «отнюдь не находилось на грани развала», — вторят за автором его рецензенты: «Даже в самое тяжкое для сельского хозяйства время, каким стал для него 1943 год, — цитируют они один из многих его необычных, но обоснованных выводов, — когда недород урожая опустился ниже самой критической черты, колхозы (артельно-кооперативное производство) дали стране 94,2 процента хлебных заготовок. И это оказалось тем спасительным минимумом для населения и основой фронтового хлебного довольствия. Колхозное крестьянство внесло незаменимый, во многом жертвенный вклад в достижение экономической победы над врагом». А что до животноводства, подтверждает та же Е.Ю. Волкова, то вопреки его общей и большой убыли, в некоторых специализированных регионах, например, в Верхнем Поволжье, колхозы «не только полностью сохранили, но и увеличили поголовье общественного стада».

И это еще при том, извлекая из книги В.Т. Анискова сопутствующий сюжет, пишет опять же Е.Ю. Волкова, когда почти 250 тыс. жителей одной лишь Ярославской области в зиму 1941 - 1942 годов было мобилизовано на строительство оборонительных рубежей. Около 75 процентов из них составляло сельское население, а в их числе до 70 процентов — женщины. За три месяца от Рыбинского моря до границ Горьковской и Ивановской областей на протяжении 1900 километров в 35-градусный мороз, с помощью тех же колхозных подвод и вручную было «возведено 285 пулеметных дотов, 122 огневые позиции для пушек, сооружено множество усиленных противотанковых рвов, надолбов, ловушек, эскарпов, окопов, ходов сообщений, построено 1036 армейских землянок и 248 командно-наблюдательных пунктов. И все это – ныне непостижимо – с помощью лома, лопаты, кирки, тачки, костра против промерзшего грунта. Не было даже взрывчатки, зато, кроме питания, хорошо обеспечивали теплой одеждой, обувью, бельем».

В этой связи трудно не согласиться с выводом самого автора: «Не надо сетовать на то, что построенные в срок оборонительные рубежи на Верхней Волге не пришлось использовать по прямому назначению». Но «их возведение, несомненно, отрезвляюще подействовало на фашистское командование. Пожалуй, впервые с начала войны немецкие «обходные клинья», столь успешно применявшиеся до этого, вовсе не прошли, а фронтальное наступление гитлеровцев на Москву не только захлебнулось, но и закончилось их сокрушительным разгромом». Причем В.Т. Анисков очень актуально и в той же связи выводит это обстоятельство на оценки И.В. Сталина и Г.К. Жукова, напоминая, в частности, редко ныне приводимое объяснение последнего: «Он (Гитлер) считал необходимым сначала захватить Ленинград, а затем, соединившись с финскими войсками, нанести глубокий удар, обходя Москву через Ярославль».

К счастью, не прошло ни первое, ни второе, которые могли оказаться и последним. Несложно представить себе, если бы верхневолжский клин не только прошел, а и завершился чудовищным обхватом столицы и всего юго-восточного тыла Ленинграда, когда не потребовались бы никакие Ладожские переправы… Впрочем, не отвлеклись ли мы вместе с автором книги от темы? Ни в коей мере! Там же приводится и нечто общее. Всего в 11 областях и автономных республиках РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Азербайджане, Армении, в Грузии и в Карело-Финской ССР на строительстве оборонительных рубежей было занято, преимущественно из сельского населения, около 4,5 млн. человек. В итоге читаем: «Столь массовые мобилизационные методы привлечения рабочей силы отвечали соответствующим патриотическим настроениям миллионов людей в городе и деревне, а потому срабатывали без каких-либо социальных конфликтов».

Примечательную оценку рассматриваемому исследованию, и не только в этой связи, дает доктор исторических наук С.Г. Осьмачко (Ярославль). «Позицию автора, — пишет он, — особо отличает тот позитивный и продуктивный историко-методологи-ческий консерватизм, который наглядно свидетельствует не только о научной добросовестности, но и о здравой нравственной позиции». Он явно не желает решительно менять фокус индивидуального исторического сознания в угоду каким-то политическим новациям. Наоборот, стремится все более современно осмыслить жизнь и судьбу российского (советского) крестьянства, тем более, что величие отечественной деревни, ее вклад в Победу над фашизмом «переоценить вряд ли возможно» [6].

В исследовании содержится подлинный социокультурный портрет советского крестьянства, причем представленный на широком историческом фоне и в многообразии значимых историко-психологических деталей. Безусловно, подчеркивает рецензент, «такой подход привлечет внимание не только коллег-историков, но и всех исторически мыслящих читателей, стремящихся к непредвзятому и доказательному осмыслению нашего прошлого и настоящего». Вызывают интерес, по его же мнению, оценки оппонирующим высказываниям, которые основываются на «серьезной интеллектуальной базе и меньше всего напоминают ругань или утопию».

Касаясь же будущего страны, С.Г. Осьмачко солидарно цитирует из книги: «Надо вернуть народу историческую память… Дать снова обрести святые чувства патриотиче-

ского, межнационального и социального единения, нерасторжимой связи поколений». И еще: «Интеллигентность и замечательный патриотизм уважаемого автора в полной мере проявились в посвящении книги «Святому поколению крестьян той судьбоносной поры и их славному сыну Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову».

Завершая некий обзор упомянутых отзывов, отдельно вычленим из них рецензию Н.Д. Козлова из «Военно-исторического журнала». Разделяя приводимые выше историографические оценки анализируемого труда, он, на наш взгляд, несмотря на обусловленную краткость, счел необходимым в первую очередь оттенить саму его методологическую необычность. Он не просто включил автора рассматриваемой монографии в приводимое «число» историков, занимавшихся той же аграрной проблематикой 30–35 лет тому назад или опубликовавших свои книги в региональном исполнении… Это – «наиболее значимое за последние несколько десятилетий исследование о советском крестьянстве периода борьбы с фашизмом».

«Издание поднимает общеисторические, методологические и социально-психологические проблемы как в рамках военных лет, так и в связи с прежней и последующей судьбой советского крестьянства. Центральная идея труда – массово-жертвенный патриотизм нашей деревни во время войны и его истоки (подч. нами). Верный научным традициям, — продолжает профессор Козлов, — автор справедливо подчеркивает, что слишком долго принижалась роль деревни во всенародной борьбе. Сначала это было связано с известной концепцией государства диктатуры пролетариата, а в конце XX – начале XXI века – с тем, что такие определения деревни, как «героическая», «колхозно-совхозная», «советская» и «всесоюзная», не соответствуют нынешним политизированным аграрным понятиям».

Все без исключения рецензенты отмечают, что В.Т. Анискову удалось привлечь столь принципиально важный материал, который позволил ему не только преодолеть непомерно затянувшуюся историографическую и методологическую недооценку, более того – несправедливое принижение советской деревни в достижении Победы, но и обосновать, напротив, ее решающую роль в разгроме фашизма. При этом им проведен развернутый анализ всего комплекса аргументов – от численно-статистических до крестьянско-психологических. Мы, к огорчению, сможем упомянуть лишь два составных из этого комплекса, но, думаем, каркасных: более 80 процентов личного состава нашей действовавшей армии составляли крестьяне-колхозники (и более того – в бронетанковых и стрелковых частях) и он же, сельский житель, выступал коренным носителем социального и морально-психологического единения, сплочения всего народа, конечно, советского.

Но одновременно с этим он пишет, что следует не противопоставлять советское былому, российскому, а видеть их нераздельное взаимопроникновение, которое сначала помогло выстоять, стать выше ранящих, но преходящих социальных обид прошлого, а затем и победить. «На изломе исторической судьбы, — цитирует автора и солидаризируется с ним президент Международной академии психологических наук В.В. Новиков, — всеми лучшими гранями обернулась социальная психология российского крестьянства: напористостью и кротостью, бережливостью в малом и великодушием в большом, верностью Отчизне и ненавистью к захватчикам, традиционной доверчивостью и врожденной сметливостью, индивидуальной самостоятельностью и артельной удалью – словом тем, что в конечном итоге питало нашу Победу» [7].

Это же составляло и квинтэссенцию осознанного жертвенного подвига крестьянства и всего нашего народа, — словом то, что ныне стало главным предметом неприязни противников советско-российского патриотизма. В книге приводятся и антинаучные примеры такой неприязни с ярчайшими антикомментариями. Напомним лишь один, связанный с именем М.А. Вылцана – известного в прошлом историка советской деревни, а ныне перечеркнувшего эту значимость своей жалкой (прежде всего для него самого) книжкой [8]. Процитируем: «Многие писатели и философы отмечали одинаковую уживчивость в русском характере психологии раба и бунтаря» (С.70). «Колхозное крестьянство.., по-

ставленное большевистскими вождями в положение полукрепостных, выступило против полчищ Гитлера или подалось в дезертиры и коллаборационисты» (С. 10—11).

Далее: «В поведенческой структуре крестьян не последнее место занимало ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение своего гражданского долга, приказа высших и местных властей». Что до «массового трудового героизма», «вдохновенного труда колхозников», то это не более чем «утвердившиеся в исторической литературе клише и штампы», к которым-де он, М.А., разумеется, не имел никакого отношения как историк. Да уж: всю сознательную жизнь он не уставал «вдохновенно» писать о вдохновенном труде крестьян, и вдруг непостижимая риторика: «сельское хозяйство одержало экономическую победу»!? – это «ничего общего не имеет с исторической правдой», «сельское хозяйство в экономическую победу явно не вписывается. Для него больше подошло бы определение: «Пиррова победа». (С. 24). Как видим, дальше некуда.

Упомянутые выше рецензенты анализируемого нами труда отмечают, что все сколько-нибудь значимые его сюжеты рассматриваются автором в нераздельном единстве заявленного историко-психологического анализа. В этой связи он исходит из непреходяще актуального высказывания покойного академика Б.Ф. Поршнева о мертвенности исторических схем без показа реальных действующих лиц и психологии их поведения.

В то же время, тяготея к методам подзабытой школы анналов, следовавших за происходившими событиями с максимальной хронологической последовательностью и обстоятельностью, «он и в самом деле в подходе к теме стремится осветить ее с очевидной доскональностью на грани утрачиваемой ныне энциклопедичности».

Уникален сам территориальный охват монографии, ее тематическая структура, комплекс общеисторических, военно-хозяйственных, социально культурных, психологических и материально-бытовых проблем. Одно их беглое представление заняло бы у нас долгий ряд строк. В.Т. Анисков «следует за своим предметом всюду» – в тылу и на фронте, в подвижной прифронтовой зоне, в Центре России, на Урале, в Сибири, в Средней Азии и на Кавказе, в освобождаемых районах Украины и Белоруссии, в партизанской борьбе, в движении сопротивления на оккупированной территории и фашистской неволе. В разные периоды войны, в менявшихся соотношениях и смещенных акцентах. Небезынтересны и убедительны его выводы по поводу иной, чем принято, периодизации истории нашей деревни военных лет, согласно которой самым тяжким для нее оказался тот самый «переломный» 1943 год, разделивший ее судьбу на два сопредельных этапа.

Многие страницы книги заняты оригинальными, комбинированными и проанализированными автором таблицами и рядами сведений по всем направлениям – в целом по СССР, России, другим республикам и регионам. В летописной динамике, в предшествовавших и последующих сравнениях и, что тем более ценно, в городском и сельском преломлении. Сошлемся хотя бы на подобный разворот сведений по всем направлениям медико-санитарной деятельности на селе. Здесь перед нами полный ряд данных о перемещении и переподготовке соответствующих кадров, эвакуации и переформировании медико-санитарной инфраструктуры, о состоянии лекарственно-фармацевтической базы, о многократном в итоге приросте самых необходимых и номинально бесплатных лекарственных средств, о начальном нарастании основных видов заболеваний и их последующем радикальном сокращении, о летальных характеристиках, об овладении ситуацией с одновременной заботой о детстве, родовспоможении и т. д., в том числе в сельских освобождаемых районах и на фоне общей и крестьянской динамики народонаселения.

В подобном же разнообразии на страницах книги разместились редкие в историографии и социальной психологии сюжеты об общественной и личной жизни колхозников военной поры, их духовной сплачивающей стойкости, о межкрестьянских, включая соседские, и иных отношениях. Много добрых суждений и свидетельских зарисовок содержит книга «о прекрасной по своей сути жизни сельской школы, ее учителя, как и сельского врача-подвижника – настолько святой и благодарной, насколько тяжелой и, хотелось бы, неповторимой». Здесь, как и во многих других случаях, очень «плотно», хотя и с по-

стоянными сокращениями, мы следуем за авторской стилистикой. Ибо, как подметил президент академии психологов В.В. Новиков, авторские обобщения всегда несут в себе штрихи индивидуального отражения и нестандартных зарисовок, которые лучше воспринимаются в оригинальном исполнении, чем в самом лучшем переложении».

Это же следует сказать и в связи с характеристиками действовавших исторических лиц и мотивов их социально-психологического поведения. Общее число героев книги вместе с цитируемыми авторами составляет не менее 700 лишь в текстуальном упоминании. Но в ней не только называются имена, в отличие от соответствующего указателя, а и показываются в реальных поступках – всюду и во всем. Отдельного внимания заслуживают персональные характеристики видных руководителей партийно-государственного аппарата тыловых регионов и партизанского движения: Алтайского края, Новосибирской, Ленинградской, Орловской, Ярославской областей, Украины, Белоруссии… Они и в самом деле явно контрастируют с теми шаблонно «невежественными» оценками, которые до недавнего времени «заполняли квазинаучные издания».

Вот и получается, что Великую Отечественную выиграло «крепостное» колхозное крестьянство, «лишенное каких-либо конституционных прав и свобод», понуждаемое «милитаризованной сталинщиной» в лице бюрократических кадров на всех уровнях, которыми двигал «страх за свою жизнь и жизнь близких (не более того), и который заставлял их безропотно, как солдат, исполнять вверху принятые решения». Мы, как и автор рассматриваемой монографии, могли бы продолжить подобные оскорбительные выпады и сослаться на их антинаучные позывные, тем более, что нас всемерно побуждают склонять головы перед безмерным мужеством тех цивилизованных нацистов и собственными фашистами современного коричневого разлива.

В монографии В.Т. Анискова бесконечное число совсем иных выводов и примеров. Напомним только один, сугубо сельский во всех отношениях, подмеченный, в частности, в рецензии Г.А. Куманева и В.Н. Земскова. Речь идет об известных политотделах МТС и совхозов, реально созданных по постановлению ЦК ВКП(б) в начале 1942 и упраздненных уже в мае 1943. Об известных чрезвычайных структурах, но совсем по-разному оцениваемых по сей день в литературе – относимых к так называемым антикрестьянским репрессивным органам без всяких на то оговорок — к тем, которые-де в итоге так ничего и не сделали в пользу деревни. Наши коллеги по журналу «Новая и новейшая история», разумеется, не разделяя подобные «модернистские» предрассудки, посчитали даже целесообразным полностью процитировать совсем не краткое для рецензии извлечение из книги В.Т. Анискова. Последуем этому и мы, заведомо по-хорошему «провоцируя» наших оппонентов.

«Видимо, не спокойно было на душе у Сталина и его окружения в отношении крестьянства после недавних репрессий во время коллективизации и в самый разгар голода и мора в стране в начале 30-х годов, — пишет автор. — А потому и позаботились о воссоздании уже «испытанных» чрезвычайных органов с понятными превентивными целями. Но забота оказалась чрезмерной, ибо, как свидетельствуют многочисленные донесения тех же политотделов, колхозное крестьянство оказалось куда более благонадежным, чем могли о нем подумать (исключения здесь не в счет). Более того, как явствует из тех же донесений, политотделам вскоре пришлось не только политически «курировать колхозников, сколько, зная истинно патриотические настроения и дела в деревне, все чаще вставать на защиту самих крестьян от непомерного и неразумного сверхизъятия их продукции. Это и послужило одной из причин неожиданно быстрого упразднения политотделов на селе уже в мае 1943 года» (С. 36–37).

Рецензия в столь авторитетном журнале такую оценку судьбы сельских политотделов называет «весьма точной», и мы согласны с ней. Не имея возможности хоть как-то соприкоснуться с их действительно позитивной ролью в повсеместной организаторской деятельности в деревне, по-новому раскрытой в той же книге, хотелось все-таки заметить и весьма меткую отпротивную авторскую аналогию упредительного замысла сей структуры с так называемыми заградительными отрядами на фронте. И в самом деле:

схожие «заграждения» власти от крестьянства не потребовались — скорее наоборот. И потому, оказавшие неотложную помощь селу, политотделы были упразднены не только в самое тяжкое для него время, а и в период их собственной реорганизации с учетом иных вставáвших задач.

Замыкая кадровую проблему, мы вместе с нашим автором с возмущением откидываем упомянутую выше политизированную ересь. При этом напоминаем, что сотни тысяч руководящих партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских работников цементировали фронт и тыл, партизанские движение и подполье – не в страхе, а в убеждениях, с народом и за народ. И все это конкретно и в лицах рассказано на материалах всех перечисленных выше республик и регионов Союза, в том числе особо на примерах фронтовой и массовой партизанской борьбы. Развернутым планом вычленена и славная Белоруссия. Вместе с населением соседствующих славянских регионов, «полумесяцем охватывавших насмерть сражавшуюся родную по крови республику» (Псковщина, Смоленщина, Орловщина со знаменитой партизанской Брянщиной), они, составившие, как пишет В.Т. Анисков, своеобразные «бермудские треугольники» для озверелых нацистов, фронтально и скоординированно парализовывали гитлеровские войска на всем центральном направлении, перемалывали их дивизии. Но и сама же Белоруссия за годы войны потеряла почти каждого третьего своего соплеменника.

Однако как ни тяжелы оказались военные дни и ночи – их жертвенность так и останется святым приношением во спасение Отечества и цивилизованного мира от коричневой чумы. Проникновенные слова о беспримерности подвига и духовности самого поколения во всех ассоциативных проявлениях, поднимаемых в монографии, звучат естественно и взволнованно, нередко вырываясь «за некие условности научной строгости». «Их горечь понятна, — подчеркивает тот же В.В. Новиков, — но только в немногих случаях она выливается в форму упрека или укора, тем более в адрес главного сословного героя книги (а последнего мы и вовсе не заметили). Кто бы что ни говорил и ни писал о так называемой несоразмерности принесенных жертв, ясно одно: цене Победы нет даже близко равного эквивалента. Попытайтесь оспорить!» Автор не исключает ошибочных, даже непростительных потерь и утрат – и о них нет умолчаний. Он обычно не сглаживает даже доли инвариантности, отсутствия или присутствия выбора.

Но очень жестко меняется методологический ключ, когда исследование соприкасается уже с послевоенными судьбами нашей деревни. И главный вывод здесь — фашистская Германия в силу принесенных ею колоссальных разрушений и людских потерь не достигла в войне лишь одного, хотя и главного: «Она не смогла сокрушить наше государство, наш строй, наши порядки». Однако она очень многого добилась из того, на что с вожделением рассчитывал весь реакционный мир. Небывалый урон повлек за собой столь мощные деформации, многие из которых оказались, к тому же, наложенными на негативы довоенной поры, что их действие становилось «даже более глубоким и продолжительным, чем следствий прямого (материального и людского) урона».

Это основательное заключение тем более оказалось соотносимым с сельским хозяйством – более всего пострадавшим, потерявшим и деформированным: в товарно-денежных отношениях между городом и деревней, в заготовительной, налоговой, финансовой, социальной и правовой политике. Вынужденные, мобилизационные и вовсе экстремальные отношения закостенели настолько, что их «не смогли сломать все последующие «радикальные» преобразования» (тем более в кавычках). «Надломилось и сломалось само сельское хозяйство: столь недостойное к нему отношение, растянувшееся на многие десятилетия, не могли бы выдержать никакие структуры. За обвалом одной из несущих опор рухнула и вся конструкция. Печальная участь деревни предрешила и судьбу всей страны».

Казалось бы, подобная категоричность, в принципе, не свойственная нашему автору, звучит как попутное признание им развала СССР в виде кризиса на грани системности. Но мы так не считаем. Всё и в самом деле, как полагают и некоторые коллеги, зависит от понимания самой системности, ибо даже «обыденная заскорузлость, тем более на

высшем уровне, и ставшая непреходящей, — очень благодатная почва для целеустремленных волевых усилий по развалу страны». Но это уже тема особого осмысления, и мы позволили себе прикоснуться к ней не более как с целью одной лишь постановки сопредельных проблем перехода от войны к миру, а точнее — к холодной войне. Но опять же и сам автор вовсе не обходит, а намеренно наводит на нее.

Заканчивая столь развернутый историографический обзор исследования заслуженного деятеля науки В.Т. Анискова и первых на него профессиональных откликов, мы еще раз подчеркнем наше согласие с его высокой оценкой. Даже постановочный анализ только части поднимаемых проблем первого порядка дает основание для вывода о том, что перед нами итоговый труд нового поколения и глубинной историко-социальной и психологической методологии. Мы также вовсе далеки от мысли, что столь капитальная монография в сопутствии многих других публикаций автора не породит последующих солидарных, дискуссионных, а то и вовсе неприемлемых воззрений, о которых говорилось в начале статьи. Их «огонь», как пишет сам автор, он заинтересованно примет и «на себя».

Помимо обстоятельного отклика, который мог бы появиться и на страницах других изданий [9], включая средства массовой информации, мы просим поддержать и наше предложение о переиздании труда В.Т. Анискова. Монография прошла конкурсный отбор Российского гуманитарного научного фонда, отмечена дипломом ярославского губернатора как «лучшая научно-исследовательская работа» по итогам областного конкурса за 2005 год. Прекрасно изданная книга уже успела стать библиографической редкостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Анисков, В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига [Текст] / В.Т. Анисков — М. : Памятники исторической мысли, 2003. — 503 с.

[2] Куманев, Г.А. Соответств. рец. [Текст] / Г.А. Куманев, В.Н. Земсков: Новая и новейшая история. – 2005, № 6, с. 209—210; Козлов, Н.Д. Крестьянство против фашизма [Текст] / Н.Д. Козлов – Военно-исторический журнал. – 2005. — № 10. — С. 65.

[3] См.: Виктор Тихонович Анисков. Биобиблиографический сборник. — Ярославль, 2003. — С. 113.

[4] Стругов, Г.А. … Воздействие государственной системы на сознание народа в годы Великой Отечественной. войны. [Текст] / Г.А. Стругов. Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. — СПб, 2005, — С. 8.

[5] Северная правда.— 2004. 31 марта.

[6] Северный край. — 2004. 30 июля.

[7] Новиков, В.В. О новом труде В.Т. Анискова: к итогам научной деятельности. [Текст] / В.В. Новиков // Вестник соц.-полит. наук. — Ярославль, 2002. — С. 122.

[8] Крестьянство России в годы большой войны 1941—1945. Пиррова победа [Текст]. — М., 2001.

К.А. Киселев

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

Достижение политической независимости странами Востока стало важной исторической вехой в их развитии. Однако вопреки надеждам многих национальных лидеров и чаяниям масс сама по себе политическая независимость не стала, да и не могла стать панацеей от вековой отсталости и всех прочих бед, связанных с колониальным прошлым.

Политические национально-освободительные революции и утверждение национальной государственности являлись решающими предпосылками, без которых невозможно было даже приступить к решению задачи преодоления комбинированного характера обществ на современном Востоке. Но при этом надо учитывать, что ни политическая революция, ни установление национальной государственности не могли сами по себе устранить комбинированный характер общества, что решение этой задачи составляет содержание целой исторической эпохи.

Что представляет собой комбинированное общество? Это — общество, характеризующееся весьма слабой внутренней интегрированностью тех компонентов его структуры, которые разнородны формационно или типологически. Взаимосвязь между этими компонентами обеспечивается лишь: а) внешними по отношению к ним самим силами (относительно автономная политическая надстройка или политическое насилие), б) общностью территориально-географического фактора — совместным местоположением в рамках одного государства и в) несущественными или вторичными общественными связями, то есть такими, разрыв которых не нарушает их внутренней сущности (например, если традиционный и иностранный сектор очень слабо связаны между собой и сосуществуют в качестве автономных укладов, то прекращение их частных и случайных связей не приводит ни к закрытию иностранного предприятия, ни к разрушению внутренней жизни традиционного сектора) [1].

В момент обретения независимости скрепляющий фактор колониального политического насилия сменяется фактором морально-политической сплоченности вокруг национального руководства, фокусирующим в себе разнородные по сути своей, но единые в своих внешних антиколониальных устремлениях силы многоукладного общества. Эта сплоченность может действовать по инерции еще некоторое время после достижения независимости, но отнюдь не беспредельно. Центробежные тенденции, имеющие своими истоками разнородность, разноформационность компонентов комбинированного общества, оживают в период его независимого развития. Это побуждает национальные правительства задумываться над разработкой стратегии национально-государственной интеграции, целью которой стало бы превращение комбинированного общества в национально-целостное, то есть в такой общественный организм, где все его компоненты однородны в общественно-экономическом и социально-политическом плане, причем все основные связи между ними существенные [2].

История ряда стран Востока показала, что были национальные руководители и правительства, которые пытались решить указанную задачу (а за одно и проблему своей

собственной легитимности) лишь при помощи системы законодательных и идейно-пропагандистских мер. Национальное руководство практически всех стран Востока, развивавшихся по пути капитализма, стремились создать (по собственной инициативе или по подсказке бывшей метрополии) современное буржуазное государство. Национально-интегрированное общество, по сути дела, декларировалось, и миф этот поддерживался шумными пропагандистскими кампаниями. Однако реальное, многоликое общество требовало конкретных свидетельств способности своих правительств выражать многоплановые интересы. Но так же как ранее почти во всех европейских странах после первых буржуазных революций, современные страны Востока с первого дня независимости столкнулись с феноменом несоответствия реального многоукладного общества рамкам официально провозглашенной национально-государственной общности. В этом по сей день заключается одна из основных проблем абсолютного большинства стран Востока.

Становление современных буржуазных государств Запада являлось логическим результатом естественноисторического процесса зарождения и развития элементов будущего буржуазного гражданского общества еще в недрах феодализма и дальнейшей его эволюции в условиях первой фазы капитализма. В результате складывались национально-интегрированные гражданские общества: на определенном этапе в целом совпадали рамки реального и гражданского обществ, когда основная масса реального общества осознавала себя в первую очередь гражданами данного государства, в то время как принадлежность к более узким и местным обществам и группам отходила на второй план, а в некоторых случаях и исчезала вовсе. В результате между гражданским обществом и его естественным результатом — буржуазным государством — возникает соответствие, относительная функциональная гармоничность, когда имеющиеся противоречия разрешатся в повседневной жизни на основе консенсуса [3].

Иначе обстояло дело на Востоке, где традиционно государство было всем, а гражданское общество находилось в аморфном состоянии. Современные буржуазные государства в странах Востока (независимо от конкретных их форм) явились хотя и не с неба, но все же сверху — либо в результате политических национально-освободительных революций, либо благодаря сделке бывших метрополий с верхушкой господствующих классов. Сразу же после достижения независимости эти государства оказались на совершенно неадекватном базисе комбинированного реального общества, в котором если и содержались отдельные, преимущественно потенциальные, элементы современного, буржуазного, гражданского обществ, то их в большинстве случаев было недостаточно для обеспечения стабильности, прочности и эффективной деятельности подлинно современного государства. Законодательно утверждающаяся буржуазная государственность в освободившихся странах Востока не могла быть ни чем иным, как заимствованным извне каркасом — формой без соответствующего сущностного содержания [4].

Дело в том, что в общественной структуре современных стран Востока, наличествуют по существу два разных типа традиционного. Это — колониальный синтез и архаичное, то есть доколониальное, исконно традиционное. Казалось бы, что структуру колониального синтеза не совсем правомерно относить к традиционному. Ведь и колониальный синтез является результатом проникновения иностранного капитала, то есть буржуазных отношений, и соответствующей трансформации некоторой части местных элементов. Стало быть, его «логичнее» было бы рассматривать в качестве современного. Так, очевидно, и обстояло бы дело, если бы процесс воздействия метрополии на колонии и полуколонии сводился лишь к обычной вестернизации, то есть к буржуазной модернизации по западному образцу. Но вестернизация в данном случае была необычной и осуществлялась в колониальной форме. Иными словами, эта колониальная модель вестернизации стимулировалась и вообще была всецело связана с чужеземной эксплуатацией. Вот почему с момента появления национального уклада колониальный синтез, несмотря на его внутреннюю буржуазную ориентированность, не мог уже рассматриваться, как «современное», а в качестве последнего ему противостоял теперь национальный капиталистический уклад. И именно для расчистки путей развития этого современного общества потре-

бовались, в частности, антиколониальные освободительные политические революции.

Ко второму архаическому типу относятся все те общественные структуры, которые были традиционными еще до времени формирования колониального синтеза. В основном они сохранились до независимости, так как метрополии не смогли (а часто и не хотели) перемолоть все традиционные уклады колоний и полуколоний.

Поэтому официальному государству приходится, как говорится, бороться на два фронта: а) против традиционного, из которого оно непосредственно выросло, то есть колониального синтеза; б) против архаичного традиционного, которое сохранилось еще с доколониальных времен и которое лишь под давлением изменяющейся обстановки вовлекается в процессы модернизации.

Таким образом, конечная цель одна — буржуазная модернизация и национально-государственная интеграция, но процессы синтезирования, при помощи которых эта цель достигается, протекает в двух разных руслах. Все это и обуславливает особенно значительную роль государства в современных странах Востока. Оно призвано играть активную формирующую или созидательную роль практически на всех этажах общества в экономическом базисе (в том числе в качестве непосредственного агента производственных отношений, выполняющего функции организации и управления производством), в национально-этнической ситуации, в социальной структуре, во всей системе политической надстройки (в том числе в плане достраивания и перестраивания собственного гражданского и военно-полицейского аппарата) [5].

Вся эта активная и разносторонняя деятельность необходима для преодоления сил многоукладности и включением населения жившего в рамках архаичных традиционных секторов и традиционного колониального синтеза, в рамки современного гражданского общества. Причем отсутствие всеобщей, скрепляющей и цементирующей гражданской жизни национальные правительства и лидеры пытались и пытаются компенсировать внедряемой сверху политической жизнью.

В целом процесс становления гражданского общества в современных странах Востока и его взаимосвязи с официальным государством после достижения независимости существенно иные, чем были в соответствующий период в Западной Европе. Там формирование гражданского общества стало предпосылкой формирования современного буржуазного государства. Процесс его становления начался еще в фазе абсолютизма, поэтому сразу же после политических буржуазных революций современное государство и последующая эволюция его исторических форм от традиционной авторитарности к современной буржуазной демократии в основе своей определялись уровнем развития этого гражданского общества, процессами консолидации и т. д.

Таким образом, в Западной Европе процесс развития шел в общем и целом снизу — от экономического базиса и социальной структуры к политической надстройке. В абсолютном большинстве стран Востока национальный капиталистический уклад к моменту достижения независимости был необычайно слаб, чтобы суметь самостоятельно выполнить системообразующую функцию. Поэтому сразу же после достижения независимости инициативная, стимулирующая и направляющая роль в становлении гражданского общества принадлежала надстроечным элементам, прежде всего элитарным слоям госаппарата (ядро современного государства). Иными словами, процесс формирования гражданского общества здесь начался в основном сверху. И лишь по мере укрепления и оформления гражданского общества оно могло начать оказывать все возрастающее давление на официальное государство, вынуждая его к дальнейшей эволюции (процесс, который сопровождается нередко кризисными и революционными ситуациями) [6].

Из сказанного вытекает, что в странах Востока у заимствованного на Западе современного государства — парламентской республики — не оказалось адекватной экономической и социальной базы, национально-этнической структуры и даже достаточных элементов для конструирования собственного (то есть государственного) аппарата. Там, где такое государство было создано, а формально — это большинство колониальных стран Востока (за исключением авторитарных, социалистических и монархических),

очень скоро выявилось несоответствие официальной формы этого государства обществу, над которым оно возвышалась.

Формирование новых форм государственности в таких условиях не означало установления его всеобщего и реального контроля над традиционными секторами общества. Огромные пласты традиционных структур продолжают жить своей, относительно замкнутой жизнью и руководствоваться в ней иными ценностными ориентациями, чем те, что предписываются официальным государством. Лояльность социальных групп этого рода долго еще ориентируется либо на колониальный синтез, либо на архаичные уклады жизни. Именно этим объясняются многочисленные оппозиционные и даже сепаратистские движения во многих развивающихся странах, возникающие там сразу же по достижению независимости. В сущности этих движений лежат либо колониальный синтез, либо архаичные традиционные уклады.

Неоколониализм пытается использовать эти движения в своих узкокорыстных интересах. На практике эти два оппозиционных потока могут выступать разрозненно, совместно или даже друг против друга. В последнем случае некоторые традиционалистские движения могут нести в себе антиколониалистский заряд и временно блокироваться с современными национальными общественными силами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Развивающиеся страны: традиционные ценности и современные институты [Текст] — М., 1986.
2. Левин, З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период [Текст] / З.И. Левин. — М., 1984.
3. Bandaranaike. The Government and the people. Colombo, 1989.
4. См.: Левин, З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. – М., 1984.
5. Gellner, E. Nations and Nationalism. Ithaca – L., 1983.
6. Bandaranaike. The Government and the people. Colombo, 1989.

С.В. Ковалев

ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 ГОДА

1973—1978 годы стали периодом дальнейшего укрепления и расширения взаимоотношений Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Бахрейна, Катара и Омана в военной, политической, экономической, культурной и других сферах. На развитие этих взаимоотношений оказывали влияние религиозные, семейно-династические, племенные и целый ряд иных факторов.

Влияние этих факторов на развитие взаимоотношений внутри рассматриваемой группы государств было неоднозначным. Так, если религиозные факторы способствовали сближению, служили в какой-то мере основой для проведения общей внешней (и во многом внутренней) политики, то семейно-династические и племенные факторы в целом являлись подспудным источником соперничества и многочисленных конфликтов.

Ковалев Сергей Владимирович
кандидат исторических наук,
преподаватель МПГУ

Известно, что коренное население всех рассматриваемых стран исповедует ислам. Правящие семьи (также как и основная часть населения) в Саудовской Аравии, Катаре, в эмиратах Рас-эль-Хайма, Шарджа, Умм-эль-Кайвайн и Аджман, входящих в состав ОАЭ, а также несколько племен в Омане ваххабиты. Ваххабизм превалирует в Саудовской Аравии и Катаре. В Кувейте, ОАЭ, Бахрейне исповедуется ислам суннитского толка, а в Омане — ибадизм.

В странах Залива также придерживаются разных школ исламской юриспруденции (шариата) — ханбализма в Саудовской Аравии, Катаре, а также в Рас-эль-Хайме, Шардже, Умм-эль-Кайвайне и Аджмане, школы малики — в Бахрейне, Абу-Даби и Дубае; школы шафии — в Кувейте.

Однако религиозные различия не отражаются на взаимоотношениях этих стран. Правящие круги аравийских мо-нархий исходят, в первую очередь, из общей принадлежности к исламу и арабской нации.

Общая «приверженность к бессмертным исламским идеалам и идеям арабского братства» неизменно подчеркивалась и подчеркивается во всех заявлениях, коммюнике и других совместных документах.

По инициативе Саудовской Аравии в 1969 году была создана Организация Исламская конференция (ОИК) [1]. В организации, объединившей 42 государства, аравийские монархии придерживались согласованной позиции, при этом значительная финансовая помощь, оказываемая как самой организации, так и ее членам, использовалась ими как инструмент усиления влияния в исламском мире.

Ислам широко используется и во внутренней политике этих стран. Так, любое неугодное правящим режимам политическое движение объявляется противоречащим «исламским идеалам» и жестоко преследуется.

В целом общая принадлежность к исламу является важнейшим фактором, содействующим сближению монархических режимов Персидского залива.

Для понимания особенностей взаимоотношений внутри рассматриваемой группы стран особое значение имеет изучение семейно-династических и племенных факторов.

Как известно, Восточную Аравию населяют многочисленные племена, входящие в те или иные племенные объединения, племенные патриархальные традиции чрезвычайно живучи. Традиионно некоторые племенные объединения («Анайза», «Шаммар») считают себя «благородными аристократами пустыни» в противовес «неблагородным» племенам. Из племенного объединения «Анайза» происходит целый ряд правящих династий — Ас-Сауд (в Саудовской Аравии), Ас-Сабах (в Кувейте), Аль-Халифа (в Бахрейне) [2]. Правящая семья Ат-Тани в Катаре происходит из племени Бани Тамим [3]. Династия Аль-Бу Сайд в Омане происходит из одноименного племени [4]. Династии ан-Нахайян и аль-Мактум в ОАЭ происходят из племенного объединения Бани-Яс [5].

«Племенные различия, деление племен на «благородных» и «неблагородных», династическое соперничество являются источником многочисленных противоречий и конфликтов. Так, например, правящий клан Аль-Халифа в Бахрейне «высокомерно относится» к клану Ат-Тани в Катаре и к руководителям других небольших эмиратов в Заливе, так как считает их более низкими по происхождению. Аль-Халифа разделяют мнение многих саудидов, «которые рассматривают правящие династии этих эмиратов как мелких шейхов племен, которые заняли господствующее положение не столько на основе своих достоинств, прошлых достижений или происхождения, сколько за счет иностранной поддержки и признания», — писал известный американский специалист по странам Восточной Аравии Энтони Дьюк [6]. Он отмечал, что репутация правителя Бахрейна — Иса бен Салмана аль-Халифы, как человека с гипертрофированным чувством собственного достоинства, являлась причиной отсутствия тесных отношений между Бахрейном и другими эмиратами [7]. Междинастические противоречия особенно негативно влияли на бахрейнско-катарские отношения. Клан Аль-Халифы никак не мог забыть, что Катар до 1872 года (когда он был захвачен Турцией) находился под властью Бахрейна.

Семейно-династические факторы отражались и на отношениях между Катаром и Дубаем.

Например, переворот 1972 года в Катаре, во время которого был свергнут шейх Ахмад, привел к ухудшению отношений между Катаром и эмиратом Дубай. Причина заключалась в том, что свергнутый правитель был женат на дочери правителя Дубая.

Из соображений престижа каждый эмират старался обзавестись собственными международными аэропортами, системами спутниковой связи и другими дорогостоящими, иногда дублирующими друг друга, но престижными сооружениями.

Однако в 1973 — 1978 годах ясно прослеживалось стремление правящих кругов Саудовской Аравии избавиться от своего, если так можно выразиться, «династического комплекса превосходства». В этот период в правящих кругах королевства, по-видимому, закончился период адаптации к новой роли, которую стали играть «бывшие шейхи племен». Более того, Саудовской Аравии во взаимоотношениях с княжествами Залива приходится быть достаточно осмотрительной, чтобы не задеть чувствительные факторы местного и семейного характера [8]. При всей их значимости вышеуказанные религиозные, семейно-династические и племенные моменты не являлись определяющими во взаимоотношениях исследуемой группы стран.

Основным фактором, определявшим тесные взаимоотношения Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Бахрейна, ОАЭ и Омана фактором, который, невзирая на субъективные симпатии и антипатии того или иного монарха, вынуждал эти страны стремиться к координации внутренней и внешней политики, являлась общность базиса и надстроечных институтов и вследствие этого — общая социальная стратегия.

Необходимо отметить, что в условиях довольно быстрого разложения докапиталистических укладов, бурного роста капиталистических отношений в сочетании с многоукладностью экономик и консерватизмом надстроечных институтов перед всеми странами вставали схожие социально-экономические проблемы.

Одной из таких проблем, в решении которой аравийские монархии начали координацию усилий, стала проблема иностранной рабочей силы.

Автор не ставил перед собой задачу детального исследования настолько же сложной, насколько и важной проблемы иностранной рабочей силы в регионе. Однако есть смысл остановиться на некоторых принципиально важных аспектах этой проблемы.

Экономический бум в Персидском заливе, ставший результатом многократного повышения цен на нефть, вызвал волну иммиграции в аравийские монархии из других арабских стран, Ирана, Пакистана, Индии и др. Уже в 1975 году в Саудовской Аравии из 1,8 млн. работающих по найму 773,4 тыс. человек (43%) являлись иностранными работниками. В Кувейте число иностранных работников составляло 208 тыс. человек (69,4% занятых), в ОАЭ 251,5 тыс. человек (84,8%), в Бахрейне 30 тыс. человек (39,6%), в Катаре 53,8 тыс. человек (81,1% занятых) [9].

Широкий поток иммиграции, естественно, отразился и на демографическом балансе этих стран. Так, например, в середине 70-х годов более 50 процентов населения Катара составляли иммигранты [10]. В ОАЭ иммигранты составляли более 75 процентов населения (1978 г., оценка) [11].

Таким образом, в некоторых княжествах коренное население превратилось в национальное меньшинство в собственных странах.

Эта тенденция сохранялась и в начале 80-х годов. Так, в Кувейте к концу 1981 года из общего числа населения (1.356.000 человек) коренные жители составляли всего 41,5 процента, а иммигранты 58,5 процента. Более важно то, что если в период с 1975 года по 1980 год число коренных жителей увеличилось на 1 процент, то прирост количества иммигрантов составил 51 процент . По заявлению министра финансов и планирования Абдель Латифа аль-Хамада, при сохранении тенденции в будущем, к 2000 году коренное население могло составить всего 25 процентов общего числа населения страны [12].

В 1979 — 1980 годах в Саудовской Аравии, по официальным данным, общее число наемных работников составляло 2,47 млн. человек, из них 1,41 млн. человек — саудовцы, 1,06 млн. человек иностранцы. Однако по подсчетам специалистов реальное число иммигрантов в эти годы достигло 2 млн. человек [13].

Важным моментом на рынке труда аравийских монархий был абсолютный и относительный рост числа иммигрантов из неарабских стран Азии (Индии, Пакистана, Ирака, Бангладеш, Филиппин, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда и т. д.).

Говоря о конкурентной борьбе между развивающимися странами, образующими локальные «центры силы» и развитыми капиталистическими странами за крупные подряды на строительном рынке стран Залива, академик Е.М. Примаков отмечал, что Южная Корея стояла на первом месте среди стран-подрядчиков. Южнокорейские фирмы брали крупные подряды на строительство шоссейных и железных дорог, прокладку водопроводных путей и канализационных систем.

Эти проекты осуществлялись южнокорейцами, численность которых стремительно возрастала. Например, если в 1978 году на Ближнем Востоке насчитывалось 52 тыс. южнокорейских граждан, то к началу 1981 года только в Саудовской Аравии их число достигло 100 тыс. [14]

По мнению многих исследователей, широкое использование немусульманской рабочей силы объяснялось стремлением правящих кругов аравийских монархий минимизировать угрозу существующим устоям, которую могли создать иммигранты из арабских стран. Временные иммигранты из стран Дальнего Востока, как правило, жили в изолированных лагерях, их общение с местным населением было сведено к минимуму, чему способствовал и языковой барьер.

Таким образом, в глазах правящих элит, контингент из неарабских стран Азии имел то «преимущество», что он практически не влиял на внутриполитическую обстановку в странах региона. Тем более что основная масса этих людей, в соответствии с условиями контрактов, покидала страну сразу же по завершении работ.

В период строительного бума аравийские монархии в основном нуждались в рабочей силе низкой и средней квалификации, а с вводом в действие промышленных объектов возросла потребность в высококвалифицированной рабочей силе, способной обслуживать эти объекты. Появилась необходимость закрепления рабочей силы к объектам, а кратковременные контракты (на несколько лет), которые широко применялись, стали нецелесообразны с экономической точки зрения. Появилась необходимость, если не ассимиляции, то какой-то долговременной «стабилизации» статуса иностранных рабочих и членов их семей.

Не случайно некоторые арабские органы печати стали писать о том, что в Персидском заливе потенциально существует «угроза возникновения ситуации подобной кипрской» и что «иммиграция угрожает арабскому характеру залива» [15]. В связи с этим правители аравийских монархий заявляли, что в последующем, при найме рабочей силы предпочтение будет отдаваться выходцам из арабских и мусульманских стран [16].

Необходимо отметить, что коренное население в этих странах практически не шло работать в промышленность и строительство. «Все «непрестижные» и низкооплачиваемые виды работ выполнялись исключительно иностранцами» [17].

А.Г. Георгиев и В.В. Озолинг в монографии «Нефтяные монархии Аравии» привели интересную идею английских исследователей Д. Бёркса и К. Синклера. По их мнению, такое положение дел подкреплялось, по крайней мере, в Саудовской Аравии, традициями рабского труда, все еще сохранявшими силу в обществе, т. е. имелись в виду работы, которые в донефтяную эпоху выполняли исключительно рабы. Они считались «грязными», а потому совершенно неприемлемыми для местных жителей. Поэтому, по мнению многих саудовцев, «ручная физическая работа должна выполняться вместо них иностранцами, как это делали в прошлом рабы» [18].

Как отмечала арабская печать, в Кувейте, Саудовской Аравии, в княжествах Залива «большинство образованной молодежи питает отвращение к государственной службе, предпочитая ей бизнес, науки или свободные профессии» [19]. Это привело к тому, что в Кувейте, ОАЭ и в некоторых других княжествах основную массу государственных служащих составляли выходцы из других арабских стран.

В середине 70-х годов в княжествах усилилась борьба иммигрантов из арабских стран за предоставление им равных прав с коренным населением. Особо широкий размах эта борьба приобрела в Кувейте, а также в Бахрейне [20].

Проблемы, связанные с иммигрантами, являлись предметом серьезной озабоченности правящих элит аравийских монархий. Как писала «Уолл Стрит Джорнэл», «они обеспокоены не столько внешней агрессией, сколько недовольством внутри страны» [21].

Правящие круги аравийских монархий предпринимали попытки разработать совместную политику в отношении иммигрантов. Так, в феврале 1978 года в Бахрейне состоялась первая конференция министров труда и социальных дел Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Бахрейна, ОАЭ и Омана. Министры выработали «общие рамки мероприятий по обеспечению социального мира» [22].

В 1973 — 1978 годах правящие круги аравийских монархий стремились к широкому сотрудничеству не только в вопросах социально-политических, но и в вопросах экономических, торговых, финансовых и т.д. Так, в 1978 году в Кувейте проходил симпозиум по проблемам развития экономического сотрудничества стран Залива. Участники симпозиума констатировали, что «расположенные в Заливе княжества и эмираты связаны прочными социальными и историческими узами. Они сходны друг с другом по наличию и структуре трудовых ресурсов, полезных ископаемых, природно-климатическим условиям и господствующим в них режимам». Участники симпозиума определили возможные виды сотрудничества между странами: беспошлинная торговля; создание валютного союза; создание смешанных компаний, разработка совместных экономических проектов [23]. Активно обсуждались вопросы создания общего рынка арабских стран Залива, конечной целью которого было бы создание единой валютной зоны. Однако создание единой ва-

лютной зоны столкнулось со значительными трудностями и, как большинство других проектов, не было осуществлено.

В конце 1978 года была предпринята попытка создания общей торговой палаты арабских стран Залива [24]. Однако и эта попытка успеха не имела.

Довольно активно развивались в этот период двусторонние отношения между княжествами Залива.

Так, в 1978 году Кувейт и Катар подписали соглашение о сотрудничестве в области экономики, просвещения и информации. В том же году Кувейт и Бахрейн подписали соглашение о создании совместного комитета на уровне министров иностранных дел для рассмотрения состояния развития отношений между двумя странами. Соглашение также предусматривало безвизовое сообщение для граждан Кувейта и Катара [25].

В рассматриваемый период Саудовская Аравия стремилась к всемерному развитию отношений с княжествами Залива, пытаясь как можно теснее привязать к себе эти страны. Очень показательным в этом отношении является развитие саудо-бахрейнских отношений.

Правящие круги Бахрейна придавали развитию отношений с Саудовской Аравией огромное значение, т. к. это влияло как на «степень их влияния, власти и престижа в делах с другими эмиратами Залива, так и на внутриполитическую обстановку в стране» [26]. Близкие отношения между правящими семьями двух стран, как уже было сказано, во многом проистекали от их общего происхождения из племенного объединения «Анайза».

В связи со значительными для такой маленькой страны военными расходами, Бахрейн постоянно ощущал недостаток в финансовых средствах. Дефицит финансовых средств в основном покрывался за счет займов и даров Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ. Так, эти страны согласились предоставлять Бахрейну ежегодно 100 млн. долларов для «нужд его развития». Саудовская Аравия финансировала строительство спортгородка недалеко от столицы Бахрейна — Манамы, стоимостью в 138 млн. долларов [27]. Саудовская Аравия и Бахрейн совместно построили цементный завод в Хуфуфе. Строительство финансировалось на 75 процентов Саудовской Аравией, на 25 процентов Бахрейном. Бахрейн получал 50 процентов доходов от эксплуатации нефтяного месторождения Абу-Сафа, расположенного в Заливе между двумя странами. В 1976 — 1977 годах доходы Бахрейна от эксплуатации этого месторождения составили 100 млн. долларов [28]. Важнейшее значение для бахрейнской экономики имели поставки нефти с месторождений в Саудовской Аравии, которые обеспечивали более 2/3 потребностей бахрейнского нефтеперерабатывающего завода в сырье.

Важное место Саудовская Аравия занимала и во внешней торговле Бахрейна. В 1974 году 31 процент экспорта и реэкспорта Бахрейна приходилось на Саудовскую Аравию. В период 1975 — 1977 годов значительно увеличился экспорт Бахрейна в Саудовскую Аравию. Так, если в 1975 году сумма экспорта Бахрейна в Саудовскую Аравию составляла 80,3 млн. долларов, то в 1976 году эта сумма достигла 195,9 млн. долларов, а в 1977 году возросла до 256,3 млн. долларов [29].

В конце 1970-х годов Саудовская Аравия приступила к сооружению дамбы, связывающей Бахрейнский архипелаг с восточным побережьем Аравийского полуострова (договоренность о сооружении этой дамбы была достигнута еще в середине 1970-х годов). Строительство дамбы обошлось в 1 млрд долларов и продлилось 5 лет. Все расходы по сооружению дамбы Саудовская Аравия взяла на себя. Бахрейн надеялся получить большие экономические выгоды от связей с Восточной Аравией, где Саудовская Аравия приступила к созданию крупнейшего на полуострове индустриального центра с населением в 200 тыс. человек, где строились объекты общей стоимостью в 80 млрд долларов (строительство было завершено к 1990 году). Как заявляли тогда бахрейнские деловые круги, «дамба позволит Бахрейну получить доступ на самый большой в мире строительный рынок».

Однако строительство дамбы имело не только экономическое значение. Важность этой стройки для Саудовской Аравии заключалась в первую очередь в том, что «дамба

включит Бахрейн непосредственно в систему саудовской обороны» [30]. Бахрейн, расположенный недалеко от главных нефтяных источников Саудовской Аравии, имел для последней стратегическое, в военном отношении, значение. Не случайно Бахрейн был избран «для строительства первой военной базы Саудовской Аравии за пределами страны. В 1977 году Саудовская Аравия приступила к строительству в Бахрейне военно-воздушной базы» [31]. Некоторые обозреватели связывали это со строительством Ираном баз ВВС на противоположном берегу Персидского залива, и говорили о том, что «саудовские ВВС будут защищать княжества Залива, в том числе Бахрейн» [32].

В рассматриваемый период Саудовская Аравия пристально следила и за внутриполитическим положением на Бахрейне.

В конце 1973 года в соответствии с конституцией на Бахрейне были проведены выборы в Национальную ассамблею (парламент). Во время выборов значительного успеха добились либеральные силы, которые образовали в Национальной ассамблее блок, выступивший с требованием проведения реформ в стране [33]. Результаты выборов в Национальную ассамблею вызвали серьезную обеспокоенность в правящих кругах Саудовской Аравии. По образному выражению американской журналистки Линды Блэндфорд, «бахрейнцы провели эксперимент с Национальной ассамблеей для того, чтобы выпустить пар из котла. Однако пара оказалось так много, что Саудовскую Аравию охватила паника» [34]. Этот «эксперимент с Национальной ассамблеей» вызвал отрицательную реакцию не только у Саудовской Аравии, но и у других монархических режимов. Хотя руководители Бахрейна были не удовлетворены развитием событий внутри Национальной ассамблеи, они не предпринимали попыток к ее роспуску, считая, что это вызовет еще большее недовольство в стране.

Саудовская Аравия, которая видела в бахрейнском эксперименте угрозу «появления новой Кубы у нее под боком» [35], оказала массированный нажим на Бахрейн.

В августе 1975 года декретом Исы бен Сальмана аль-Халифы Национальная ассамблея была распущена. Объясняя это решение, премьер-министр Бахрейна заявил, что «определенные страны Залива... выражали свою тревогу по поводу нашего решения (учредить парламент). Они были озабочены тем, что события на Бахрейне могут повредить и им... Мы не являемся изолированным островом и не желаем, чтобы Бахрейн стал источником тревог или волнений для наших соседей... » [36].

Среди самих бахрейнцев усиливалось мнение, что страна может стать объектом репрессий со стороны Саудовской Аравии. Патриотические силы страны выражали тревогу в связи с тем, что строительство дамбы, о которой шла речь выше, приведет к усилению влияния Саудовской Аравии на все стороны общественно-политической жизни в Бахрейне.

Политика Саудовской Аравии в отношении Бахрейна наглядно продемонстрировала растущее влияние королевства на внутриполитические процессы в княжествах Залива. Показательным в этой связи являлся характер отношений Саудовской Аравии и Кувейта. Торговля между ними была развита слабо, при этом экспорт и реэкспорт Кувейта в Саудовскую Аравию увеличивался (в 1976 г. — 9 млн. саудовских риалов, в 1977 г. — 27,2 млн. риалов и в 1978 г. — 120,5 млн. риалов), импорт же из Саудовской Аравии имел тенденцию к сокращению. Так если сумма импорта в 1976 году была равна 2,6 млрд. саудовских риалов, то в 1977 году она сократилась до 2,29 млрд. риалов, а в 1978 году составила всего 358,8 млн. риалов [37].

Вместе с тем Кувейт и Саудовская Аравия стремились расширять сотрудничество в таких областях как атомная энергетика, опреснение морской воды и использования водных ресурсов и т. д.

Во время визита наследного принца Кувейта шейха Джабера ас-Сабаха в Саудовскую Аравию в 1975 году «были рассмотрены планы совместной деятельности в области использования атомной энергии для опресненной морской воды и производства электроэнергии, а также планы создания совместной транспортной компании» [38].

В 1977 году между двумя странами было подписано соглашение о создании постоянной комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству [39].

Кувейт и Саудовская Аравия координировали свою политику в Заливе и в арабском мире. В опубликованном после официального визита шейха Джабара ас-Сабаха в Саудовскую Аравию в марте 1975 года совместном коммюнике стороны заявили, что они намерены совместить свои усилия с тем, чтобы объединить арабские страны в борьбе против планов сионизма и разрушительных учений.

В середине 1970-х годов в Кувейте обострилась внутриполитическая обстановка. Часть населения страны требовала «укрепления основ управления в Кувейте путем расширения прав оппозиции и предоставления иммигрантам-арабам равных прав с коренным населением» [40].

В 1976 году эмир Кувейта издал указ о роспуске парламента страны и закрытии ряда газет. В этой связи в работах Е.С. Мелкумян отмечалось, что «кризис 1976 года явился, не в последнюю очередь, результатом давления Саудовской Аравии, недовольной «экспериментом» демократических институтов в Кувейте, поскольку это создало нежелательный для нее прецедент» [41].

В 1973 — 1978 годах в саудовско-кувейтских отношениях были и периоды ухудшений, связанные с неприятием Саудовской Аравией независимого подхода Кувейта к переговорам о поставках советского оружия.

Саудовская Аравия также выражала озабоченность политикой наследного принца Кувейта Джабера ас-Сабаха, который «переселял кочевников из племени аджман (из которого происходил он сам) из Саудовской Аравии в Кувейт, поскольку это затрагивало деликатную проблему племенного баланса в Саудовской Аравии» [42].

В целом можно подчеркнуть, что разногласия между Кувейтом и Саудовской Аравией носили в основном тактический характер и не затрагивали основных стратегических целей правящих кругов этих стран, а именно сохранение и укрепление монархических режимов и противодействие антимонархическим силам в регионе.

Серьезный след период 1973 — 1978 годов оставил во взаимоотношениях Саудовской Аравии с ОАЭ. Урегулирование затяжной пограничной проблемы способствовало не только укреплению двусторонних отношений, но и привело к укреплению внутриполитических позиций президента ОАЭ Заида бен Султана ан-Нахайяна. Причина заключалась в том, что вопрос об оазисе Бурайми в 70-х годах превратился не столько в вопрос территории, сколько в «вопрос принципа и престижа» как для короля Фейсала, так и для шейха Заида [43]. Урегулирование проблемы оазиса Бурайми в пользу ОАЭ можно рассматривать как победу последнего. Это было особенно важно в условиях, когда ОАЭ переживали трудный период государственного становления, когда стремление президента ОАЭ к централизации власти наталкивалось на упорное сопротивление традиционалистов, пользовавшихся до 1974 года активной поддержкой Саудовской Аравии. Сближение с королевством позволило президенту ОАЭ добиться изменения этой позиции Саудидов.

Сближение с Саудовской Аравией имело значение для ОАЭ и в связи с пограничным спором с султанатом Оман.

Изменение позиции Саудовской Аравии в вопросе централизации власти было продемонстрировано в 1978 году, когда в ОАЭ возник серьезный кризис, связанный с назначением сына президента Заида главнокомандующим вооруженными силами ОАЭ. Главный соперник президента Заида внутри ОАЭ, шейх Дубая Рашид аль-Мактум выступал против этого назначения на том основании, что оно не соответствует конституции страны. Саудовская Аравия направила официальное поздравление новому главнокомандующему, что можно было рассматривать как поддержку позиции действующего президента ОАЭ.

Соглашение 1974 года позволило странам развивать сотрудничество в самых различных областях.

Одним из наиболее важных результатов улучшения отношений между двумя странами стало подписание в 1976 году «договора о сотрудничестве в деле безопасности» во время визита министра внутренних дел Саудовской Аравии в Абу-Даби.

Очень тесные отношения с Саудовской Аравией поддерживал Катар. Еще в конце 1973 года между двумя странами было подписано соглашение о консультациях по всем вопросам внешней и внутренней политики.

Как писали средства массовой информации, Катар во внешней и внутренней политике практически всегда ориентировался на Саудовскую Аравию [44].

Разногласия между Катаром и Саудовской Аравией по вопросу цен на нефть в 1976 году были скорее результатом личных амбиций шаха Сухейма, не желавшего «быть подручным у министра нефти Саудовской Аравии шейха Ямани» [45], чем отражением каких-либо серьезных противоречий на межгосударственном уровне.

Показательно, что большая часть корпуса сил безопасности Катара, состоящего из 2200 человек, была укомплектована выходцами из бедуинских племен Саудовской Аравии.

1973—1978 годы стали годами дальнейшего развития отношений между Оманом и Саудовской Аравией. В основе тесных отношений между режимом Кабуса и правящей семьей Саудовской Аравии находилась совместная борьба против национально-освободительного движения в Дофаре.

В эти годы Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ значительно увеличили финансовую помощь Оману. Только в 1977 году Саудовская Аравия предоставила Оману 97 млн. долларов для развития инфраструктуры, 250 млн. долларов на «нужды обороны», 100 млн. долларов на развитие добычи нефти, 100 млн. долларов на «нужды развития Дофара». Общий объем помощи Саудовской Аравии Оману к 1978 году составил около 3 млрд. долларов [46].

В мае 1978 года Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ подписали соглашение о предоставлении совместной финансовой помощи Оману.

В политике по отношению к Оману Саудовская Аравия преследовала две главные цели: ликвидацию национально-освободительного движения в Дофаре и ослабление позиций Ирана в этой стране.

Оказывая финансовую помощь Оману и тем самым способствуя развитию оманской экономики, Саудовская Аравия решала прежде всего задачи по ослаблению антимонархического движения в стране и укреплению режима султана Кабуса. В условиях, когда практически закончилась война в Дофаре, Саудовская Аравия совместно с Кувейтом и ОАЭ оказывали нажим на султана Кабуса с тем, чтобы добиться вывода иранских войск из Омана. Одновременно был усилен нажим на НДРЙ для урегулирования отношений между Оманом и НДРЙ [47]. Однако эта политика Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ успеха не имела. Главная причина, по мнению автора, заключается в том, что султан Кабус был заинтересован в сохранении напряженности в районе, что давало ему возможность, выступая в роли борца против «мирового коммунизма», получать финансовую и военную помощь, как от монархических режимов Залива, так и от западных держав. За счет этой помощи султан Кабус оснащал оманскую армию новейшим оружием, проводил необходимые для укрепления режима экономические мероприятия.

В целом в рассматриваемый период Саудовская Аравия сумела значительно укрепить позиции в княжествах Залива. Этому способствовала общность интересов и целей монархических режимов Залива.

Вне сомнения, социальная стратегия правящих кругов некоторых монархических стран Аравийского полуострова состояла в том, чтобы направить свои государства по пути капиталистического развития — при сохранении патерналистского характера власти на основе лишь незначительной трансформации сложившихся монархических институтов. Исходя из основной внешнеполитической стратегии, направленной на создание благоприятных внешних условий для сохранения и упрочения существующих режимов, Саудовская Аравия стремилась объединить вокруг себя все консервативные силы арабского мира и, в первую очередь, княжества Залива.

Добиваясь от княжеств Залива проведения приемлемой для нее внешней и внутренней политики, Саудовская Аравия, помимо консультаций и совещаний на всех уровнях, использовала также все возможные рычаги давления на своих партнеров. В этих целях Саудидами использовались неурегулированные пограничные проблемы, династические и племенные факторы, финансовая помощь и т. д.

В 1973–1978 годах Саудовская Аравия, обеспокоенная усилением политических и военных позиций Ирана в Заливе, совместно со своими союзниками предприняла шаги, направленные на ослабление этих позиций.

Как писал хорошо информированный «Миддл Ист Экономик Дайджест», Саудовская Аравия стремится к сотрудничеству с княжествами Залива в области обороны и безопасности [48]. Заключив договоры о консультациях в вопросах обороны, внешней и внутренней политики с Катаром, ОАЭ, договор о взаимной обороне с Кувейтом, а также расширяя свое военное присутствие на Бахрейне, Саудовская Аравия создавала предпосылки для создания военного блока монархических арабских стран Залива.

Поскольку создать в этот период военный блок без участия Ирана или Ирака было невозможно, Саудовская Аравия неоднократно заявляла о том, что она не проводит политику создания блоков где бы то ни было. Вместе с тем саудовские руководители заявляли, что «Саудовская Аравия внимательно следит за развитием событий в Заливе и не будет находиться в роли зрителя, если любому государству этого района будет угрожать опасность» [49].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Саудовская Аравия [Текст] — М., 1980. — С. 47.

[2] Саудовская Аравия [Текст] — М., 1980. — С. 24.

[3] Duke, A.J. Historical and Cultural Dictionary of Sultanate of Oman and Emirate of Eastern Arabia. N.Y., 1976. p.113.

[4] Бодянский, В.Л. Современный Бахрейн [Текст] : справочник. — М.,1976. — С. 113

[5] Якуб, Ю.А. Объединенные Арабские Эмираты, история политико-государственного развития [Текст] — М., 1978. — С. 135.

[6] Duke, A.J. Arab States of the Lower Gulf. Wash., 1975. p. 69.

[7] Duke, A.J. Arab States of the Lower Gulf. Wash., 1975. p. 69.

[8] Материалы симпозиума в университете Экзетер (Великобритания) на тему: Саудовская Аравия: страна, экономика и власть [Текст] — Экзетер, 1980. — С. 4.

[9] Social and Economic Development in the Arab Gulf. Exeter, 1980.p. 142.

[10] Современная Азия. — М., 1977. — С. 449.

[11] «Foreign Affairs». L.№ 5, 1979, p.1021.

[12] «Middle East Economic Digest». L. прилож., май 1982, с. 3.

[13] Middle East Review. 1982, Lnd., 1982., p. 48.

[14] Примаков, Е.М. Восток после краха колониальной системы. — М., 1982. — С. 48.

[15] «Revolution». Baghdad.,24.IV.1978.

[16] Middle East Review. 1982, Lnd., 1982., p. 48.

[17] Георгиев, А.Г. Нефтяные монархии Аравии. Проблемы развития [Текст] / А.Г. Георгиев, В.В. Озолинг — М., 1983. — С. 61.

[18] Георгиев, А.Г. Нефтяные монархии Аравии. Проблемы развития [Текст] / А.Г. Георгиев, В.В. Озолинг — М., 1983. — С. 61 — 62.

[19] Ad-Daud, T.A. The Arab Gulf society's integration. Baghdad, 1980, p. 146.

[20] Ad-Daud, T.A. The Arab Gulf society's integration. Baghdad, 1980, p. 146.

[21] Wall Street Journal. N.Y. 30 oct., 1979, p. 8.

[22] «Afric-Asie». Paris. 20 march, 1978.

[23] The Gulf and Arab Peninsula research magazine. Beirut. №10, 1978, c.185 — 191.

[24] «Trade life». Manama. № 7, 1978, p. 42.

[25] «Opinion». Doha (Qatar). 12. XII. 1978.

[26] David L., Saudi Arabia. Lnd., 1976., p. 68.

[27] Middle East Contemporary Survey. 1976 — 1977, N.Y., 1978. p. 337.

[28] Middle East Contemporary Survey. 1976 — 1977, N.Y., 1978. p. 337.

[29] Middle East Contemporary Survey. 1976 — 1977, N.Y., 1978. p. 422 - 433.

[30] «New York Times». N.Y. 3.XII.1979.

[31] «Arabia and the Gulf». L., № 14, 1977, p. 2.

[32] Middle East Contemporary Survey. 1978. N.Y., 1979. p. 335.

[33] Social and Economic Development in the Arab Gulf. Exeter, 1980. p. 168.

[34] Blandford L. Oil Sheikhs. Lnd., 1977., p. 154.

[35] Blandford L. Oil Sheikhs. Lnd., 1977., p. 154.

[36] Арабские политические документы. 1975 [Текст] — Бейрут, 1976 (англоязычная версия издания). Док. № 320. — С. 517.

[37] «Middle East Economic Digest». L., прилож. июль, 1980, p. 95.

[38] Совместное заявление об итогах визита в Саудовскую Аравию шейха Джабера ас-Сабаха [Текст] / Арабские политические документы. 1975. — Бейрут, 1976 (англоязычная версия издания). Док. № 85. — С. 146.

[39] «Bahrain Today». (magazine), Manama., 1977, № 400, p.10 — 11.

[40] Ad-Daud T.A. The Arab Gulf society's integration. Baghdad, 1980, p.146.

[41] Мелкумян, Е. С. Нефтедоллары и социально-экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока [Текст] — М., 1979. — С. 182.

[42] Middle East Contemporary Survey. 1976-1977, N.Y., 1978, p. 424.

[43] Duke A.J. Arab States of the Lower Gulf. Wash., 1975, p. 92.

[44] «International Gerald Tribune». Paris, 19.XII. 1978.

[45] «Arabia and the Gulf». L. 1976, № II, p. 3.

[46] «Orbis». Philadelphia., № 1, 1979, p. 140.

[47] Middle East Contemporary Survey. 1978. N.Y., 1979, p. 350.

[48] «Middle East Economic Digest». L., прилож. авг. 1980, p. 4.

[49] «Flame». Beirut., 21. IV.1977.

Е.М. Петровичева

ВЛАСТЬ, ЗЕМСТВО, НАРОД В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

Война, потребовавшая ог-ромного напряжения сил, существенно осложнила ситуацию в стране. Она оказала решающее воз-действие на ход российской ис-тории, изменив

Петровичева Елена Михайловна
доктор исторических наук, профессор Владимирского госпедуниверситета

экономическую и общественно-политическую жизнь России и вызвав целую цепь событий, приведших к ре-волюции 1917 года. Между об-ществен-ностью и властью воз-никла глубокая трещина; дис-кредитация власти со стороны оппозиции достигла невиданных масштабов. Уставший от военных лишений народ охотно верил в пропагандистски направленные слухи про Распутина и царицу-немку и по призыву и под руко-водством оппозиции [1] в феврале 1917 года совершил революцию.

Революционная волна опрокинула царское правительство и вынесла наверх Временный комитет Государственной Думы – под председательством М.В. Родзянко [2] и Петроградский Совет, избранный рабочими и солдатами Петроградского гарнизона во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе. Вокруг этих двух центров, по мере распада царской власти, концентрировались два лагеря – либеральный и революционный [3]. Временный комитет Государственной Думы вскоре передал свою власть Временному правительству во главе с кн. Г.Е. Львовым.

В Декларации от 3 марта о его создании умалчивалось о месте Думы и Государственного совета в новой структуре государства [4]. Временное правительство фактически упразднило в лице Думы народное представительство, накопившее уже определенный опыт решения государственных дел [5]. Высшим органом Российского государства после Февраля стало Вре-менное правительство, которое должно было действовать вплоть до созыва Учредительного собрания и которое не имело формальных юридических прав на власть. Это признавал и П.Н. Милюков, говоривший: «Нас никто не выбирал… Нас выбрала русская революция» [6]. Новый государственный строй, как отмечали правоведы – современники событий, «создавался спешно, на сравнительно недолгий срок» [7]. Поэтому Временное правительство, упраздняя одни, мешавшие его власти звенья старого государственного аппарата, сохраняло и использовало другие – как в центре, так и на местах. Особое место при этом отводилось земским учреждениям.

История земств Центральной России после Февраля 1917 года остается недостаточно изученной в нашей историографии, что неоднократно отмечали специалисты. «К

сожалению, — пишет Г.А. Герасименко, — о земствах 1917 года в печати говорится меньше всего, хотя, по нашему убеждению, именно они могли бы стать наиболее подходящей моделью для конструирования современной системы местного самоуправления» [8]. В работах самого Григория Алексеевича уделялось значительное внимание истории земств 1917 – начала 1918 года в общероссийском масштабе [9]. В плане изучения этой темы весьма перспективными представляются региональные исследования. В последнее время появились монографии и диссертации, затрагивающие историю земств в 1917 году в рамках некоторых регионов [10].

Более глубокое изучение темы на материалах центрально-российского региона призвано ответить на вопросы о том, как изменился механизм функционирования земств в новых условиях, какое место они занимали в системе вновь возникших властных и общественных структур; могли ли земства стать основой парламентаризма в России и почему этого не произошло. Кроме того, исследование земской истории этого периода будет способствовать решению активно обсуждаемых в современной историографии вопросов [11] о характере власти на местах после Февраля, о роли стихийного фактора и соотношении провинции и центра в революции 1917 года.

После того, как революция смела [12] местное царское управление [13], правительство попыталось опереться на председателей губернских и уездных земских управ, возведя их в ранг своих комиссаров. 5 марта 1917 года министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов направил председателям губернских земских управ телеграфное распоряжение, в котором излагалось содержание подписанного им накануне указа и сообщалось об устранении Временным правительством губернаторов и вице-губернаторов и учреждении института комиссаров. В телеграмме говорилось: «Управление губернией временно возлагается на Вас в качестве губернского комиссара Временного правительства со всеми правами, предоставленными действующими узаконениями губернатору, и сохранением за Вами руководства работою губернской земской управы» [14]. Уездными комиссарами Временного правительства стали председатели уездных земских управ, сохранив за собой одновременно и прежние обязанности по руководству земством. Таким образом, Временное правительство сделало ставку на земства, имевшие богатый опыт самоуправления, как основу будущей административной власти на местах.

Сгущая краски в описании прошлого, лидеры либерального земского движения строили на будущее радужные планы, которым не суждено было сбыться. Б.Б. Веселовский писал в статье «Самоуправление на рубеже новой жизни»: «Перестройка всего уклада нашей государственно-общественной жизни, начатая в 60-х годах и продолженная затем в 1905 — 1906 годах, ныне, под могучим напором великой революции, стала свершившимся фактом. Страна вырвалась наконец из давивших ее тисков и приступает теперь к закладыванию прочных основ будущего свободного развития таящихся в недрах ее сил... И, прежде всего, эта организационная работа должна сосредоточиться вокруг органов самоуправления. Из гонимых они превращаются отныне в правомерные органы государственного управления на местах; им должна принадлежать вся полнота власти, через них государство должно осуществлять свою волю на периферии» [15].

Пропагандируемые новой властью идеи находили восторженный отклик среди провинциальных земцев. 11 марта экстренное Рязанское губернское земское собрание отправило приветственные телеграммы председателю Государственной думы и председателю Совета министров, выразив «свою беззаветную готовность положить все силы свои на осуществление великого идеала свободной и могучей России» [16].

В докладе «О событиях текущих дней», подготовленном Гороховецкой уездной управой (Владимирской губернии) к открытию внеочередного земского собрания 18 марта, говорилось: «При необычайных, небывалых еще в летописях русской истории обстоятельствах созывается настоящая чрезвычайная сессия земского собрания. Стихийной, революционной волной, прокатившейся сверху донизу по всей нашей стране, смыт старый, подгнивший в самом своем корне, государственный строй России. Пала старая власть, веками давившая русский народ... Теперь земские учреждения пойдут не по трудному и

тернистому, как прежде, а по светлому и широкому пути прогресса и культурного процветания страны, развития творческих и созидательных сил ее» [17].

В Рязанской губернии [18] комиссаром стал председатель Рязанской уездной земской управы Л.И. Кученев [19]; во Владимирской – председатель губернской земской управы кадет С.А. Петров, в Тульской – Н.М. Яременко [20]; в Ярославской – член губернской земской управы кадет К.К. Черносвитов. В Костроме против кандидатуры председателя губерн-ской земской управы кадета Б.Н. Зузина высказался губернский исполни-тельный комитет, в то же время Зузин входил в состав президиума исполкома [21]. В Нижнем Новгороде наряду с общественным был создан городской исполнительный комитет, вскоре объявленный губернским. В его состав входили представители Всероссийского земского союза – Г.Р. Килевейн и Н.А. Ланин, председатель Нижегородской уездной земской управы А.А. Остафьев и члены ее – Н.Н. Смирнов и С.Ф. Когородский и от организации служащих губернской земской управы – А.В. Вавулин. Председатель губернской земской управы П.А. Демидов был назначен исполняющим обязанности начальника губернии. Назначения эти проходили далеко не гладко, и почти всякий раз Временному правительству приходилось умерять претензии возникших сразу после Февральского переворота губернских исполнительных комитетов. Вскоре МВД пришлось утверждать новых губернских комиссаров. Так, во Владимире в конце мая 1917 года Владимирский губернский съезд исполкомов избрал на должность губернского комиссара [22] вместо кадета С.А. Петрова делегата в губисполком от рабочих Иваново-Вознесенска социал-демократа А.М. Братенши [23].

В уездах комиссарами Временного правительства должны были по должности стать председатели уездных земских управ, но так случалось не всегда. Среди широких слоев населения (в большинстве своем – крестьянского) существовало предубеждение против лидеров цензовых земств, поэтому вскоре после Февральского переворота исполкомы под давлением народных масс стали смещать председателей уездных земских управ и их заместителей, порою даже арестовывать их, и выбирать на должности комиссаров свои кандидатуры. По сообщению губернского комиссара Кученева, лидеры земств были арестованы в нескольких уездах Рязанской губернии, в том числе в Ряжском; в трех уездах председатели земских управ скрылись. Вскоре комиссары стали избираться исполнительными комитетами. В конце апреля в большинстве уездов этой губернии должности уездных комиссаров занимали пока еще председатели земских управ [24] (в 8 уездах из 10, ответивших на соответствующий вопрос анкеты); в других уездах комиссарами стали «частные лица, пользующиеся доверием населения» [25].

В марте 1917 года во Владимирской губернии уездными комиссарами стали председатели уездных земских управ: Владимирской – Л.Н. Капацинский, Гороховецкой – В.А. Бурмин, Муромской – Ю.И. Бычков, Судогодской – Ф.Ю. Жоховский, Суздальской – И.Д. Шафров, Юрьевской – А.У. Сологуб. В некоторых уездах губернии уже к концу марта комиссарами были избраны другие лица. В Шуе им стал ветеринарный врач В.А. Невский [26]. В Тульской губернии уездными комиссарами стали председатели Белевской, Ефремовской, Новосильской и Богородицкой земских управ – Ф.Е. Арбузов, М.Л. Трухачев, Н.А. Малиновский и И.А. Емельянов (который с июля 1914 года стал заместителем председателя земской управы) [27].

Вследствие нарастания революционной нетерпимости народных масс председатели земских управ – дворяне переизбирались, *уездными комиссарами и их помощниками становились представители «третьего элемента»* [28]. Комиссары Временного правительства были переизбраны к концу первого месяца революции и во многих уездах Ярославской губернии. Как сообщал 23 марта министру внутренних дел губернский комиссар К.К. Черносвитов, «в подавляющем большинстве случаев на должность комиссаров выделены иные (не из состава земских управ) кандидатуры». Лишь в Рыбинском уезде комиссаром оставался председатель местной земской управы; но и здесь помощником комиссара был вскоре избран земский служащий, страховой агент губернского земства Линтварев [29]. В Ковровском уезде комиссаром 4 июня был избран бывший земский слу-

жащий, а затем гласный Владимирского губернского земства, учитель и агроном, личный дворянин Д.М. Шорыгин, состоявший сначала в кадетской организации, а позднее перешедший на позиции меньшевизма [30].

В Нижегородской губернии к концу весны из 11 уездов только в одном – Нижегородском – комиссаром остался назначенный Временным правительством председатель Нижегородской уездной земской управы известный земский деятель А.А. Остафьев; в остальных комиссарами были представители земских служащих и интеллигенции [31].

Аналогичная ситуация сложилась в большинстве уездов Рязанской и Тульской губерний. В Ряжском уезде Рязанской губернии длительное время (с 21 марта) обязанности уездного комиссара исполнял земский служащий – агроном П.П. Кукушкин, ставший председателем уездной земской управы; в Спасском уезде 17 июня комиссаром Временного правительства был избран земский учитель М.И. Тотов; помощником Сапожковского уездного комиссара с 1 апреля состоял агроном Н.Н. Бутыркин [32]. В Алексинском уезде Тульской губернии с 21 апреля комиссаром был выбран агроном А.И. Муралов; в Крапивенском с 1 апреля – Ф.К. Морозов, учитель высшего начального училища, в Новосильском – земский служащий Лисицин. В Епифанском уезде в июле исполком избрал комиссаром агронома Н.Н. Узбекова и так далее [33].

Сталкиваясь с недоверием со стороны народных масс, многие председатели уездных земских управ сами слагали с себя полномочия уездных комиссаров. Так было в Галичском уезде (Костромской губернии), Ефремовском уезде (Тульской губернии), в Гороховецком, Суздальском, Ковровском, Муромском и Владимирском уездах (Владимирской губернии) [34].

Частая смена уездных комиссаров не способствовала налаживанию нормального управления на местах. В Романово-Борисоглебском уезде, например, только за август–сентябрь 1917 года сменилось три уездных комиссара [35]. На место ушедших комиссаров исполкомы нередко избирали своих председателей. Временное правительство пыталось воспрепятствовать этому. Так, 18 мая Тульскому губернскому комиссару Дзюбину была направлена телеграмма за подписью министра председателя князя Львова, в которой говорилось: «Совместительство в одном лице должностей уездного комиссара и председателя исполнительного комитета недопустимо. Прошу немедленно устранить лиц, совмещающих эти две должности, и сообщить, где такое совместительство устранено». Однако, выполнить подобное распоряжение в условиях, когда демократизированные исполкомы были самыми популярными органами самоуправления на местах, было не реально [36].

Процесс переизбрания комиссаров, начавшись с уездного уровня, вскоре перекинулся на губернский. В Ярославле в середине апреля, когда состав губисполкома был существенно пополнен представителями рабочих и крестьян, встал вопрос о смене губернского комиссара, и известный общественный земский деятель, кадет К.К. Черносвитов вынужден был объявить о сложении с себя этих полномочий. Однако по просьбе МВД Черносвитов согласился временно остаться на этом посту губернского комиссара.

В условиях, когда доминанта общественного настроения быстро сдвигалась влево, выполнять свои обязанности комиссарам становилось все труднее. 27 июня К.К. Черносвитов сообщал в МВД: «Пропаганда большевистских идей в губернии идет настойчивая. … Я бы не думал, чтобы она была достаточно глубока, но она, без сомнения, вредит образованию власти на местах» [37]. 1 августа на заседании Ярославского губисполкома по требованию представителей социал-демократов и эсеров кадет Черносвитов был смещен с поста губернского комиссара и заменен «человеком, популярным среди войск и населения», социал-демократом подпоручиком Б.В. Дюшеном. Вскоре Министерство внутренних дел, починяясь обстоятельствам, освободило К.К. Черносвитова от обязанностей губернского комиссара; он продолжал работать на посту председателя Ярославской уездной земской управы, пока это было возможно [38].

На съезде общественных организаций, проходившем в Рязани с 8 по 12 апреля, существенным образом демократизировался губернский исполнительный комитет и был избран новый губернский комиссар. Вместо опытного общественного деятеля, председа-

теля Рязанской уездной земской управы Л. Кученева делегаты выбрали преподавателя Рязанского горного реального училища эсера Ф.К. Павлова [39].

Получив эти известия и ознакомившись с радикальными постановлениями Рязанского губернского съезда, особенно по земельному вопросу, Временное правительство предложило Л. Кученеву как губернскому комиссару созвать новый губернский съезд. Бывший губернский комиссар, лучше других осведомленный об общественных настроениях в губернии, обреченно ответил, «что в созыве нового губернского съезда ... особой необходимости не представляется», поскольку «лица, которые давали направление бывшему съезду, несомненно, вновь войдут в состав его и будут с прежней настойчивостью проводить в новом съезде те же постановления...» [40] Уступая стихийному натиску революционно настроенных масс, во главе которых стояли солдаты местного гарнизона, Л. Кученев подал в МВД прошение об отставке. В своем заявлении бывший губернский комиссар и бывший председатель Рязанской уездной земской управы отметил, что, отправляя в отставку «видных общественных деятелей», Временное правительство лишается опоры на местах [41]. Правительство не спешило одобрить новую кандидатуру губернского комиссара, но в конце концов, уступая обстоятельствам, вынуждено было назначить на этот пост Ф.К. Павлова [42].

В июле 1917 года просил об отставке и комиссар Тульской губернии Дзюбин. В телеграмме, направленной в МВД 10 июля 1917 года, он пишет: «Постановление губернского исполнительного комитета, санкционировавшее резолюцию Тульского исполнительного комитета и совета крестьянских депутатов: не дожидаясь распоряжения Временного правительства, передать землю в распоряжение земельных комитетов, лишает выборного губернского комиссара власти... Довожу до сведения, что я сложил с себя обязанности председателя губернского исполнительного комитета и губернского комиссара». В этот раз, однако, Дзюбина уговорили остаться [43]. Однако, в целом председатели или члены земских управ редко подолгу оставались на посту комиссаров [44].

Таким образом, до осуществления земской реформы Временное правительство пыталось опереться в своей политике на местах на губернских и уездных комиссаров (в лице председателей земских управ). Однако в течение первых же месяцев революции большинство из них были переизбраны и заменены представителями, главным образом, «третьего элемента». В условиях крайнего революционизирования общества вскоре и земские служащие стали постепенно вытесняться с этих постов делегатами от народных масс – рабочих и крестьян. Историческая преемственность в деятельности земских учреждений прерывалась.

В то же время большую популярность получили временные общественные исполнительные комитеты, возникшие в первые дни после Февральского переворота [45]. Как же складывались их взаимоотношения с земствами, и каким образом эти учреждения делили между собой властные полномочия?

Поначалу во главе исполкомов вставали лидеры местного самоуправления. В Ярославле 1 марта, после получения известий о происшедшем в Петрограде перевороте, по инициативе губернской земской управы состоялось собрание представителей земских, общественных и профсоюзных организаций, и 2 марта был избран Исполнительный комитет общественного порядка во главе с председателем губернской земской управы Д.Е. Тимротом. Товарищем председателя через некоторое время стал член губернской земской управы В.Н. Крылов [46]. 3 марта губернский временный общественный исполнительный комитет был сформирован во Владимире, его возглавил председатель губернской земской управы кадет С.А. Петров. В первом составе исполкома более половины делегатов представляли органы местного самоуправления [47]. В Рязани 2 марта сформировался губернский общественный исполнительный комитет, председателем исполнительного бюро которого стал городской голова М.А. Антонов, а его то-варищем – (при отсутствии председателя губернской земской управы Ф.Ф. Эмана, находившегося в отпуске по болезни) – председатель Рязанской уездной земской управы Л.И. Кученев [48]. 5 марта в МВД была получена телеграмма из Тулы, в которой сообщалось, что власть находится в

руках Исполнительного комитета, в состав которого вошли представители земского и городского самоуправления, кооперативов, рабочих, общественных организаций и воинских частей; «народным председателем комитета» был избран С.Р. Дзюбин, заведующим кассой мелкого кредита Тульского губернского земства [49]. В Костроме губернский исполком был образован 3 марта; в него вошли 8 представителей от местного самоуправления (примерно четверть состава), в том числе известный либеральный земский деятель, председатель губернской земской управы Б.Н. Зузин, избранный в президиум исполкома [50]. В первое время после Февраля лидеры земств заняли руководящие посты не только в губернских, но и в уездных исполкомах [51].

Вскоре комитеты стали расширять свой состав за счет представителей рабочих, крестьян и солдат тыловых гарнизонов [52]. В течение весны состав Владимирского губернского исполнительного комитета существенно пополнился представителями рабочих, крестьян и солдат. 28 мая состоялось собрание Владимирского губернского исполнительного комитета. На собрании были выбраны по 1 представителю от 20000 населения, а также по одному делегату от уездных и городских комитетов, земств, кооперативов, советов рабочих и солдатских депутатов (всего 166 человек). В новом руководстве губернского исполкома абсолютное число мест досталось представителям низших слоев, доля представителей земств там значительно уменьшилась; председателем Совета (руководящего органа) в новом составе губисполкома стал эсер Н.В. Макеев [53].

11 марта состоялось экстренное собрание Рязанского губернского земства, на котором были избраны 24 человека в «делегационное собрание» губернского исполнительного комитета. В члены ГИК от губернского земского собрания были избраны 12 человек [54]. Губернское земское собрание рассматривало исполкомы как временные организации, которые будут действовать вплоть до проведения всеобщих равных выборов в новое самоуправление.

В течение первого же месяца своего существования пополнил свои ряды и Костромской губернский комитет – за счет представителей уездных исполнительных комитетов и делегатов тылового Костромского гарнизона – наиболее революционизированной части населения; влияние представителей органов местного самоуправления в исполкоме, таким образом, уменьшилось [55].

С 8 по 12 апреля в Рязани происходил съезд представителей общественных организаций Рязанской губернии под председательством социал-демократа С.П. Середы. На съезде были существенно пополнены за счет представителей общественных организаций и народных масс как уездные делегатские собрания (куда, в частности, должны были войти по 6 представителей от демократизированных уездных земств), так и губернское делегатское собрание (куда, наряду с другими делегатами, вошли представители демократизированных земских управ). В расширенном составе исполкомов доля земцев существенно уменьшилась. По данным опросного листа, заполненного в июне 1917 года, в президиуме нового состава ГИК из представителей земской интеллигенции находился только учитель средней школы Ряжского уезда А.В. Калашников, ставший секретарем [56].

С течением времени Тульский губисполком пополнился делегатами от народа, и доля земцев в нем существенно сократилась. В конце июля 1917 года в составе исполкома насчитывалось 77 человек, из которых только двое были представителями земской управы и один – Земского союза [57].

Характеризуя состав Нижегородского губернского исполнительного комитета в конце весны, губернский комиссар отмечал, что он был «случаен и в огромном своем большинстве представлен уполномоченными советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [58]. Летом 1917 года среди 215 депутатов насчитывалось всего лишь по три представителя от губернского и уездного земств и два от всероссийского земского союза. В то же время, в руководстве губисполкома увеличилось представительство земских служащих: среди товарищей председателя президиума было два учителя (Н.Д. Работнов и М.Н. Кутузов), секретарем был учитель Н.М. Капралов [59].

Представительство цензовых гласных в губернских и уездных исполкомах постепенно заменялось представительством земских служащих, что оставляло *надежду на сохранение преемственности* с дореволюционными органами самоуправления. В советах (руководящих органах) временных исполнительных комитетов Ярославской губернии к началу мая преобладал «третий элемент». Так, в совете губисполкома казначеем был избран земский агроном Ф.В. Нейланд. Председателями советов исполкомов в Даниловском и Романово-Борисоглебском уездах стали земские учителя – преподаватель гимназии А.Ф. Майде и преподаватель начального училища П.В. Беловский; товарищем председателя совета Пошехонского УИКа стал учитель Д.Д. Пашков. Земский врач Л.В. Крестов был избран председателем совета в Пошехонском исполкоме, а врачи С.А. Скобников и С.А. Нифонтов – товарищами председателей в советах Мологского и Рыбинского уездов. Служащие земских управ заняли должности секретарей практически во всех уездных исполкомах [60].

Во Владимирской губернии Муромский исполком, по данным опросного листа Временного правительства, 1 августа состоял из 109 человек, в составе которых были и земские гласные, и земские служащие. В него входили 7 представителей от учителей, 2 – от врачей, 1 от ветеринарного персонала, 1 – от агрономической организации. Председателем правления исполкома был член Муромской земской управы И.О. Хлебников, а среди делегатов – член земской управы И.А. Иванов, инженер ремесленного училища С.А. Ветров и агроном К.Н. Тягунов. В Переславском исполкоме в середине июня было 4 представителя от земства и 4 от союза служащих, а также двое от учителей. Председателем президиума исполкома с 19 апреля состоял врач И.М. Михневич, а его товарищем – с 23 мая – директор Переславской мужской гимназии Н.Я. Щепетов. В Ковровском уездном исполкоме, который возглавлял бывший председатель земской управы кадет А.С. Пестрово, в начале июня 1917 год состояло 10 земских служащих [61].

В совете Покровского уездного «временного исполнительного комитета военных, рабочих и общественных организаций» в середине июня земство представляли лишь двое служащих (из 17 членов комитета): товарищем председателя президиума был учитель С.Е. Абакумов, а секретарем – врач Д.М. Серебряков. Председателем Шуйского уездного исполнительного комитета стал преподаватель истории реального училища М.Ф. Архангельский. В Суздальском исполкоме в начале июля практически не были представлены даже земские служащие, в него входил лишь один делегат от учительского союза, не считая председателя - преподавателя гимназии Ю.К. Климова [62].

Из шести уездных исполкомов, заполнивших анкеты летом 1917 года по Владимирской губернии, в состав трех входили как представители земских управ, собраний, так и земские служащие; в остальных трех исполкомах находились только земские служащие.

В Тульской губернии довольно значительное представительство земцы сохраняли в Веневском исполкоме: в середине июня в него входили 2 гласных земства, председатель управы, 5 делегатов от общества земских служащих и 1 – от учителей. Представители земского собрания, земских служащих и учителей уезда входили и в Крапивенский исполком. В Каширском уезде летом 1917 года товарищами председателя исполкома были председатель земской управы С.И. Новосельский и два земских служащих – преподаватель С.В. Дубровский и агроном С.И. Кузьмин. В Чернском исполкоме в июне было 2 представителя земства и 2 – от учителей; в Одоевском исполкоме в августе 1917 года из 40 человек было два представителя от уездной земской управы. Земские служащие и представители Всероссийского земского союза входили в июле в Новосильский исполком, председателем которого был учитель В.И. Парфенов, товарищем председателя – учитель Я.А. Фуртичев и трое членов президиума были также избраны из числа учителей и земских служащих [63].

В Богородицком исполкоме в конце июня остались лишь 3 представителя от земских служащих и трое учителей. В Епифановском исполкоме председателем и его товарищем были учителя (В.А. Федосеев и И.С. Еремеев). В бюро Ефремовского исполкома учителя Г.Д. Артемов и А.Т. Щербин-Степаненко занимали должности товарища председе-

дателя и секретаря. В Белевском исполкоме к августу 1917 года почти не осталось и земских служащих, в него входил лишь один земский учитель – товарищ председателя исполкома Е.И. Козлов [64].

Из десяти исполкомов Тульской губернии, заполнивших анкеты, в шесть комитетов летом 1917 года входили как гласные, так и служащие земств, а в четыре – только служащие.

В Рязанской губернии в Егорьевском уезде председателем исполнительного бюро исполкома был избран председатель земской управы М.Д. Макарьев (с 7 марта), товарищем председателя исполкома стал земский служащий – ветеринарный врач Н.П. Юрьевский (с 23 марта), вторым товарищем председателя (24 апреля) был избран учитель Д.М. Перехвальский. Всего в составе исполкома из 17 человек было 4 представителя от земского собрания, двое – от врачей и 5 – от учителей (по числу земских участков) [65].

В Зарайске было создано два исполнительных комитета – городской и уездный, который называли «земским». Председателем уездного исполкома был избран председатель управы П.М. Бурмистров; в исполком вошли все члены уездной земской управы (Н.Н. Герингер, А.З. Смагин и С.Ф. Трифонов), представитель «третьего элемента» – Я.К. Фоломеев, а также представители от рабочих, солдат, волостных исполкомов. Такой состав исполкома был гарантией того, что его взаимоотношения с земской управой «находились в полной согласованности». Как отмечалось в отчете, посланном уездным комиссаром в МВД 20 апреля, «решение сложных дел передавалось на рассмотрение исполнительного комитета, приведением в исполнение постановлений комитета ведала земская управа». Летом 1917 года все члены земской управы и ее председатель (4 человек) оставались не только в составе исполкома, но и в составе его бюро [66].

Очень широко было представлено земство в Касимовском уездном исполкоме, организованном 20 марта. В первое время его возглавлял земский гласный С.С. Салазкин; в исполнительном органе комитета – президиуме, состоящем из 13 человек, был представитель земских служащих – врач Косухин. В комитет входил 81 человек; среди его членов было 6 представителей земского собрания, 2 – от медицинского персонала, 10 – от учителей. К середине июня состав исполкома существенно вырос и достиг 113 человек, в число которых входили 4 члена уездной земской управы, 4 представителя от земства, 2 – от земских служащих и 9 – от учителей земских школ. Председателем президиума 26 мая был выбран земский агроном И.М. Вержбицкий, среди его членов был представитель земского собрания И.Я. Жидков и земский врач Васильев [67].

Представители земства входили в Михайловский уездный исполком Рязанской губернии. По данным на 1 июня, в составе исполкома (82 человека) было 6 земских гласных, один представитель от союза земских служащих и 6 от учителей. Казначеем в бюро исполкома был земский служащий И.Ф. Сарыев. Представитель от уездной управы входил и в Ранненбургский исполком, товарищем председателя в котором был избран земский инженер Хорват [68].

Земские гласные и служащие вошли, наряду с другими представителями, в Сапожковский временный исполнительный комитет. Председателем его был избран директор гимназии Веселовский, его товарищем – председатель земской управы Кульберг, состоявший одновременно в должности уездного комиссара, заведующим делами – агроном Бутыркин. Судя по отчету уездного комиссара, в первое время после переворота земство и комитет работали «в дружном контакте». С течением времени, по мере обновления состава исполкома, доля представителей земства в нем уменьшилась. По данным на 1 июля, в числе 51 члена УИКа было только три представителя от земского собрания. В президиуме, куда было избрано 5 человек, было двое земских учителей (А.А. Епифанов и Н.В. Кустодина) [69].

В Рязанском уездном исполкоме в июне 1917 года состоял один член уездной земской управы, два представителя от земства и два – от земских служащих. По данным на начало лета, из 65 членов Пронского УИКа трое было от союза земских служащих и 10 – от земства [70]. В Ряжске в марте 1917 года из 25 членов уездного исполкома трое были вы-

браны от земского собрания, еще трое – от земских служащих и еще двое – от земских учителей. Однако после 9 мая в числе 39 делегатов исполкома осталось только двое представителей от земства и один учитель.

В Спасском уездном общественном комитете, образованном 5 марта, работали представители уездной земской управы (Давыдкин и другие) и земские служащие. Члены Спасского исполкома принимали участие в заседаниях уездного земского собрания с совещательным голосом. Однако к концу июня 1917 года, по данным опросного листа МВД, в Спасском уездном исполкоме Рязанской губернии не осталось представителей земства [71].

Как свидетельствуют источники, в большинстве уездных исполкомов Рязанской губернии, в отличие от центрально-промышленных губерний, где революционные процессы проходили интенсивнее, и по истечении нескольких месяцев революции земские гласные и служащие были представлены весьма широко, что способствовало более тесным контактам между этими органами самоуправления. Только в двух уездах Рязанской губернии, помимо упомянутого Спасского, по данным анкеты МВД, летом 1917 года в составе исполкомов не было земских гласных, да и земских служащих было немного. В Данковском комитете летом остались лишь представители земских служащих – один от их союза и один учитель. В Скопине из 64 членов так называемого народного комитета от земских работников был только 1 представитель союза земских служащих [72].

Однако с течением времени, особенно к концу лета, земская интеллигенция, вытесняемая поднявшейся народной стихией, стала выходить из исполкомов. В отчете Ф.С. Романова – делегата, отправленного отделом сношения с провинцией в Одоевский уезд Тульской губернии, отмечалось: «Со времени учреждения комитетов в уезде, последние сделались центром интересов населения. Первоначально выборы в комитеты дали всесословных представителей из лучших и наиболее способных к общественной деятельности людей, но благодаря недоверчивому отношению крестьян к интеллигенции, все интеллигентные работники должны были покинуть комитеты и их заменили: в городе мелкие чиновники, а в селах – крестьяне» [73]. В исполкомы также нередко выбирались представители тыловых гарнизонов, а в промышленных губерниях – рабочие.

Демократизированные исполкомы выступили против земских учреждений, считая их сословное построение не соответствующим моменту. Они стали вводить своих членов в число гласных и в земские управы. До начала мая существенным образом был пополнен состав некоторых земств Рязанской губернии. Данковское уездное земское собрание было пополнено 33 делегатами исполкома – пропорционально общему числу гласных старого состава, Зарайское – четырьмя. Члены Спасского исполкома принимали участие в земских собраниях с совещательным голосом [74]. Ярославский губернский общественный исполнительный комитет потребовал включить в состав губернских гласных своих делегатов и представителей от всех советов губернии в числе 36 человек [75]. Исполкомы смещали представителей «цензовиков» с ключевых постов, а в ряде мест они были арестованы. Так, в Тульской губернии в начале марта был арестован председатель Веневской уездной управы подполковник Шевелев [76].

Во многих уездах *между исполкомами и земскими управами изначально установились соперничающие и даже враждебные отношения*. Так было в Крапивинском уезде Тульской губернии и Суздальском уезде Владимирской губернии. И в том, и в другом случае Министерство внутренних дел вынуждено было активно вмешаться в конфликт, но это не изменило ситуацию [77]. Серьезные разногласия между исполкомом и гласными «старого состава» возникли в Ранненбургском уезде Рязанской губернии [78] и Вязниковском уезде Владимирской губернии [79]. Некоторые исполнительные комитеты пытались явочным порядком заменить собой уездные земские управы [80]. Очень скоро исполнительные комитеты стали проявлять *недоверие* не только в отношении управ и цензовых гласных, но и *в отношении земских служащих* [81].

Распыление власти на местах, конкуренция между различными органами самоуправления не могли способствовать их нормальной деятельности и выбили из колеи налаженную земскую работу.

Временное правительство не имело продуманной программы реконструкции государственного управления. Разработка реформы местного самоуправления стала одной из наиболее важных его задач после прихода к власти. 23 марта было принято постановление о создании Особого совещания по реформе местного управления и самоуправления [82], но его работа затянулась на несколько месяцев. Как отмечал позднее Б.Б. Веселовский, «все спасение тогда было именно в быстром проведении реформы на местах, что, как это ни странно, не понимали очень многие» [83].

Тем временем, некоторые земства: Ярославское губернское, Александровское уездное (Владимирской губернии), Белевское уездное (Тульской губернии) выработали инструкции для проведения выборов в земские органы самоуправления на основе всеобщего и равного избирательного права [84]. Однако правительство предостерегало от реформирования земств в рамках отдельно взятых уездов или губерний. Заместитель министра внутренних дел Леонтьев в телеграмме, направленной в Ярославскую губернскую земскую управу, разъяснял: «Производство общих выборов в губернии до указа правительства нежелательно. В настоящий момент, как мера временная, допускается в крайних случаях пополнение состава собраний, дум и управ представителями демократических организаций» [85]. При этом подчеркивалось, что состав местных органов самоуправления мог быть увеличен не более чем на 100 процентов.

После разъяснений Министерства внутренних дел земства отказались от проведения выборов вплоть до принятия нового земского закона. Ярославская губернская управа предоставила уездным земствам возможность «демократизиратизироваться по собственному усмотрению» [86]. В результате в последующие два месяца состав всех 10 уездных земств губернии пополнился, причем *в различной степени и на разных основаниях*.

В условиях быстрого нарастания революционного экстремизма предварительная демократизация цензовых земств превратилась в необдуманную «перетряску» их состава. Это вызывало обеспокоенность со стороны земских управ. И. о. председателя Рязанской губернской земской управы В.Г. Прорвич направил в марте 1917 года телеграмму председателю Совета министров (и копию – председателю Государственной Думы), где писал: «Население постепенно само начинает восполнять существующие местные самоуправления случайно избранными представителями. Получаются разнообразные составы. Затрудняется правильность дальнейшей деятельности. Связь и взаимоотношения нарушаются» [87].

Опасения председателя Рязанской земской управы имели под собой самые серьезные основания. «Революционная демократизация» земств в Рязанской губернии перехлестнула все установленные правительством рамки. Рязанское уездное собрание, например, было демократизировано на 400 процентов. МВД пыталось поправить положение, но тщетно. Избранный губисполкомом губернский комиссар Павлов не выполнил распоряжения министра внутренних дел. По свидетельству председателя Рязанской уездной управы и уездного комиссара Кученева, на губернском земском собрании 9 июня состоялись новые выборы, «демократизация достигла 600 процентов» [88].

На уездном уровне демократизация органов местного самоуправления нередко шла еще быстрее, чем на губернском. Гороховецкая земская управа (Владимирской губернии) с энтузиазмом приняла Февральский переворот. В докладе уездной земской управы чрезвычайному земскому собранию, открывшемуся 18 марта, говорилось: «Россия вступает в новую эру своего существования под яркими лучами солнца свободы, права и правды, озарившими всю ее необъятную ширь, от края до края. Предстоит колоссальная работа по возрождению нашей родины. Главная доля в этой работе падает на земские учреждения, вынесшие на своих плечах всю тяжесть, весь гнет прежнего режима и стойко до конца продержавших в своих руках знамя свободы России, несмотря на всевозможные репрессии и кары со стороны старого правительства» [89].

Однако революция, которую с восторгом встретили члены Гороховецкой управы, очень быстро смела их со своего пути, не приняв во внимание ни их заслуги, ни опыт общественной деятельности. На том же собрании 18 марта члены управы Царев, Хлыстов и Невский вынуждены были отказаться от своих должностей [90]. Председатель управы В.А. Бурмин тоже оставался на своем посту недолго. В апреле уездный исполком потребовал ввести в состав земского собрания по три представителя от каждой волости – взамен прежде избранных крестьянских гласных, а также семь членов комитета и представителей от рабочих».

Управа направила запрос Владимирскому губернскому комиссару и министру внутренних дел относительно законности распоряжения исполнительного комитета. 21 апреля были получены ответные телеграммы. В телеграмме из МВД разъяснялось, что организация представительства нецензовых элементов предоставлялась соглашению земской управы с уездным исполкомом и подчеркивалось, что для особого представительства в земском собрании 7 членов исполкома оснований нет. 21 апреля земская управа препроводила телеграммы в Гороховецкий исполком. В ответе исполкома земской управе говорилось, что «телеграммы комиссара и министра внутренних дел им оставлены без рассмотрения» [91]. Преседатель управы В.А. Бурмин вынужден был отказаться от занимаемой должности [92]. 23 апреля земство расширенного состава полностью обновило состав управы и выбрало ее председателем агронома А.И. Глебова [93].

В Юрьев-Польском уезде (Владимирской губ.) инициативу обновления земства также взял на себя уездный временный исполнительный комитет, члены которого, по мнению уездного комиссара, отличались «болезненным недоверием к интеллигенции вообще, а к лицам, состоявшим на государственной и общественной службе при старом режиме, – в особенности» [94]. Поначалу председатель управы С.И. Красенский был временно оставлен на своем посту, а в земство были выбраны новые представители от земских служащих, от хуторян, от рабочих и от крестьян – по одному от каждой волости [95]. Вскоре исполком сместил и председателя земской управы [96], выбрав на его место одного из своих членов – крестьянина П.А. Скудалова. Юрьевский УИК фактически подменил собою земское собрание. Это вызвало возмущение Юрьевских земцев. Даже председатель губернского исполкома Н.В. Макеев нашел этот «вопрос запутанным» и предложил создать «особую комиссию для выяснения дел» [97].

При демократизации Меленковского земства (Владимирской губ.) в его состав вошло много представителей «третьего элемента» и крестьян (по 1–2 человека от каждой волости) [98]. Демократизация уездного земства вызвала резкое недовольство со стороны некоторых цензовых гласных, в частности, коллежского асессора А.К. Константинова. В докладной записке, направленной на имя Владимирского губернатора, он отмечал, что экстренное собрание земства «состоялось с явными нарушениями закона, предела власти и нарушениями интересов местного населения». Среди прочих нарушений он отметил то обстоятельство, что «дополненные земскою управою гласные были избраны без определенной системы не пропорционально населению уезда» [99].

Председатель Ковровской управы кадет А.С. Пестрово вынужден был уже в начале мая 1917 года отказаться от занимаемой должности – «ввиду недоверчивого и даже враждебного отношения к земству» со стороны волостных исполнительных комитетов [100]. Земское собрание было пополнено представителями уездного исполкома, земских служащих и делегатами от волостей [101]. 15 мая была переизбрана Ковровская земская управа. Председателем ее стал известный земский деятель Д.М. Шорыгин [102]. В работе Ковровского земства была, таким образом, сохранена преемственность.

В том же месяце состоялось чрезвычайное собрание Суздальского уездного земства, на котором присутствовали представители исполкома и крестьян (по два делегата от каждой волости). Собрание, председателем которого был избран член уездного исполкома Н.Ф. Моргунов, обсудило доклад уездной земской управы и признало ее деятельность неудовлетворительной по всем основным направлениям. Вслед за этим была принята отставка членов управы и ее председателя И.Д. Шафрова [103].

Представителями уездного, волостных исполкомов и общественных организаций было пополнено Судогодское уездное земское собрание (той же губернии), переизбравшее 18 апреля весь состав управы. В Переславское земское собрание вошли представители крестьян и «нецензовых граждан», при этом управа была частично переизбрана. Демократизации подверглось и Покровское уездное земство, которое пополнило свою земскую управу двумя представителями от рабочих и двумя – от крестьян, избранными уездным советом рабочих и солдатских депутатов. Во главе обновленного Гороховецкого земства встал агроном А.И. Глебов. В редких случаях (как это было в Муромском уезде) земство не переизбиралось до конца лета [104].

Владимирское губернское земство не переизбиралось вплоть до чрезвычайного собрания, открывшегося 10 августа 1917 года. Под давлением председателя губисполкома эсера Н.В. Макеева и губернского комиссара меньшевика А.М. Братенши [105] председатель управы С.А. Петров [106] вынужден был согласиться на участие в собрании с правом решающего голоса представителей губернского исполкома, совета солдатских депутатов и др. общественных организаций, несмотря на серьезное недовольство со стороны отдельных председателей уездных земских управ (в том числе Д.М. Шорыгина). Участие этих представителей серьезно повлияло на ход собрания. Губернская управа была обвинена в том, что «она запоздала с демократизаций губернского земского собрания». На это замечание председатель управы С.А. Петров ответил, что земское собрание действительно могло бы быть демократизировано раньше, но тогда это было бы сделано «революционным порядком, а в настоящее время – по распоряжению Временного правительства». Он считал, что «демократизация революционным путем – не дело земской управы» [107]. Губернская управа была обвинена в бездействии; ее председатель С.А. Петров и члены Н.Н. Андриевич и Ф.К. Пришлецов вынуждены были сложить свои полномочия. Был избран новый состав губернской земской управы во главе с председателем губисполкома Н.В. Макеевым [108].

Столь же интенсивным, как и во Владимирской, был процесс демократизации земств в Нижегородской губернии. По свидетельству губернского комиссара, под давлением исполкомов весной 1917 года земские учреждения здесь подверглись «коренной ломке» [109]. К концу весны их состав оказался сильно измененным: из 11 уездных земств лишь в четырех остались прежние председатели управ, в семи они были переизбраны. В большинстве случаев эти посты заняли представители «третьего элемента» [110].

В Ардатовском, Арзамасском и Сергачском уездах демократизация земских собраний состоялась, по словам губернского комиссара, «неправильным способом»: «фактически, путем захвата... исполком стал взамен земства» [111]. Эти сведения подтверждаются данными анкет МВД. В Ардатовском уезде земство было полностью распущено; из прежнего состава остался только заместитель председателя управы М.А. Батяев; во вновь избранную управу вошли два крестьянина и один рабочий. Сергачское земство по инициативе исполкома пополнилось «представителями от всех вновь возникших организаций», земская управа в этом уезде была полностью переизбрана [112].

В Макарьевском уезде (Нагорной части) в состав земских гласных вошло очень большое число новых лиц: по три представителя от каждой волости и весь состав исполкома (50 человек). Председателем переизбранной земской управы был избран врач К.П. Алексеев, ставший с 28 апреля одновременно и уездным комиссаром. Княгининское земство также было пополнено всем составом уездного исполкома (45 человек) и представителями земских служащих, учителей; земская управа была переизбрана полностью [113].

В Семеновском уезде Нижегородской губернии до середины лета 1917 года в состав уездного земского собрания вошли новые гласные, избранные уездным исполкомом, возглавляемым, членом управы, – в числе 10 человек и волостными комитетами – в числе 15 человек. Васильевское земство было демократизировано за счет представителей волостей и различных общественных организаций; состав управы был полностью обновлен [114].

Нижегородское уездное земское собрание 15 мая избрало дополнительно в число гласных 19 крестьян (по одному представителю от каждой волости), 2 делегата от учи-

телей начальных школ, 2 – от земских служащих, 1 – от военно-промышленного комитета и 3 – от УИКа. В состав управы вошли 3 новых члена от крестьян [115].

8 мая состоялось Горбатовское земское собрание, к участию в котором были приглашены представители волостей, кооперативов, местного гарнизона, учителей и земских служащих. Число гласных было существенным образом пополнено; в состав управы были выбраны три крестьянина и учитель [116].

В Лукояновском уезде состав земского собрания не изменялся вплоть до начала лета; затем в него были дополнительно избраны по одному делегату от граждан и от кооперативов каждой волости, представители от земских служащих, служащих правительственных учреждений, учителей и от исполкома [117]. Лишь в Ядринском уезде Нижегородской губернии в начале июня земство не было демократизировано [118].

Таким образом, в десяти уездах Нижегородской губернии к началу лета земства были демократизированы, причем демократизация прошла на разных основаниях. В одних случаях в земские собрания включался весь состав исполкома, в других – только его представители. В земства избиралось разное число представителей от крестьян, кооперативов и общественных организаций. Одни собрания переизбрали управы полностью, другие – лишь частично.

Демократизация Нижегородского губернского земского собрания проходила следующим образом. В дополнение к составу цензовых гласных от всех уездов были выбраны по 5 человек «от демократических слоев населения». Кроме того, в него вошли 6 представителей от совета крестьянских депутатов, 5 – от совета солдатских депутатов и 3 – от совета служащих губернского земства; последние были приглашены по постановлению губернского земского собрания. В состав собрания был кооптирован также известный либеральный земский деятель Г.Р. Килевейн. 11 июня земское собрание нового состава переизбрало губернскую управу (кроме одного его члена, находящегося в действующей армии); при этом в состав управы вошло два лица из прежнего состава (председатель и его заместитель) и 4 новых лица. По сообщению губернского комиссара, между демократизированным губернским земским собранием и вновь возникшими общественными организациями сложились «благонадежные» взаимоотношения, что подтверждалось, в частности, ассигнованием им земских средств [119].

Весной – в начале лета 1917 года волна демократизации органов местного самоуправления захлестнула и Костромскую губернию, начавшись с губернского земства [120]. В Галичском, Костромском, Чухломском, Кинешемском, Макарьевском уездах земство прежнего состава было пополнено представителями от крестьян каждой волости, от земских служащих, учительского союза, кооперативов и общественных организаций. В Варнавинском уезде уже 19 марта земство было заменено объединительным комитетом и весь состав земской управы переизбран [121]. Масштабы демократизации и здесь значительно превысили установленные Временным правительством нормы.

Гораздо менее интенсивно в первые месяцы после Февраля проходила демократизация земств Тульской губернии. К моменту заполнения анкет МВД летом 1917 года губернское земство еще не было демократизировано. Перевыборов не было и в Богородицком уездном земстве: в анкете, заполненной 26 июня, было отмечено: «состав прежний». Аналогичная ситуация сложилась и в Крапивенском уезде, где до июля месяца состав земского собрания не только не переизбирался, но и не пополнялся. Вплоть до середины июня не проводились перевыборы Ефремовского земства. На собрании, состоявшемся 8 марта, были избраны один член управы и новый председатель – М.Л. Трухачев. Аналогичным образом Чернская уездная земская управы была пополнена новым членом из крестьян – Г.И. Сотниковым, а председателем ее вместо В.И. Фирсова был выбран Гаярин [122].

Очень незначительно был изменен состав Каширского земства: собранием были избраны земский врач М.Т. Полуэктов и агроном С.И. Кузьмин. Белевское земство было пополнено двумя дополнительными членами – агрономами С.А. Брушлинским и М.Н. Федосеевым, которые вошли в состав управы. Был переизбран председатель управы Арбу-

зов, который еще в марте выступил инициатором обновления земства. Перевыборы всего уездного земского собрания были назначены на 27 августа [123].

Более глубоко демократизация затронула Веневское и Епифановское земства. В Веневском уезде, где председатель земской управы Шевелев был арестован вскоре после переворота, земство было переизбрано; в число гласных вошли 24 «нецензовых демократических элемента» от волостей и 22 представителя новых общественных организаций. В состав Епифановского земства были избраны сначала 10, а затем 27 представителей от волостей, в него были также введены 5 членов уездного исполкома. Одоевское земское собрание было пополнено 21 представителем – по одному от каждой волости. В Одоевскую земскую управу вошли 10 представителей от демократических организаций [124].

Новосильское земство в начале июля состояло из 27 гласных, шестеро из которых находились на военной службе. Кроме того, 5 гласных выбыли из состава собрания на чрезвычайном собрании уездного земства 20 марта. Собрание переизбрало управу и приняло решение пригласить на следующее земское собрание в качестве гласных по одному представителю от кооперативов, расположенных в 27 волостях уезда [125].

Таким образом, степень и основания демократизации уездных земств Тульской губернии также были различными, но в целом земства здесь подверглись «революционной хирургии» в гораздо меньшей степени, чем в других исследуемых губерниях.

В большинстве губерний Центральной России инициатива народных масс перехлестнула установленные сверху рамки, причем наиболее интенсивно этот процесс проходил в промышленно-развитых губерниях, где уровень революционного движения пролетариата был выше, а также в тех городах, где располагались запасные воинские гарнизоны. *Демократизацию земств, разрешенную Временным правительством в качестве исключительной меры, исполкомы сделали правилом; при этом предложенные сверху масштабы ее были существенно превышены*, особенно во Владимирской, Нижегородской и Ярославской губерниях [126].

Стихийная демократизация земств приводила к эскалации социальной напряженности. Возникали конфликты между старыми, цензовыми и новыми составами земств, как это было в Скопинском уезде Рязанской губернии. Обострялись отношения между земствами и профсоюзами, в том числе профсоюзами земских служащих; между земствами и советами [127]. Советы стремились расширить в земствах свое представительство. Нижегородские советы солдатских и крестьянских депутатов летом 1917 года послали в земство по пять своих представителей.

В результате широкомасштабной стихийной демократизации состав земств существенно изменился уже весной 1917 года. *Изменился ли в связи с этим механизм функционирования земств?* Как справлялись обновленные земства со своими обязанностями и насколько изменились последние в 1917 году?

Подводя итоги стихийной демократизации земств, известный земский деятель и историк земского движения Б. Веселовский писал на страницах журнала «Земское дело»: «Редко, где земские собрания и управы остались в настоящее переходное время не пополненными представителями общественных организаций. К земской работе уже теперь привлечены значительные круги населения. Далеко не везде дело обошлось без трений и не всюду новый состав, наскоро составленный, оказался удачным. В некоторых местах резко проявилась нетерпимость и своеобразное понимание земских дел, как дел сословно-крестьянских». Из проведенного анализа Б. Веселовский делает все же оптимистический вывод, с которым трудно полностью согласиться: «Но в общем механизм земский не претерпел каких-либо поломок и ныне налаживает свою работу. Такого рода временным земствам предстоит еще существовать в течение нескольких месяцев, пока не будут сформированы новые земства, организованные на правильных демократических началах, согласно утвержденным Временным правительством правилам «О производстве выборов губернских и уездных гласных»[128] .

Источники показывают, что некоторые земства действительно пытались преодолеть стихийно-анархические тенденции, и наладить работу обновленных земств, опира-

ясь на лучшие традиции органов самоуправления. Большую роль в этом сыграли земские служащие. Б.Веселовский писал в мае 1917 года: «Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы идейное влияние третьего элемента на народные массы в настоящий момент отнюдь не было ослаблено. ... Настало время, когда они должны реализовать накопленный ими капитал опыта культурного, организационного строительства» [129].

Прежде всего, земствам пришлось заняться продовольственным вопросом, который продолжал обостряться весной 1917 года, особенно в промышленных губерниях [130]. Этому способствовал принятый Временным правительством 25 марта 1917 года закон о государственной хлебной монополии, который поручил проведение основных мероприятий в продовольственной области земствам.

Инициативу в организации продовольственного дела в Гороховецком земстве (промышленной Владимирской губернии) взял на себя земский агроном А.И. Глебов. На экстренном земском собрании 18 марта 1917 года он предложил «выяснить, какие имеются запасы зерна в местных хозяйствах» и потребности в зерне до будущего урожая. К этому обследованию, по мнению Глебова, необходимо было привлечь земских статистиков и агрономов, а также волостные продовольственные комитеты, которые на месте определяли бы излишек зерна. Земство приступило к закупке зерна по цене, установленной волостным и утвержденной уездным продовольственным комитетом; затем – намеревалось организовать размол зерна и распределение муки между неимущими по себестоимости. Для этого в каждой волости предполагалось организовать совместно с кооперативами раздаточный пункт. Было решено также использовать карточную систему выдачи продуктов и распределять их согласно спискам через уполномоченных в каждом селении [131].

Земства земледельческой Рязанской губернии занимались упорядочением деятельности реквизиционных продовольственных комиссий и более планомерным распределением нарядов на территории губернии. Обсудив продовольственное положение в губернии, экстренное собрание губернского земства 11 марта решило возбудить перед Министерствами земледелия и внутренних дел ходатайство об оставлении необходимого количества овса на семена из партий, собранных в губернии реквизиционными комиссиями, а также просить министерство об отпуске на семена проса, гречихи, гороха [132].

В 1917 году земства центральных губерний, как и прежде, осуществляли свои продовольственные операции через кооперативы [133].

В условиях продолжавшейся войны и революционных потрясений весны 1917 года реальной была угроза сокращения посевных площадей. С целью избежать недосева земства предпринимали различные меры: они привлекали к сельскохозяйственным работам кооперативы, продовольственные комитеты, учебные заведения, отряды солдат и военнопленных. Управы также занимались покупкой для населения бракованных лошадей военного ведомства [134].

Земские учреждения продолжали уделять внимание распространению сельскохозяйственных знаний [135]. Чрезвычайное земское собрание в Суздальском уезде (Владимирской губернии) 9 мая поручило управе возбудить перед правительством ходатайство об ассигновании средств по устройству в уезде земледельческой школы [136].

Актуальным оставался вопрос о помощи семьям погибших на войне, в первую очередь о попечении детей-сирот. 5 мая на чрезвычайном земском собрании Ковровского уезда заслушивался вопрос о добавочном ассигновании средств на призрение сирот воинов. Собрание решило ходатайствовать перед Временным правительством об ассигновании из средств государства 2800 рублей на возмещение половины суммы, израсходованной земством на эти цели [137].

Земства по-прежнему проявляли заботу о медицинском обслуживании населения, старались заполнить пустующие вакансии фельдшеров и врачей; однако в условиях войны, когда многие врачи и фельдшера были призваны в армию, наладить медицинскую службу было непросто [138].

Летом 1917 года правительство выпустило циркуляр, который передавал в ведение земств обязанности по общесанитарному надзору в губерниях. Он обсуждался на

земских собраниях и съездах, в частности, на состоявшемся 24 июля 1917 года совещании председателей уездных земских управ Владимирской губернии. По предложению председателей Вязниковской уездной управы И.Е. Протасьева и Ковровской – Д.М. Шорыгина собрание признало «в принципе желательным принятие в ведение земских учреждений обязанностей по общесанитарному надзору в губернии», но «при условии освобождения всех призванных на военную службу земских санитарных врачей и откомандирования их в распоряжение земств» [139].

Правительство расширило права земств в области руководства народным образованием, передав им, кроме прочего, заведование школьным делом в учебном отношении. Известный деятель народного образования Е. Звягинцев выражал надежду, что «в руках народного земства получит свой настоящий смысл термин «народное образование» Он писал: «В годы войны – в течение трех последовательных учебных сезонов – происходило разорение школы: было замедленно открытие новых школ и школьных комплектов, росли отказы детям в приеме; были значительно ослаблены или прекращены постройки и ремонт школьных зданий; резко ухудшилась вся жизнь и деятельность школы и учителя» [140].

После февраля 1917 года отдельные земства активно включились в руководство народным образованием в своих уездах [141]. Большое внимание уделялось организации учительских советов и созыву съездов учителей. Гороховецкое уездное земское собрание Владимирской губернии избрало от земства трех представителей в совет учителей, образованный уездном учительском съезде весной 1917 года [142]. Ярославское губернское земство приняло участие в организации съезда учителей низших и средних учебных заведений, проходившего с 12 по 14 мая. Съезд, в частности, отметил, что «заведование школьным делом находится всецело в ведении демократических органов самоуправления» и призвал «мобилизовать все силы демократической интеллигенции» для успешного строительства новых органов местного самоуправления. На съезде поднимались вопросы по организации ученического самоуправления, улучшения пенсионного обеспечения учителей. Значительным большинством голосов съезд признал преподавание религии частным делом и высказался за исключение закона Божия из числа обязательных предметов школьного образования. Делегаты одобрили идею передачи церковно-приходских школ в ведение органов местного самоуправления и преобразования второклассных учительских школ духовного ведомства в высшие начальные училища [143].

Значительное внимание демократизированные земства исследуемых губерний уделяли просветительской работе среди взрослого населения [144], выделяя на это существенные средства. Экстренное Рязанское губернское земское собрание 11 марта постановило ассигновать на агитацию и просвещение по 1000 рублей на уезд, а еще 8000 рублей передать в распоряжение губернской управы для этих же целей [145]. Гороховецкое уездное земство ассигновало в апреле 1917 года 1000 рублей на организацию в уезде культурно-просветительного общества [146].

К новым функциям земств (по закону 17 апреля 1917 года) относилось заведование милицией. Обновленные земства обсуждали вопросы об организации и увеличении штата милицейских служащих, которые становились теперь служащими земства [147].

В условиях инфляции земские собрания принимали решения о повышении жалования служащим земства и учителям [148]. Земства, как и прежде, занимались взысканием недоимок, выборами мировых судей, организацией закупок скота для армии и другими вопросами [149].

И все же активную деятельность во всех этих сферах весной и летом 1917 года демонстрировала лишь *небольшая часть земских учреждений*. Большинство земств нового, демократизированного состава даже не оставили протоколов своих собраний за этот период.

На все планируемые мероприятия земствам требовались значительные средства, в то время как их финансовое положение находилось в критическом состоянии. Кроме того, земствам приходилось финансировать возникшие в ходе революции общественные организации, прежде всего исполкомы и советы [150].

Нижегородский губернский комиссар сообщал в МВД в конце весны 1917 года: «Положение земств в данное время страшно критическое. Кассы земств пусты, сборов не поступает» [151]. Обращаясь с просьбами о субсидиях в МВД, Новосильский уездный исполком (Тульской губернии) сообщал: «Касса Новосильского уездного земства пуста, и потому земство ничего не может ассигновать из своих средств в распоряжение комитета» [152]. Размер дефицита по выполнению расходов 1917 года по уездным земствам Владимирской губернии колебался от 20 тыс. (Гороховецкое земство) до 800 тыс. (Шуйское земство). Итоговый дефицит по 10 уездам составил 3 млн. 110 тыс. рублей [153]. Аналогичные проблемы испытывали земства других центральных губерний [154].

Подводя итоги, отметим, что весной и летом 1917 года земские учреждения Центральной России были захлестнуты волной демократизации, проходившей в разные сроки и на разных основаниях. «Революционная хирургия» земских учреждений, частая смена их составов в условиях роста стихийно-анархических тенденций, удаление из земских собраний опытных цензовых гласных, а затем и представителей «третьего элемента», избрание представителей народных масс, не имевших необходимого уровня образования и навыков управления, привели к нарушению преемственности и крайне отрицательно сказались на эффективности земской деятельности.

Радикальные политические перемены, прервавшие постепенное течение реформ периода думской монархии, нарушили управление страной и взорвали социальную стабильность. Попытки либералов провести в жизнь принципы формальной демократии без учета своеобразия и особенностей национального исторического развития страны потерпели крах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Позднее П.Н. Милюков вспоминал, что накануне Февральских событий «среди деятелей левого крыла прогрессивного блока усиленно разрабарывался вопрос о программе на случай революционных событий»; «очень ясно Милюков почувствовал существование особого фронта в дни мартовской революции». (См.: Запись беседы с П.Н. Милюковым 8 января 1927 года, Берлин (у Б.И. Элькина) // Николаевский, Б.И. Русские масоны и революция [Текст] — М.,1990. — С. 92). В ходе подготовки переворота сближались различные течения оппозиции. А.Я. Гальперн вспоминал, что «в области сближения с представителями революционных организаций значительный шаг был сделан в начале 1917 года »И все же, – замечает он далее, – «несмотря на все это, революция застала нас врасплох». (См.: Запись беседы с А.Я. Гальперном // Там же. — С. 70).

[2] Савич, Н.В. Воспоминания [Текст] — СПб., 1993. — С. 224.

[3] Связующим звеном между ними был А.Ф. Керенский – член ВКГД, заместитель председателя Совета и генеральный секретарь Верховного Совета Великого Востока народов России. См.: Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте : Мемуары [Текст] — М., 1993. — С. 62—63.

[4] Власть и реформы. От самодержавной к советской России [Текст] — СПб., 1996. —С. 649.

[5] Савич, Н.В. Воспоминания [Текст] — СПб., 1993. — С. 230 —231; Родзянко, М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция [Текст] // Архив русской революции. Т.6. — С. 70.

[6] Великие дни Российской революции 1917 года [Текст] — Пг., 1917. — С. 45.

[7] Боголепов, А. Современный государственный строй России [Текст] // Право. — 1917. № 27 —28. —С. 1071.

[8] Герасименко, Г.А. Исторический опыт земского самоуправления [Текст] // Земства и Советы. Исторический опыт и современные проблемы местного самоуправления. Сб. статей. — Иваново, 1995. — С. 6.

[9] Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России [Текст] — М.,1990.

[10] Кабытова, Н. Власть и общество в российской провинции [Текст] — Самара, 1999. Петровичева, Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906 —1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности [Текст] — М., 2003. — Гл. V. Курсеева, О.А. Земства Поволжья в 1917 г. [Текст] // Проблемы историографии истории Октябрьской социалистической революции. — Самара, 1991. Матвеев, М.Н. Земства Поволжья в 1917—1918 гг. [Текст] / Автореферат .. канд. ист. наук. — Самара, 1995. Николаев, Д.А. Нижегородское земство в 1865—1918 гг. [Текст] / Дисс. … канд. ист. наук. — § 3.3. Остроухов, В.Е. Местные органы власти и управления России и их деятельность в марте 1917 — марте 1918 гг. (на материалах Тульской губернии). [Текст] / Дисс. … канд. ист. наук.

[11] Гайда, Ф.А. 1917 год: революция, власть, буржуазия [Текст] // Вопросы истории. — 1996. —№ 3. . 1917 год в судьбах России и мира [Текст] / Т.1. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. — М., 1997. Т.2. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. — М., 1998.

[12] В начале марта народ сместил губернаторов, вице-губернаторов, полицеймейстеров, начальников сыскных отделений и др. представителей коронной администрации на местах; многие из них были арестованы.

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1788. Оп.2. Д.107. Л. 7 об.; Д.159. Л.8; Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1181. Оп.1. Д.51. Л.28 об.; Бурджалов, Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия [Текст] — М., 1971. — С. 179. Шаханов, Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий [Текст] — Владимир, 1927. — С. 17. Полянский, Н.Ф. Нижегородские воспоминания банкира 1909—1918 [Текст] — СПб., 1998. — С. 42. История города Горького. — Горький, 1971. — С. 273. Владимирский, Н.Н. Костромская область: Историко-экономический очерк [Текст] — Кострома, 1959. — С. 150. Марасанова, В.М. Ярославские губернаторы. 1777—1917. Историко-биографические очерки [Текст] / В.М. Марасанова, Г.П. Федюк — Ярославль, 1998. — С. 388.

[14] ГАРФ. — Ф. 1789. — Оп. 1. — Д. 157. — Л. 30.

[15] Земское дело. — 1917. — № 5—6.

[16] ГАРФ. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 18.

[17] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 51.

[18] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 1, об. 45,69.

[19] Он был назначен на этот пост ввиду болезни председателя губернской земской управы Эмана, находившегося в то время в отпуске.

[20] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 87. — Л. 23; — Д. 148. — Л. 3, 8, 12, 15, 16, 24.

[21] Известия Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности. — 1917. 8 марта.

[22] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 181. — Л. 33, 34, 40, 42, 57, 70, 84, 91, 92.

[23] Узнав, что новая должность не гарантировала ему освобождение Генштаба от армии, Братенши сложил с себя полномочия комиссара и уехал в Крым поправлять расстроенное здоровье.

[24] См. табл. № 1 приложения.

[25] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 15—16, — Л. 72; — Ф. 1788. — Оп. 3. — Д. 64. — Л. 350, 352, — Л. 367, 374.

[26] Шаханов, Н.П. 1917 год во Владимирской губернии. Хроника событий [Текст] — Владимир, 1927. — С. 18—21; ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 3—85.

[27] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 444, 447, 463, 474, 479; — Д. 148. — Л. 1, 110, 158; — Д. 148. — Л. 219; ГАВО. — Ф. 1182. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 5.

[28] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 87. — Л. 5, 23, 24, 208.

[29] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 13—17; — Л. 152.

[30] Работавший от Владимирской губернии в Земском союзе, Шорыгин был лично знаком с кн. Г. Львовым и, по мнению МВД, был «надлежащим кандидатом» в губернские комиссары, однако от этой должности он отказался. Шорыгин проработал Ковровским уездным комиссаром вплоть до Октябрьского переворота См.: ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 87. — Л. 23, об., 25; — Д. 88. — Л. 82; — Оп. 3. — Д. 64. — Л. 2, об.

[31] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 183, 193, 199, об., 207, 213; — Д. 183. — Л. 8, об.

[32] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 352, 359, 379; — Оп. 2. — Д. 181. — Л. 63, об., — Д. 64. — Л. 357.

[33] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 444, 447, 472, 481, 482; — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 1, 110, 146, 156, 157.

[34] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 2 об.; — Д. 87. — Л. 79; — Д. 88. — Л. 63, 124, 153; — Д.107. — Л. 115; — Д. 148. — Л. 161—164; ГАРФ. — Оп. 2. — Д. 88. — Л. 37.

[35] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 133, 134, 138, об.

[36] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 32, 33.

[37] Земское дело. — 1917. — № 2. — С. 33; ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 75, об.

[38] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 75, 98, 103, об.,105.

[39] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 63, об.; — Л. 71.

[40] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 70.

[41] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 34—35, об., 71—73.

[42] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 46, 49, 51, 69.

[43] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 76.

[44] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 191, 203, об.; — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 1; — Д. 64. — Л. 479.

[45] Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. — 1917. 8, 12, 15 марта. ГАВО. — Ф. 1182. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 5, 19; 55; — Д. 215. — Л. 68; — Ф. 381. — Оп. 2. — Д. 42. — Л. 12.

[46] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 15, 44.

[47] ГАВО. — Ф. 1186. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 12.

[48] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 1, об., 45.

[49] ГАРФ. — Ф.1788. — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 3, 15.

[50] Революционное движение в России после свержения самодержавия [Текст] — М., 1957. — С.341; Известия Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности. — 1917. 5, 7, 8 марта.

[51] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 88. — Л. 28; — Д. 159. — Л. 44.

[52] ГАВО. — Ф. 1182. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 48, 52, 57, 78, 96, 129; — Д. 4. — Л. 21; — Ф. 382. — Оп. 2. — Д. 42. — Л. 23.

[53] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 188. — Л. 9, об., 10.

[54] ГАРФ. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 19.

[55] Известия Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности. — 1917. 5 марта.

[56] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 348; — Д. 137. — Л. 30, об.

[57] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 3. — Д. 64. — Л. 445, об.

[58] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 183. — Л. 8.

[59] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 215.

[60] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 44.

[61] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 2, 72, об., 79.

[62] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л.5, 84, об.; — Д. 87. — Л. 208.

[63] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 456, 459, 461, об., 463, 476, 481; — Д. 181. — Л. 47.

[64] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 443, 472, 474, 479.

[65] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 3, об.; — Оп. 3. — Д. 64. — Л. 350.

[66] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 3, об., 4; — Д. 64. — Л. 372.

[67] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 4, об.; — Оп.3. — Д. 64. — Л. 367.

[68] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 6; — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 374.

[69] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 6; — Д. 64. — Л. 352.

[70] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 363, 365, об., — Л. 359; — Д. 137. — Л. 9, об.

[71] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 9, об.

[72] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64; — Л. 355; — Д. 137. — Л. 9, об.

[73] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 243.

[74] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 181. — Л. 13, об.

[75] См. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России. — С. 85.

[76] ГАРФ. — Ф. 1788. Оп. — 2. — Д. 148. — Л. 133, 134.

[77] ГАРФ. — Ф. 1788. Оп. — 2. — Д. 148. — Л. 158, — Л. 202 —203; — Д. 87. — Л. 18; 172 —175; ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 248. — Л. 1—9.

[78] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 370.

[79] ГАВО. Ф. 1182. Оп.1. Д.8. Л.5,8.

[80] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 183. — Л. 3, об.

[81] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 181. — Л. 63, об.

[82] Земское дело. — 1918. — № 1. — С. 3.

[83] Земское дело. — 1918. — № 1. — С. 4.

[84] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л.30, 31. См. подробнее: Петровичева, Е.М. Земства центрально-российского региона в период Февральской революции 1917 года [Текст] // Провинция как социокультурный феномен. Сб. научных трудов участников VIII Международной конференции 18 —27 мая 2000 года Т.4. — Кострома, 2000. — С.28—29.

[85] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 20.

[86] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 68.

[87] ГАРФ. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 26.

[88] ГАРФ. — Ф.1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 104, об, 108.

[89] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 51.

[90] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 50, 58—59.

[91] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 67, об.

[92] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 64, 68.

[93] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 66, 71.

[94] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 184. — Л. 16; ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 87. — Л. 202.

[95] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 87. — Л. 198; ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 169. — Л. 6, об.

[96] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 5.

[97] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 6, 9. Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания 10—12 августа 1917 года — Владимир, 1917. — Л. 53, 54; — Ф. 1198. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 13—14.

[98] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 164. — Л. 1—2.

[99] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 1. — Д. 2953. — Л. 16, об.; — Оп. 3. — Д. 164. — Л. 1—2.

[100] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 162. — Л. 65, об.

[101] Там же. — Л. 62, 66.

[102] Там же. — Л. 91, об., — Л. 117, об.; ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 3. — Д. 64. Л. 2, об.

[103] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 161. — Л. 2—3.

[104] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. Л. 3, об., 71, об., 81, об., 84, об.

[105] Он был избран губисполкомом в конце мая 1917 года вместо назначенного Временным правительством на эту должность председателя губернской управы С.А. Петрова.

[106] до 1917 года был октябристом, после Февраля – кадетом.

[107] Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания от 22—23 августа. — Владимир, 1917. — Л. 60.

[108] Там же. — Л.61—62.

[109] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп.2. — Д. 183, — Л.8, об.

[110] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 183. — Л. 6.

[111] Там же.

[112] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 213, об.; Л. 173, об.

[113] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 183, 203, об.
[114] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 169, об., 207, об.
[115] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 177, об.
[116] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 199, об.
[117] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 183. — Л. 6; — Д. 64. — Л. 193, об.
[118] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 43. — Л. 45.
[119] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 217.
[120] См.: Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. — 1917. 7 марта.
[121] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 93—106.
[122] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 443, 444, 461, об., 474, об., 476. — Д. 148, — Л. 11, 158.
[123] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 3. — Д. 64. — Л. 459, 479; — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 125, 131.
[124] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 456, об., 472, об., 481, об.; — Д. 148. — Л. 133.
[125] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 470.
[126] Журнал чрезвычайного Владимирского губернского собрания 10—12 августа. — Владимир, 1917. — Л. 53; ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 185. — Л. 13; — Ф. 1181. — Оп. 1. — Д. 51. — Л. 90.
[127] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 88. — Л. 35—37.
[128] Веселовский, Б.Б. Накануне обновления земства [Текст] // Земское дело. — 1917. — № 9—10. — С. 365.
[129] Земское дело. — 1917. — № 9—10. — С. 365.
[130] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 64. — Л. 174; — Д. 181. — Л. 47.
[131] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 60.
[132] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 18, об.
[133] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 169. — Л. 17—28.
[134] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 61, 730.
[135] Земское дело. — 1917. — № 9—10. — С. 365.
[136] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 161. — Л. 2.
[137] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 162. — Л. 68, об.
[138] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 161. — Л. 2, 4, об.
[139] Журнал председателей уездных земских управ при губернской управе 24 июля 1917 года. — Владимир, 1917. — С. 72.
[140] Земское дело. — 1917. — № 8. — С.315—318.
[141] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 66.
[142] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 64.
[143] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 159. — Л. 75, об., 76.
[144] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 92, об., 93.
[145] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 18, об.
[146] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 73.
[147] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 51; — Д. 169. — Л. 17—28.
[148] ГАРФ. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 160. — Л. 65, 66, 69; — Д. 164. — Л. 2—3.
[149] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 169. — Л. 17, 18, 19; 26, 27, 28.
[150] ГАВО. — Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 161. — Л. 5.; — Д. 164. — Л. 2—3.
[151] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 183. — Л. 6.
[152] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 148. — Л. 222.
[153] Журнал председателей уездных земских управ при губернской управе 24 июля 1917 года. — Владимир, 1917. — С. 73.
[154] ГАРФ. — Ф. 1788. — Оп. 2. — Д. 137. — Л. 19.

А.М. Родригес

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В СТРАНАХ ВОСТОКА В ЭПОХУ КОЛОНИАЛИЗМА

Исследователи общественно-политической мысли на Востоке обращают внимание на то обстоятельство, что до последней трети XIX века там не было необходимых и достаточных условий для распространения современного образа мыслей: Восток не испытывал нужды в формационной перестройке. Это было следствием «исторического недочета», предопределившего отставание Востока от Запада в социально-экономическом развитии. Средневековый Восток опережал средневековый Запад по уровню и богатству материальной культуры, развитию городской жизни, форм и институтов товарно-де-нежных отношений, величине накоплений и оборотов ссудного и купеческого капитала, в области производственно-технических зна-ний и пр. Однако именно в Европе сложился к концу Средневековья наиболее благоприятный социальный климат для технического прогресса, формационной перестройки и переходу от потребительской экономики к производящей. Главную особенность нового времени составляла экспансия капиталистического Запада на Востоке и вступление восточных обществ на путь модернизации через колониальное закабаление или включение в мировое капиталистическое хозяйство в качестве зависимого компонента. В результате застойная социально-экономическая система восточных обществ была разрушена (в колониях) или подорвана (в полуколониях). На ее обломках, из ее обломков возникла новая – колониальная, как функциональный блок мировой капиталистической системы.

Родригес Александр Мануэльевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Востока и Запада МПГУ

Страны Востока в раз-ное время и с разной интен-сивностью вовлекались в орбиту мирового капиталисти-ческого хозяйства. Одни стали объектом колониальной экс-пансии уже в XVI веке, другие превратились в колонии толь-ко в XX столетии. Многие, со-храняя формальную независимость и традиционную струк-туру власти, оказались тесно привязанными к мировому хо-зяйству системой неравноправ-ных договоров и финансовых обязательств, в то время как Япония, например, быстро превратилась в равного партнера для Европы и колониальную державу. Различие судеб восточных народов проявлялось в относительном своеобразии их путей развития, сказывалось в темпах модернизации. К концу XIX века социально-экономическое развитие на Востоке вступило в новую фазу развития собственных буржуазных отношений. В одних странах быстрее, в других медленнее происходило разложение старых и вызревание новых общественных групп и классов. Становились более многочисленными и экономически более сильными национальные предпринимательские слои, росла мелкая городская буржуазия, появ-

лялся современный рабочий класс. Одна из особенностей
восточного общества состояла в том, что промышленное и посредническое предпринимательство вырастало преимущественно на почве торгово-ростовщического, феодально-ростовщического и торгово-помещичьего капитала. Формирование буржуазии из среды ремесленников и превращение низших форм промышленности в высшие было крайне затруднено. Вместе с тем тенденции капиталистического развития усиливались и мало-помалу захватывали также деревню. Крупную земельную аристократию в наиболее развитых странах вытеснил обуржуазившийся помещик, который вел хозяйство частично или полностью на капиталистической основе. Мировые войны сильно стимулировали развитие национального предпринимательства в промышленности, повышение товарности сельского хозяйства. Это было обусловлено военной конъюнктурой, изменением рыночных связей, необходимостью удовлетворения внутреннего рынка стран Востока за счет собственного производства, не говоря уже о необходимости обеспечения военных потребностей воюющих держав продовольствием, услугами и пр. Происходил относительно быстрый рост социальных слоев, связанных с современным промышленным производством, услугами и сферой обращения. Эти новые слои нашли свою нишу в социальной стратификации.

Формирование современного мировоззрения особенно сильно стимулировалось процессом урбанизации, начавшимся в середине прошлого столетия и принявшим значительное ускорение в 20—30-х годах XX века. Город создавал гражданскую личность вчерашнего крестьянина, воздействуя на него внерелигиозными нетрадиционными факторами, определяющими облик современного города: техникой, уровнем потребностей и потребления, высокой мобильностью и множественностью контактов (при том, что городские «низы» надолго сохраняют приверженность традиционному укладу жизни и традиционным представлениям). Трудно переоценить и значение современного школьного образования. Школа не только вводила человека в круг естественнонаучного знания, она знакомила его с новыми ценностями, пробуждала мысль, закладывала основу критического отношения к общественным явлениям. Для истории общественно-политической мысли крайне важной была активность ее главных генераторов – новых средних слоев городского общества. К ним принадлежали преимущественно национальные кадры колониальной администрации, учителя и инженеры, клерки, врачи и юристы, посредники, литераторы и журналисты, армейские офицеры, студенчество. Новые средние слои обладали наивысшим потенциалом политической активности. Они были наиболее восприимчивы к новым идеям, и не столько в силу относительно высокого уровня образованности, сколько в силу интересов и самого их места в общественной структуре [1].

Сложившаяся в начале XX столетия взрывоопасная ситуация социальной и политической напряженности породила кульминацию эпохи пробуждения Азии. Произошли революции в Иране (1905—1911), Турции (1908—1909) и Китае (1911—1913). Революционная волна захватила Индию (1906—1909). Историческое значение этих событий состояло в том, что они показали неизбежность приведения политических надстроек в соответствие с новым состоянием социально-экономических структур на Востоке. После первой мировой войны Восток был захвачен новой волной подъема национально-освободительного движения. Колониальные державы вынуждены были уступить новым общественным силам в колониях, чтобы их не потерять. Они пошли на некоторую либерализацию колониального управления за счет расширения представительства местного населения, введения различных форм туземного самоуправления, поощрения деятельности отдельных национальных организаций. Многие страны добились ослабления пут колониальной зависимости, в том числе Филиппины, Сирия, Египет и Ирак. В межвоенный период и в годы Второй мировой войны сложились предпосылки краха колониальной системы и перехода человечества на постколониальный этап мировой истории. Закономерности развития восточных обществ в их многоликом своеобразии формировали и своеобразие восточной общественной мысли [2].

Движение общественной мысли отражает динамику взаимодействия групповых интересов и ценностей. И поскольку интересы многочисленных социальных и политических групп, как правило, расходятся, что составляет главный источник идейной борьбы, постольку в любом обществе всегда существуют то открытое, то затаенное недовольство, брожение умов, протест против существующего порядка вещей, социальной иерархии и пр. Так что история общественной мысли – это и история конфликтующих интересов, сформулированных в понятиях различных, часто противоречивых, ценностных систем.

Пробуждение Востока повсеместно начиналось с осмысления отношения к Западу и собственного бытия: Запад стал все больше восприниматься как образец развития, а в национальном бытии обнаруживались непреходящие ценности. При этом вырабатывалось понимание того, что Европа обязана могуществом не столько силе своего оружия, сколько активности общественной и экономической жизни, в то же время национальная культура принималась за основу национальной самоидентификации.

В зависимых странах общественная мысль под давлением внешнего вызова сосредоточивалась прежде всего на проблемах функционирования политической надстройки, призванной поддерживать государственную интеграцию, социальную стабильность и обеспечивать процесс модернизации – адаптации к изменившимся условиям существования. Развивались, с одной стороны, сильные охранительные тенденции как реакция на внешнюю угрозу, на разрушительное вторжение современности в жизнь традиционного общества, с другой – тенденции, отражающие потребность в модернизации. На этой основе развертывалась в одних странах более, в других – менее активная культурно-просветительная и реформаторская деятельность.

Просветители и реформаторы пропагандировали идеи просвещенного абсолютизма или конституционной монархии, парламентаризма, административных реформ, доказывали необходимость ликвидации социально-экономической отсталости. Турецкий просветитель и патриот Намык Кемаль (1840—1888) так характеризовал круг интересов прогрессивной турецкой общественности: «это суверенитет народа, разделение властей, ответственность официальных лиц, личная свобода, равенство, свобода мысли, печати и ассоциаций, безопасность имущества, святость домашнего очага» [3].

С последней трети XIX века в колониальных и зависимых странах в рамках культурно-просветительной работы и религиозно-философского реформаторства началась разработка идеологии конституционного и национально-освободительного движения, получили распространение концепции модернизации общества. В первой половине XX века, особенно после Первой мировой войны, ускоряется двуединый процесс, для которого характерны, с одной стороны, интернационализация производства и потребления, идей, с другой – развитие наций, их экономики и культуры. На Востоке этот процесс получил отражение в национально-освободительном движении, острой борьбе между старым и новым: изменения, наметившиеся в жизни восточных обществ в прошлом веке, стали определяющим фактором их действительности в нынешнем.

Нерешенность коренных проблем национальной жизни, унаследованных от прошлого, предопределила особенность общественной мысли – ее главной чертой было не столько появление новых течений, сколько развитие взглядов и теорий, сложившихся в предшествовавший период. Политическая атмосфера послевоенного мира, в которой демократизм стал духом времени, сильно способствовала небывалому росту стремления народов к независимости и национальному возрождению. Господствующей тенденцией в общественно-политической мысли стали национализм и осмысление проблем модернизации восточных обществ.

Формы общественно-политической мысли и даже направления ее движения в известной мере складывались в процессе идейной борьбы между силами старого общества и нового вокруг кардинальных проблем: как обрести подлинную независимость и экономическую стабильность на путях общественного прогресса, оставаясь собою? Как догнать индустриальный Запад? Что для этого нужно? Что следует и чего не следует заимствовать у Запада, да и нужно ли что-то заимствовать вообще?

Таким образом, для восточных обществ стали характерны «западники», выступавшие за европейский прогресс в духе рационалистического просветительства, «традиционалисты», которые считали возможным национальное возрождение на основе традиционных ценностей, и сторонники сочетания достижений западноевропейской и национальной культур. Идейная борьба между ними, отражавшая столкновение интересов различных социальных и политических сил в эпоху трансформации традиционного общества в современное, свидетельствовала о рождении новой общественно-политической мысли.

С конца XIX столетия в большинстве стран борьба эта проходила при преимуществе национально-либеральных тенденций. В некоторых странах – в Китае, в Бирме, в Индонезии – авангардную роль порою играли революционные демократы. Национально-либеральные, революционно-демократические и промежуточные течения в общественной мысли сосуществовали друг с другом, то действуя в одном направлении, то противоборствуя, ради одной конечной цели – политической свободы. С ней ассоциировалось представление о всеобщем благоденствии и прогрессе, хотя каждое течение руководствовалось своим пониманием благоденствия и прогресса. Идейная борьба питала культурный подъем – бурное развитие прессы, литературное возрождение и политическую активность.

В первой половине XX столетия фаза национального пробуждения сменилась фазой национального освобождения. Сменились и приоритеты в общественно-политической мысли. Если раньше на первый план выдвигались вопросы модернизации общества, а в этой связи – выяснение отношений с Западом, то после Первой мировой войны и вплоть до краха колониальной системы приоритетными стали проблемы национально-освободительного движения для колониальных народов, упрочение суверенитета для независимых и полузависимых государств.

Носителем и пропагандистом новых идей стала преимущественно молодежь, получившая европейское образование на родине или за рубежом. Она составляла ядро оппозиционных движений «младоосманов» и «младотурок», «младотунисцев» и «младоафганцев», «младоперсов» и «младоалжирцев». Из их среды вышли либералы и радикалы, западники и востокофилы. Они создавали националистические организации, просветительские общества, выдвигали реформаторские программы. Они готовили общественное мнение к осознанию необходимости перемен, и в первую очередь политических.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Востока [Текст] — М., 1984. — С. 83—86.

[2] См.: Национально-освободительная идея и идеологическая борьба [Текст] — М., 1987. — С. 107.

[3] Вафа, А.Х. Восток: идеи и идеологи [Текст] — М., 1982. — С. 26.

А.К. Чеучева

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО–ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

К началу XIX века адыги, известные под названием «закубанские черкесы и кабардинцы», составляли основное население сравнительно большой территории на Северо-Западном Кавказе, за которой закрепилось историческое название Черкессия. Территория Черкессии простиралась от берегов Черного моря на востоке вплоть до центральной части северного склона Кавказского хребта [1].

Вопрос о численности адыгских племен до сих пор является спорным, так как адыги не проводили переписи населения. Многочисленная литература дает довольно разную информацию о численности населения.

По сведениям представителей царской администрации Менда и Розена, адыгское народонаселение исчислялось количеством в 423 010 и 501 000 человек. И.Ф. Бларамберг и Ф.Ф. Торнау называют цифру в 500 000 [2].

По мнению немецкого путешественника К. Коха, адыгов было 575 тыс., включая кабардинцев [3].

Иная информация исходит от Т. Лапинского. Прожив в Черкессии около трех лет, он считал, что население составляет примерно 800–900 тыс., без кабардинцев [4].

Данные, составленные англичанами Д. Беллем, И. Лонгуортом, свидетельствуют, что численность адыгов превышала миллион человек [5]. Этой же точки зрения придерживался царский офицер Г. В. Новицкий. В записке, представленной в 1830 году, он исчислял адыгов в 1 082 200 человек [6] .

Вообще для представителей царской администрации было характерным преувеличение численности населения Черкесии. Это делалось с целью увеличения важности своих действий против многочисленного врага. Что способствовало наличию расхождений в численности населения. Так, «по имеющимся официальным сведениям, собранным в 1830 по распоряжению князя Паскевича году, всего перечисленного выше населения горцев было до 1 700 000, и будто эти горцы могли выставить до 250 000 вооруженных людей» [7].

Часть авторов писала о том, что число черкесов в первой половине XIX века превышало 3 млн человек. Но с точки зрения историка Блиева, необходимо учитывать, что этноним «черкес» использовался в XIX веке для обозначения не только адыгов, но определенной части всего населения Северного Кавказа [8].

В работе Хан-Гирея, наоборот просматривается стремление уменьшить численность населения. По его сведениям, общая численность адыгов достигла 250 445 человек [9], то есть примерно столько, сколько по данным царской разведки Черкессия могла выставить вооруженных людей. Своей информацией автор создал большие проблемы для исследования. Внимательное изучение его работ свидетельствует о том, что он довольно точен в изложении этнографического материала и неточен при изложении фактов, которые могли быть исследованы в военных целях против адыгов. В этом, по-видимому, и кроется причина значительного преуменьшения численности населения.

Данные, приводимые советскими авторами в вопросе численности населения, тоже довольно противоречивы. По мнению авторов историко-этнографического очерка «Адыги», адыгское население в первой половине XIX века составляло примерно 1 млн человек [10].

В «Очерках истории Адыгеи», выпущенных в том же году, указывается, что население Черкесии составляло 505 090 человек. По сведениям В.К. Гарданова, число адыгов в первой половине XIX века не превышало 500 тыс. человек [11].

По мнению краснодарского ученого М.В. Покровского, число адыгов равнялось приблизительно 700–750 тыс. человек [12]. По подсчетам известного исследователя Т.Х. Кумыкова, «общая численность адыгского населения составляла в среднем примерно 660 тыс., а с убыхами 734 тыс. человек» [13].

Примерно этой же цифры придерживается исследователь из Иллинойского университета Н. Люксембург, определяя количество населения Черкессии в 700 тыс. человек [14].

По мнению автора исследования, 700–750 тыс. наиболее приемлемы для определения числа адыгского населения.

Население Черкессии состояло из различных народностей, которые в исторической литературе получили название племена, но применение термина «племя» вызывает сомнение. Так, по мнению авторов коллективной монографии, у адыгов в первой половине XIX века господствовали феодальные отношения, поэтому «безоговорочное применение термина «племя» к обозначению всех этнических подразделений, существовавших у адыгов», несостоятельно. Правильнее говорить не о племени, а о народности [15]. С нашей точки зрения, данный подход к проблеме является наиболее точным.

Наиболее значительными из этнических групп адыгов были абадзехи, натухайцы, шапсуги, бжедуги, бесленеевцы, жанеевцы, темиргоевцы, хатукаевцы, махошевцы, кабардинцы, хегаки, мамхеговцы [16].

Но определение состава населения составляет не менее сложную проблему. Этому способствовал тот факт, что между адыгскими народностями не существовало ощутимых барьеров. Различные группы могли переселяться, пополнялись другие народности, что, по мнению Хан-Гирея, не приводило к значительным изменениям в Черкессии [17]. Информацию о переходах одних групп населения в другие подтверждает в своей работе Л.Я. Люлье [18].

Миграционные процессы на Северо-Западном Кавказе обусловливались многими причинами. К ним, по мнению ученого А.Х. Бижева, следует отнести социальные внутриадыгские противоречия, приведшие к демократическому перевороту. Немаловажным фактором, способствовавшим миграционным процессам, была Кавказская война, которая стимулировала этническую консолидацию адыгов. Малочисленные группы ассимилировались, что способствовало укрупнению более могущественных объединений. Так, в первой половине XIX века адамиевцы, жанеевцы, мамхеговцы пополнили другие народности. В основном это были шапсуги, абадзехи, натухаевцы. Благодаря социальным потрясениям у них происходили процессы быстрого экономического развития и экономического переустройства. Народы с демократической формой правления занимали доминирующее положение в Черкессии. По данным, приводимым Ф.Ф. Торнау, их количество составляло 92 процента от всего населения Черкессии. По свидетельству Лапинского, эта группа составляла 60 процентов. Сталь пишет о 75 процентах, Кох — о 80 процентах. По данным Хан-Гирея шапсуги, абадзехи и натухаевцы составляли 71 процент от общего населения. Таким образом, народы с демократической формой правления представляли примерно две трети адыгского населения [19].

Абадзехи проживали на территории, ограниченной на юге Главным Кавказским хребтом, на востоке — рекой Белой (Шхагуаще), на западе — рекой Афипс. Они занимали большие территории с плодородными долинами. Русская военная администрация подразделяла абадзехов на горных и равнинных. Горные, именуемые в источниках еще как «дальние абадзехи», проживали в отдалении от кордонной линии. Другая часть

абадзехов, занимавшая земли от Афипса до Лабы, называлась равнинными или ближними абадзехами.

Территория вдоль северных отрогов Главного Кавказского хребта и берега Черного моря, вклинивающаяся к реке Кубань, принадлежала одному из самых многочисленных адыгских народов — натухайцам. По соседству с ними на территории, расположенной от Цемесской бухты по реке Пшады, проживали шапсуги, именуемые шапсугские натухайцы. В окрестностях Анапы, по течению реки Анапки и ее притоков, проживали хегаки.

Земли к востоку от натухайцев находились в собственности шапсугов. Их территория делилась на два образования, называемые «Большой Шапсуг» и «Малый Шапсуг». Малая Шапсугия выходила к Черному морю. Ее границы с убыхами проходили по реке Шахе, а с натухайцами — по реке Джубге.

Большая Шапсугия находилась к северу от натухайцев, границами здесь были река Адагум и северные отроги Главного Кавказского хребта.

Территория, на которой проживали шапсуги, намного превосходила земли натухайцев. Но она была труднодоступна, покрыта горами и лесами, поэтому была мало заселена.

Бжедуги подразделялись на хамышеевцев и черченеевцев, занимали земли к северу от абадзехов, расположенные по среднему и частично по нижнему течению Кубани.

Соседнюю по отношению к бжедугам территорию по Кубани занимали жанеевцы, кроме того, они проживали на острове Каракубань, а небольшая группа — на Адагуме.

В нижнем течении рек Белой и Пшиш располагались хатукаевцы, между нижним течением Белой и Лабы располагались темиргоевцы, егерухаевцы, махошевцы, мамхеговцы. С махошевцами на северо-западе по реке Ходзь граничили бесленеевцы, среди них проживали «беглые» кабардинцы. Восточной границей их владений была река Уруп [20].

Адыгское общество делилось на два класса — феодалов и крестьян. Каждый класс, состоял из нескольких социальных групп, имевших различное положение в обществе. Класс феодалов составляли князья (пши) и дворяне (уорки). Дворянство делилось на несколько степеней. Дворяне первой степени назывались тлекотлеши и денежуко. Второстепенные дворяне именовались пши-орки и беслен-орки, третьестепенные — орки-шаутлугусы.

Крестьянство тоже было неоднородно. Сюда входили различные по своему правовому положению люди. Прежде всего, это незакрепощенные, свободные крестьяне (тфокотли), затем вольноотпущенные (азаты) и крепостные крестьяне (пшитли и оги). Внизу социальной лестницы находились домашние рабы (унауты).

Наибольшей полнотой прав пользовались князья. Княжеский титул передавался только по наследству. При этом строго соблюдалось равенство браков.

Князьям принадлежали значительные участки лучших земель, крепостные крестьяне [21]. При желании князя к работе по его хозяйству могли привлекаться тфокотли. В его руках была сосредоточена значительная политическая власть. На собраниях ему предоставлялось первое место, соответственно общество считалось с мнением князя. По замечанию К.Ф. Сталя, князь был главой своего народа, начальником вооруженных сил [22]. Адаты закрепляли такое особое положение. «Князь пользуется совершенною свободою и ни от кого не зависит. Жители аулов, которые находятся под покровительством его, признают над собою власть его и он пользуется особенным и отличным уважением, не только простого народа, но и всех нижних дворян и духовенства; он почитается владельцем покровительствуемых им аулов и земель им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищать» [23].

Князья были неподсудны обычному суду, их дела рассматривались в суде равных, состоящих из князей и первостепенных дворян [24]. Адыгские князья претендовали на верховную власть во всей Черкессии, что являлось основой для постоянного соперничества и противоборства отдельных групп. Тем самым создавалась удобная почва для действий различных держав. По мнению историка Бижева, «логическим следствием княжеских

претензий на верховную власть стало отсутствие у господствующих кругов осмысленной и отвечающей национальным интересам внешнеполитической ориентации. Неспособность адыгских князей проводить самостоятельный внешнеполитический курс подменялась готовностью сотрудничать с любой силой, соглашающейся поддержать их претензии на сохранение и упрочение власти» [25].

Первостепенные дворяне были владетельными феодалами. Их сюзереном считался князь. В случае необходимости они выступали с ним на войну [26].

Второстепенные дворяне частью считали своим сюзереном пши, частью первостепенных дворян.

Тфокотли были юридически независимыми людьми. По замечанию Ф.И. Леонтовича, «если же сей народ и работает князьям и дворянам в нужное для них время, под покровительством которых он жительствует, то сие делают единственно по приглашению их по своей доброй воле; работа сия не вменяется ему в непременную его обязанность никаким непреклонным постановлением». Со временем они стали терять свои экономические и политические права. Свидетельством этому служит жалоба бжедугских тфокотлей на своих князей: «Сначала из дружеских соображений сносили их работы, уделяли им весьма нечувствительную часть пожитков своих, между тем сии князья, простирая власть свою на их владения до того, что начали с них требовать всего половину».

Положение, близкое тфокотлям, занимали азаты [27].

Крепостные крестьяне обладали ограниченными имущественными и личными правами. Имея семью и хозяйство, большую часть производимого продукта они отдавали своему хозяину. К тому же пшитли работали на земле феодала и в его хозяйстве. Феодал имел право продать своего крепостного [28].

Несколько иной статус имели оги, так как обладали более широкими личными и имущественными правами.

Внизу социальной лестницы находились рабы, считавшиеся собственностью господина. Рабы не обладали никакими правами, закон не защищал их [29].

В 1792 году произошло восстание шапсугских крестьян, которое изменило соотношение социальных кругов. Дворяне долго пользовались своими преимуществами. Но злоупотребления со стороны дворян из рода Шеретлуковых послужило поводом к восстанию. Восставшие отказались признавать власть дворян. Шапсугских крестьян поддержали абадзехи и натухайцы. Шапсугские же дворяне обратились за поддержкой к бжедугской знати. Обеспокоенные сложившейся ситуацией и не надеявшиеся на свои силы, бжедугские дворяне во главе с князем Батыр-Гиреем обратились к Екатерине II с просьбой о помощи. По распоряжению русской царицы, на помощь адыгской знати был послан вооруженный отряд Черноморского войска. В 1796 году произошла Бзиюкская битва, в которой народное ополчение шапсугов, абадзехов, натухайцев встретилось с дворянским войском, во главе которого стояли бжедуги. Благодаря поддержке русской артиллерии дворяне выиграли битву.

Несмотря на поражение, восставшие продолжили борьбу. Ее результатом было изменение политического строя абадзехов, шапсугов и натухайцев в сторону демократизации. Было учреждено народное собрание, основанное на выборных началах [30].

Общий съезд происходил обыкновенно два раза в год, весной или в начале зимы. На съезде обычно решались внутренние и внешние проблемы: рассматривались спорные дела, мирили враждующие стороны, вели переговоры с соседними племенами, обсуждали вопросы войны и мира.

Не зря Спенсер говорил о том, что в Черкессии царит мир, социальная гармония и равенство, называл методы управления региона «демократическими» [31].

В «аристократических» племенах дворяне из своей среды выбирали несколько почетных лиц, которые были наделены судебной и исполнительной властью. После избрания они давали присягу, следуя которой они должны были быть беспристрастными при рассмотрении вопросов. Постоянного места для судебного разбирательства не было, суд созывался там, где это было необходимо [32] .

Общее управление осуществляли старшие в роду князья вместе с дворянскими старшинами. Принятые решения возвещались глашатаями народу. Решения, как правило, касались торговли, карантинных мер, снаряжения караулов, общего вооружения жителей. Единственным средством исполнения приговоров было наложение более или менее тяжкого штрафа (ккоди) на нарушителей. О телесных наказаниях не имели и понятия.

Заслуживает внимания точка зрения на адыгскую цивилизацию Хан-Гирея, который, описывая строй адыгов, отмечает следующее: «Все эти подробности племенной или аульской администрации, обычного права, отношения между сословиями народа, с некоторыми гарантиями, предохраняющими не только преимущества высших классов, но и обеспечивающих высший класс от произвола первых, носят следы более совершенных и унаследованных от предков культурных задатков, из чего нельзя не вынести заключения, что черкесские племена стояли прежде на более высокой ступени цивилизации, но потом, с течением времени, одичали, сохранив только в общих чертах свои общественные устои» [33].

В результате происшедших событий адыгские племена разделились на две группы: «аристократическую» и «демократическую». У первой группы феодалы во главе с князьями полностью сохранили все свои привилегии, а у второй части племен сословные привилегии в значительной мере были подорваны в результате событий конца XVIII века [34]. К «аристократическим» племенам относят бжедугов, хатукаевцев, темиргоевцев, бесленеевцев. К «демократическим» – шапсугов, натухайцев, абадзехов.

Сами термины, впервые получившие распространение в русской официальной переписке и в исторической литературе, первоначально были вызваны чисто практическими целями служебной классификации, удобной для русского командования, а не следствием этнолого-социологического исследования. Пользуясь данной классификацией, русская военная администрация давала своим подчиненным политический ориентир в создании отношений к различным типам обществ. Иначе могли произойти события, которые бы шли вразрез с официальным курсом, направленным на поддержку феодальной власти.

Но термины получили распространение у кавказоведов, поэтому и сегодня в литературе принято деление адыгских племен на две группы. «Аристократические» племена – это племена с ярко выраженными чертами феодального строя, с четкой сословной структурой общества, доминирующей ролью владетельных князей и дворян и наличием феодально-зависимых крестьян.

«Демократические» племена характеризовались отсутствием власти князей, сильным ограничением прав дворянства, главенством в политике старшин [35].

Демократический переворот изменил социальную структуру адыгского общества. Большая часть шапсугов, натухайцев и абадзехов были тфокотлями – свободными земледельцами. Они составляли 75 процентов населения [36]. По замечанию Хан-Гирея, у демократических народов они (тфокотли), «не зная над собой никакой власти иного класса, пользуются совершенною свободою и составляют собою, так сказать, самостоятельный народ» [37].

По замечаниям историка Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербины, тфокотли являлись «основным производительным классом» в Черкессии [38].

В связи с демократизацией Черкессии изменилось социальное положение других слоев населения. По сведениям Т. Лапинского, пшитли (рабы) стояли на низшей ступени общества, имели права, аналогичные зависимым крестьянам «аристократических» племен [39].

В ходе социального переворота произошло возвышение и укрепление власти старшинской верхушки, за которой в литературе закрепилось название «неродовитые дворяне» и «среднее сословие» [40].

Представители данного, сословия в Шапсугии, Абадзехии и Натухае играли основную роль в борьбе за независимость. По данным А.Х. Бижева, в «демократических» племенах в рассматриваемый период существовало примерно следующее социальное соотношение: тфокотли – 75–80 процентов населения, зависимые сословия – 5–12 процен-

тов, тфокотльская верхушка и дворяне, лишенные социальных привилегий – 7–10 процентов [41].

Определение уровня развития общественных отношений адыгов в изучаемый период представляет сегодня сложную задачу. Существуют различные точки зрения по данному вопросу. Так, по мнению М.М. Блиева, «демократические» племена находились на стадии разложения родового строя [42]. А.Х. Бижев считает, что у «аристократических» племен господствующими считались феодальные отношения, у «демократических» – раннефеодальные [43].

Другой распространенной оценкой является мнение В.К. Гарданова. Сопоставляя основные черты общественно-политического строя «аристократических» и «демократических» племен адыгов, он делает заключение, что обе эти группы племен находились на феодальной стадии развития [44]. Эта же мысль отражена в «Истории народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.)»; где подчеркивается, что с конца XVIII века главное различие заключалось лишь в политическом управлении [45].

В результате рассмотрения различных точек зрения можно сказать, что в отечественной историографии существуют несколько точек зрения на общественный строй адыгов – от признания его феодальным до «военной демократии». Но последняя точка зрения, на наш взгляд, вызвана тенденцией намеренно принизить уровень развития адыгов. Наиболее верным в данном случае будет признание наличия у адыгов феодальных отношений.

Внимания заслуживает и иной взгляд на проблему, изложенный в работах М.Н. Покровского и Я.Н. Раенко-Туранского.

Согласно точке зрения Покровского, демократические народы прошли феодальную стадию развития и в итоге «революции, осуществленной торговым капиталом», свергли аристократов, встав на путь буржуазной революции. Переворот был совершен на основе успехов в экономике, которые были ярким примером того, что «черкесское общество отнюдь не было стоячим болотом, в нем происходила своя эволюция, аналогичная революции всякого феодального общества» [46].

Я.Н. Раенко-Туранский развил эту мысль, находя при этом у адыгов наличие торгового капитала [47]. Несмотря на некоторые натяжки в работе Покровского, следует сказать о том, что в ней более адекватно оценен «демократический переворот», способствовавший приобретению крестьянством большой личной свободы и права частной собственности на обрабатываемые ими земли, что, в свою очередь, стало залогом экономических успехов в демократических племенах по сравнению с аристократическими.

По нашему мнению, наиболее приемлемой является точка зрения Гарданова о существовании у адыгов феодальной стадии общественных отношений. «Демократический переворот» конца XVIII – начала XIX века стал новым и своеобразным этапом в развитии адыгского общественного строя.

Таким образом, социальная структура адыгского общества, основанная на земельных отношениях, носила феодальный иерархический характер. В конце XVIII – начале XIX века в результате социальных движений наметились тенденции в сторону её изменения, что привело к делению на «аристократические» и демократические племена. Управление внутренней жизнью осуществлялось на общинных съездах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII века) [Текст] — М., 1988. — С. 55.

[2] Гарданов, В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века) [Текст] — М., 1967. — С. 37.

[3] Koch K. Reis durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und Tubingen, 1842. - Bd. 1. Stuttgart, 1888. P. 36.

[4] Lapinski Th. Neue Mitteillungen uber die Volker im Kaukasus. Globus, 1863. Bd.3. P. 12.

[5] Bell J.S. Journal of a Resldens in Circassla during the Years 1837,1838 and 1839. London, 1840. P. 20. Longworth A. A year among the Circassian.V.1. London, 1840. P. 12.

[6] Новицкий, Г.В. Записки [Текст] //Кубанские областные ведомости, — 1884. — №40. — С. 3.

[7] Кубанский сборник. Т 10. [Текст] — Екатериндар, 1803. — С. 244.

[8] Бижев, А.Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 65.

[9] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. [Текст] — Нальчик, 1974. — С. 263.

[10] Аутлев, М. Адыги: Историко-этнографический очерк [Текст] / М. Аутлев [и др.] — Майкоп, 1957. — С. 58.

[11] Гарданов, В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века) [Текст]. — М., 1967. — С. 43.

[12] Покровский, М.Н. Завоевание Кавказа. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии [Текст]. — М., 1923. — С. 43.

[13] Кумыков, Т.Х., Хан-Гирей [Текст] — Нальчик, 1958. — С. 103.

[14] Luxenburg, N. England und die Urprunge der Tscherkessenkriege. Ib. Geschchte osteuropas. 1965. P. 184.

[15] Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области [Текст] — Майкоп, 1964. — С. 10.

[16] Хан-Гирей. Записки о Черкессии [Текст] — Нальчик, 1978. — С. 150.

[17] Там же. — С. 84.

[18] Люлье, Л.Я. Черкесия: историко-этнографические статьи [Текст] — Краснодар, 1927. — С. 319.

[19] Бижев, А.Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 70—71.

[20] Хан-Гирей. Записки о Черкессии [Текст] — Нальчик, 1978. — С. 174—212.

[21] Леонтович, Ф.И. Адаты кавказских горцев [Текст] — Одесса, 1882. Вып. I—VI. — С. 124.

[22] Там же.

[23] Там же. — С. 120.

[24] Там же. — С. 144.

[25] Бижев, А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 160.

[26] Сталь, К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа Кавказский сборник [Текст] — Тифлис, 1900. — Т. XXI. — С. 149.

[27] Леонтович, Ф.И. Адаты кавказских горцев [Текст] — Одесса, 1882. Вып. I—VI. — С. 135.

[28] Джимов, Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке [Текст] — Майкоп, 1986. — С. 47.

[29] Люлье, Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи [Текст] — Краснодар, 1927. — С.42 — 43, 45.

[30] Хан-Гирей. Записки о Черкессии [Текст] — Нальчик, 1978. — С. 137 —138.

[31] Спенсер, Э. Путешествие в Черкессию [Текст] — Майкоп, 1993. — С. 124 —125.

[32] Хан-Гирей. Записки о Черкессии [Текст] — Нальчик, 1978. — С. 133.

[33] Там же. — С 261.

[34] Гарданов, В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века) [Текст] — М., 1967. — С. 118.

[35] Покровский, М.Н. Завоевание Кавказа. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии [Текст] — М., 1923. — С. 32 —34.

[36] Бижев, А.Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 152.

[37] Хан-Гирей. Записки о Черкессии [Текст] — Нальчик, 1978. — С. 123.

[38] Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска [Текст] — Екатеринодар, 1913. — Т. II. — С. 24.

[39] Бижев, А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 156.

[40] Карлгоф, Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря [Текст] — Русский вестник. — М.,1860. — Т. 28. — С. 510.

[41] Бижев, А.Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 157 —158.

[42] Блиев, М.М. Кавказская война. Социальные истоки, сущность [Текст] // История СССР. — 1983. — №2. — С. 55.

[43] Бижев, А.Х. Адыги Северо-западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века [Текст] — Майкоп, 1994. — С. 141.

[44] Гарданов, В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века) [Текст] — М., 1967. — С. 128.

[45] История История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII века) [Текст] — М., 1988. — С. 110.

[46] Покровский, М.В. Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX века Кавказский этнографический сборник [Текст] — М., 1958. — Вып. II. — С. 199—200.

[47] Раенко-Туранский, Я.Н. Адыгея до и после Октября [Текст] — Ростов-на-Дону, 1927. — С. 19—20.

III. НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ДИССЕРТАНТЫ

С.С. Бизюкин

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СВЯЗИ С АГРЕССИЕЙ ЯПОНИИ В КИТАЕ

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 года японские войска начали военные действия против китайских войск в районе города Мукдена [1] и к началу января 1932 года заняли всю территорию Северо-Восточного Китая. Китайское правительство обратилось с жалобой в Лигу Наций, и тем самым перед Лигой и Англией, которая занимала ключевую позицию в Лиге, встал вопрос об отношении к этому акту агрессии. Особенностью ситуации было то, что военные действия в Маньчжурии были начаты по инициативе самих японских военных — командования Квантунской армией. Японское правительство в Токио не санкционировало действий военных. В силу специфики функционирования государственной власти в Японии правительство в Токио далеко не всегда могло контролировать действия военных. При этом действия военных укладываются в программу японской экспансии, так называемый «меморандум Танаки», представленный императору еще в 1927 году [2].

Бизюкин Сергей Сергеевич,
аспирант РГУ им. С.А. Есенина

На первых порах в Женеве английское правительство заняло позицию, которая должна была убедить общественность, что в своем отношении к японской агрессии оно руководствуется принципами Лиги Наций.

30 сентября 1931 года Совет Лиги принял резолюцию, в которой повторялось заверение японского делегата о том, что его правительство «будет продолжать так скоро, как окажется возможным, отвод своих войск... в зону железной дороги», и выражалась надежда, что эта и другие меры по «восстановлению нормальных отношений» будут быстро завершены [3].

Видный историк международных отношений Э. Карр пишет, что резолюция «имела своей целью проложить для японцев путь к отступлению». Однако на деле эта резолюция санкционировала японскую агрессию, показав, что Лига Наций не решилась даже назвать агрессию агрессией, не говоря уже о том, что она не потребовала ее прекращения. Естественно, что Япония в этих условиях не воспользовалась «путем для отступления», а продолжала захватывать все новые и новые части Северо-Восточного Китая.

По мере того как расширялась японская агрессия, для всех становилось ясно, что это не обычный инцидент, какие в то время в Китае были частым явлением, а осуществление далеко идущих планов, являвшихся нарушением не только Устава Лиги Наций, пакта Бриана – Келлога, но и взрывавших Вашингтонский договор девяти держав. «Это,– замечает Э. Карр, – сразу же вывело на сцену Соединенные Штаты. Американские лидеры быстро сообразили, что действия Японии открывают новую главу в борьбе за господство на Тихом океане»[4].

В феврале 1922 года в ходе работы Вашингтонской конференции был подписан договор пяти держав (США, Великобритании, Японии, Франции и Италии) об ограничении морских вооружений, установивший для этих стран соотношение предельного тоннажа наиболее мощных и крупных кораблей — линкоров (5 : 5 : 3 : 1,67 : 1,67). Япония получила явное преимущество. Ведь ее ВМФ концентрировался поблизости от Японских островов, а американский был рассчитан на просторы двух мировых океанов. Кроме того, США и Британии запрещалось иметь военно-морские базы на расстоянии менее 5 тыс. км от Японии, а Соединенным Штатам — укреплять островные владения в Тихом океане.

Ответ на вопрос о том, что же предлагала Англия, содержался в речи Саймона в палате общин 22 марта 1932 года. В этой речи он заявил, что в данном конфликте можно действовать только примирительными средствами и что санкции ни при каких обстоятельствах не должны применяться против Японии. Это была политика, отвергавшая устав Лиги Наций. Многие, особенно малые, страны в Лиге Наций отрицательно относились к японской агрессии и готовы были поддержать против нее те или иные предложения, опасаясь, что они сами могут рано или поздно оказаться в положении, когда им понадобится помощь против агрессора. Опасаясь, как бы в этих условиях Лига не приняла какое-либо нежелательное для Японии решение, желая перенести рассмотрение вопроса в узкую группу представителей великих держав, а главное, стремясь выиграть время для дальнейшей агрессии и консолидации произведенных захватов, Япония сама предложила создать комиссию Лиги Наций для изучения положения в Северо-Восточном Китае. 10 декабря 1931 года такая комиссия была создана в составе представителей США, Франции, Германии и Италии под председательством англичанина лорда Литтона. Комиссия долго собиралась к отъезду, медленно добиралась до Китая и очень затянула свою работу.

Только в сентябре 1932 года ее доклад был получен в Женеве. Потребовалось еще два месяца, чтобы его представили Совету Лиги. Такое не укладывающееся в рамки здравого смысла поведение комиссии (речь шла о необходимости прекратить агрессию, что требовало особенно быстрых действий) целиком и полностью отвечало интересам Японии. За время работы комиссии японцы в конце января 1932 года осуществили военное нападение на Шанхай, затем создали в Северо-Восточном Китае марионеточное государство Маньчжоу-Го, поставив во главе его Пу И, последнего китайского императора из династии Цин. В начале мукденских событий японское правительство заявило о том, что не имеет территориальных притязаний в Маньчжурии. Но оно не могло помешать командованию войск на материке осуществить его собственные планы. События развивались при минимальном участии кабинета в Токио. Правительство Ц. Инукаи было вынуждено санкционировать действия военных в Китае. Однако сам премьер-министр выступил против признания Манчжоу-Го как независимого государства. В мае 1932 года в обстановке шовинистической истерии он был убит в Токио во время путча, организованного экстремистски настроенными японскими офицерами [5].

Комиссия Литтона представила доклад, в котором хотя и было указано, что Северо-Восточный Китай является непреложно китайской территорией и что создание Мань-

чжоу-Го результат японской оккупации, по существу оправдывались действия агрессора, ибо подчеркивалось наличие на этой территории самых различных «специальных интересов» Японии. Более того, комиссия фактически рекомендовала признать японские захваты, хотя и предлагала, чтобы плодами агрессии воспользовалась не одна Япония, но и некоторые другие державы. Именно этот смысл имело предложение комиссии о том, что при сохранении номинального суверенитета Китая над Маньчжурией над ней должен быть установлен своеобразный режим протектората иностранных держав. Речь шла о превращении части территории Китая в колонию империалистических держав, в плацдарм и базу для развертывания борьбы против Советского Союза и национально-освободительного движения в Китае [6].

Английское правительство, более чем кто-либо другой ответственно как за затяжку в работе комиссии Литтона, позволившую Японии продолжать агрессию, за содержание доклада комиссии, оправдывавшего по существу действия агрессора, так и за то, что при обсуждении этого доклада в Лиге Наций английские делегаты в оправдании и защите японского разбоя пошли еще дальше комиссии Литтона. Выступая на ассамблее Лиги Наций, Саймон пошел даже на искажение и без того тенденциозного доклада Литтона, упорно подчеркивая содержавшиеся в нем моменты, оправдывавшие действия агрессора, и замалчивая положения, которые могли не понравиться японским империалистам.

В феврале – марте 1933 года японцы вышли за пределы Северо-Восточного Китая и оккупировали провинцию Жэхэ. А когда в феврале Лига наций приняла решение о том, что ее члены не должны признавать «независимости» Маньчжоу-Го, японская делегация покинула ассамблею, и 27 марта 1933 года Япония заявила о своем выходе из Лиги Наций. Тем самым японский империализм развязывал себе руки для дальнейшего развертывания агрессивных действий.

В результате такого развития событий на Дальнем Востоке в 1931—1933 годах возник опасный очаг войны.

Политика Англии в дальневосточном кризисе, обнаружившая слабость Лиги и склонность Англии к попустительству и сделке с агрессором, явилась «поощрением для других экспансионистских держав», то есть для Германии и Италии. Это в свою очередь оказало значительное влияние на политику Франции, чувствовавшей угрозу со стороны этих держав, и имело своим результатом усиление напряженности в англо-французских отношениях.

Отказ Англии действовать в ряде случаев по вопросу о японской агрессии совместно с США серьезно обострил англо-американские отношения.

Американские правящие круги расходились в некоторых случаях с англичанами потому, что англичане намеревались наладить сделку с Японией не только за счет Китая, но и за счет интересов США на Дальнем Востоке. Президент США Гувер говорил в тесном кругу на заседании кабинета: «...наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с большевистской Россией мы будем иметь еще на фланге большевизированный, возможно, Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае» [7].

Английские правящие круги не выдвигали возражений против действий Японии по этой же причине.

Это было, по-видимому, первое появление на свет пресловутой политики невмешательства.

Постепенно Дальний Восток приобретал все большее значение для Великобритании. Британские военные специалисты выражали такую же глубину озабоченности в отношении Дальнего Востока, как и в отношении ситуации в Европе [8]. Агрессия Японии в Китае грозила подорвать завоеванные в длительной и упорной борьбе позиции Англии. С конкуренцией Японии Англия сталкивалась на рынках стран Британской империи.

Таким образом, становится все более отчетливыми ослабление позиции Великобритании на мировой арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Город Тэньян.

[2] Военно-морское соперничество и конфликты в 1919–1939 годов [Текст] — Минск, 2003. — С. 254.

[3] Carr, E.H. International Relations between the Two Wars. 1919–1938, P. 164.

[4] Ibid., P. 165.

[5] См.: Проект «Военная литература». Разрушение послевоенной системы мирового регулирования [Электронный ресурс] http://militera.lib.ru/research/bogaturov/01.html

[6] Международные отношения на Дальнем Востоке (1810—1949) [Текст]. — М., 1956. — С. — 451—452.

[7] Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949) [Текст]. — М., 1956. — С. — 436.

[8] Pritchard, R.J. Far Eastern Influences Upon British Strategy Towards The Great Powers 1937 – 1939. Garland Publishing, Inc., N.Y., L., 1987. P. 1.

О.Е. Сафонова

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Для понимания роли добровольных неполитических организаций в общественной жизни дореволюционной России огромное значение имеет вопрос об их правовом статусе и отношениях с государственными органами.

Сафонова Ольга Евгеньевна,
аспирантка кафедры истории России РГУ им. С.А. Есенина

Буржуазные преобразования 60-х годов XIX века принесли Российской империи общего законодательства об обществах, но, тем не менее, некоторые меры правительства отрано-сительно облегчили процесс учреждения общественных орга-низаций.

Если в дореформенное время уставы легальных обществ, как правило, утверждались импе-ратором, то с 60-х годов право утверждения постепенно пере-шло к отдельным министрам (прежде всего, министру внутренних дел). Но и на уровне министерств добиться открытия новой организации было нелегко, а представлявшиеся на утверждение уставы подвергались многочисленным «исправлениям».

В 90-е годы царское правительство, побуждаемое как объективной необходимостью, так и стремлением упорядочить возросшую общественную активность в легальных формах, вынуждено было приступить к разработке нового закона об обществах. На основании положения 1897 года министрами были изданы так называемые «нормальные» уставы для тех групп обществ, которые находились в их ведомстве (благотворительных, пожарных, вспомоществования нуждающимся учащимся). Этими уставами право разрешения образования обществ данных катего-рий передавалось губернаторам при условии соответствия пред-ставляемых учредителями проектов уставов с «нормальны-ми»; проекты уставов всех про-чих обществ, а также уставы, составленные с отступлениями от нормальных положений, долж-ны были отправляться на рас-смотрение в соответствующее министерство или главное управ-ление [1]. Однако, как справед-ливо заметил правовед начала XX века Н.П. Ануфриев: «Не нужно думать, что с изданием нормальных уставов русские люди получили право на утверждение представляемых ими уставов …Губернатор или министр имел право разрешить или не разрешить образование всякого общества, пользуясь своим правом усмотрения в этой области, причем не был обязан сообщать учредителям мотивы отказа» [2].

Другими словами, с помощью нормальных уставов правительство хотело решить две противоречащие друг другу задачи. С одной стороны, поощряя добровольную инициативу, оно стремилось предоставить обществам независимость. С другой — обязывало их следовать правилам,

гарантирующим соблюдение интересов самого правительства.

Положения 1897 года показали, какие аспекты деятельности добровольных объединений вызывали наибольший интерес со стороны государственной власти. Одним из самых животрепещущих был вопрос о членстве. Согласно нормальным уставам не имели право вступать в общества следующие категории населения: состоящие на действительной военной службе нижние чины и юнкера; несовершеннолетние, за исключением имеющих классные чины; подвергшиеся ограничению прав по суду; административно-ссыльные; учащиеся в учебных заведениях военно-морского и духовного ведомств (учащиеся в других учебных заведениях могли быть членами обществ с разрешения родителей и учебного начальства, но не могли быть членами правлений и пользоваться правом голоса в общих собраниях).

Еще одной заботой правительства был контроль над финансами добровольных объединений. Нормальные уставы разрешали обществам использовать широкий спектр средств для формирования кассы, включая членские взносы, доходы от недвижимости, пожертвования, государственные субсидии и прибыль от благотворительных мероприятий. Однако Положения 1897 года предписывали, что на проведение любых публичных мероприятий, организованных обществом для сбора средств (будь то лотерея, литературные чтения или театральное представление) необходимо было получить разрешение от местной полиции. В уставах также давались рекомендации по управлению финансами организаций, устанавливался минимальный размер членских взносов, и содержались указания по вложению средств с целью их преумножения.

Наконец, тревогу правительства вызывал вопрос о возможности использования добровольных организаций для ведения нелегальной политической пропаганды. Поэтому общества должны были информировать местную полицию о «дне, месте, часе и предмете» любого собрания, на которых, разумеется, обсуждались только вопросы, касавшиеся деятельности данного объединения. Кроме того, добровольные организации были обязаны подавать на рассмотрение властей ежегодные отчеты. Если губернатор подозревал какое-либо общество в подрывной деятельности или «угрозе общественной безопасности и нравственности», министр внутренних дел мог наложить запрет на проведение собрания и приостановить работу объединения. Вопрос о том, кто имел право закрывать общественные организации – губернатор, Министр внутренних дел или Комитет министров – вызывал некоторые затруднения. В Положениях 1897 года этот момент выглядел двусмысленно, хотя подразумевалось, что данная проблема относится все-таки к компетенции Министра внутренних дел. Но на практике оказывалось, что в большинстве случаев решение о закрытии общественных организаций принимал губернатор.

С конца 1905 года происходит постепенная либерализация правового режима и снижение уровня административного контроля со стороны местных властей в отношении общественной деятельности. Это было связано, во-первых, с изданием циркуляра МВД от 26 апреля 1905 года, по которому исключительное право регистрации обществ предоставлялось губернаторам и градоначальникам, и, во-вторых, с «Манифестом 17 октября». Что касается первого, то он представлял собой обобщение предшествовавших мероприятий в области административной регламентации образования частных обществ (прежде всего, нормальных уставов) и не предполагал каких-либо нововведений законодательного характера. Уставы организаций должны были соответствовать требованиям, содержащимся в циркуляре Министра внутренних дел и фактически повторявшим Положения 1897 года, по вопросам членства, финансов, управления и закрытия обществ. По новым правилам учредителями общественных организаций не могли быть исключительно или преимущественно лица иудейского вероисповедания. На деле, губернатор все также мог отказать в регистрации объединения, даже если документы были составлены в соответствии с законодательством. Министр внутренних дел, обладавший правом решающего голоса, по рекомендации губернатора, имел право в любое время закрыть добровольное общество за антигосударственную деятельность.

Однако события внешней и внутренней жизни России, приведшие к Манифесту 17 октября, заставили правительство отступить от полумер и обязали выработать законы, «дарующие населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Результатом законодательной деятельности в новых условиях стало издание 4 марта 1906 года «Временных правил об обществах и союзах», которые явились первым общим законом о добровольных объединениях в российской истории.

По сути, «Временные правила» были «неуклюжей комбинацией» циркуляра от 26 апреля 1905 года и основывались на всей предыдущей правительственной практике учреждения добровольных организаций, а также французском и германском законодательстве об ассоциациях [3]. Причем, заимствования из западноевропейского конституционного права имели явно механический характер и потому вступали в противоречия со статьями русского происхождения. Принцип, высказанный во 2 статье правил, о том, что общества могут быть организованы без испрошения на то разрешения правительства, по словам Н.П. Ануфриева, «получает в следующих статьях такие ограничения, что превращается в действительности в знакомый нам традиционный принцип русской государственности: – все, что прямо не разрешено правительством, может быть признано нелегальным» [4].

По новому закону утверждались два типа общественных объединений. Первый (явочный) предполагал простое уведомление властей о создании общества и не нуждался ни в утверждении устава, ни в получении официального разрешения. Однако общества, организованные таким способом, не имели права собственности и статуса юридического лица. Второй тип – это объединения, обладавшие данными правами и потому обязанные утвердить свой устав в окружном суде. Тем не менее, разница между ними была скорее видимостью. С утвержденным уставом или без такового, ни одно общество не могло существовать без разрешения властей под угрозой возникновения репрессий в отношении его участников.

Новая процедура регистрации или получения разрешения на создание организации сохраняла много черт политики прошлого. Губернатор и министр внутренних дел попрежнему обладали огромными полномочиями. Согласно «Временным правилам» на местах создавались специальные учреждения – присутствия по делам об обществах и союзах, состоявшие из представителей местного дворянства, судов, земства и органов городской власти. Губернатор, будучи председателем, контролировал работу присутствия. Если он был не согласен с решением большинства, то мог отклонить его принятие, обратившись к Министру внутренних дел. К тому же, заявления учредителей подавались в присутствие через губернатора, который мог обнаружить какое-либо препятствие для открытия общества уже на этом этапе. Отчеты и справки, подготовленные губернаторской канцелярией, оказывали решающее влияние на исход дела. По замечанию многих исследователей, на практике губернатор предпочитал следовать старой политике, отраженной в нормальных уставах и положениях 1897 и апреля 1905 года, чем новомодным принципам конституционных прав и гарантий. При ближайшем рассмотрении закона от 4 марта 1906 года, оказывалось, что «все дороги, так или иначе, вели в кабинет губернатора» [5].

«Временные правила об обществах и союзах» вводились в действие (в соответствии с Манифестом 17 октября) вплоть до издания постоянного закона, однако просуществовали до февраля 1917 года.

В начале 1908 года межведомственная комиссия начала работу над новым, постоянным законом об обществах. Проект закона, завершенный к 1910 году, отражал недовольство «Временными правилами» 4 марта 1906 года. Согласно замыслу его разработчиков, предполагалось увеличить власть губернаторов и полиции над добровольными объединениями всех типов, но особенно политическими, религиозными и профессиональными. Законопроект несколько раз направлялся на рассмотрение в Совет министров, однако откладывался по разным причинам (последний раз – в мае 1914 года ввиду начав-

шейся Первой мировой войны). В конечном счете завершению реформы помешала Февральская революция 1917 года [6].

По закону от 4 марта 1906 года в Рязани (как и в других губернских центрах России) было создано Губернское по делам об обществах присутствие, куда вошли высшие чины губернской администрации (губернатор, вице-губернатор), представители судебных органов (председатель и прокурор окружного суда) и органов местного самоуправления (председатель губернской земской управы, городской голова, по одному гласному от губернского земства и городской думы, губернский предводитель дворянства).

В компетенции Присутствия находились все вопросы, касавшиеся функционирования общественных организаций: открытие, утверждение устава и закрытие. Решение принималось большинством голосов, однако губернатор, как председатель Присутствия, мог приостановить его исполнение вплоть до рассмотрения данного дела Министром внутренних дел (ст. 39 «Временных правил»).

Процесс утверждения уставов добровольных объединений включал в себя несколько этапов: рассмотрение представленного проекта устава, сравнение его с типовым, принятие решения о регистрации общества или отказ в ней. Учредители должны были правильно оформить ходатайство и составить устав в рамках требований, предъявляемых правительством. Из-за малейшего отступления от жестких правил документы приходилось переделывать. Все это приводило к тому, что утверждение бумаг занимало в лучшем случае несколько месяцев, но нередко оно затягивалось на гораздо большие сроки.

Решающее влияние на исход дела, как уже отмечалось, оказывал губернатор. Это объяснялось, прежде всего, тем, что все делопроизводство Рязанского Присутствия осуществлялось через губернаторскую канцелярию. К тому же губернатор имел право проводить предварительное изучение задач и направлений деятельности общества до рассмотрения вопроса членами Присутствия. Нередко предварительные доклады о деятельности общественной организации содержали неполные сведения из-за занятости канцелярских чиновников или носили тенденциозный характер из-за субъективного отношения губернатора.

Губернатор осуществлял контроль над деятельностью общественных объединений с момента их образования до приостановления работы или полного закрытия.

Начальный этап рассмотрения ходатайства состоял в изучении состава учредителей общественной организации. Закон об обществах содержал возрастные ограничения: запрещалось участие в общественных объединениях несовершеннолетним, учащимся в низших и средних учебных заведениях (ст. 7 «Временных правил»). Что касается студенчества, то здесь решение вопроса отдавалось на личное усмотрение губернатора. Как правило, отношение главы местной администрации к этой категории населения было весьма пристрастным, поскольку она была наиболее восприимчивой к революционным идеям и могла способствовать их распространению в народной среде.

Помимо выяснения соответствия возрастным требованиям, члены будущего общественного объединения проходили проверку на политическую благонадежность. Для этой цели использовались полицейские органы. Если у власти возникали какие-либо подозрения в неправильной политической ориентации объединения, учредители могли получить отказ в регистрации на основании «угрозы общественной безопасности».

Жесткой цензуре подвергались и цели общественного объединения, которые не должны были содержать расплывчатых формулировок. По мнению властей, подобная неопределенность в будущем могла направить деятельность организации в русло политической борьбы.

Но даже успешное прохождение всех цензурных препонов первого этапа не гарантировало обществу утверждение его устава. Власти, желая перестраховаться, старались найти различные неточности в уставе организации. Малейшие несоответствия требованиям типовых уставов и «Временных правил» приводили к переделыванию документов и могли вызвать отказ в регистрации объединения.

Еще одним направлением взаимодействия местной власти и общественных объединений был текущий контроль администрации за деятельностью последних. Главную роль в этом играл губернатор. В арсенал контролирующих средств входили ежегодные отчеты обществ перед губернатором и Министерством внутренних дел, регулярно посылаемые властям извещения о заседаниях обществ, а также прошения на каждое проводимое массовое мероприятие (будь то лекция, народные чтения, спектакль, балы, вечера и пр.). В зону особого внимания попадали общества «неблагонадежные», выходящие в своей деятельности за рамки устава и требований, предъявляемых администрацией. Современник И. Блинов в своем историко-юридическом очерке «Губернаторы» (СПб, 1905 г.) отмечал, что в данной области у губернатора было широкое поле для произвола: «во-первых, потому, что понятие неблагонадежности абсолютно не определено – все зависит от точки зрения губернатора и во-вторых, потому, что право не разрешить по неблагонадежности – есть абсолютное (дискреционное), которое по существу не может быть обжаловано» [7]. Наибольшую подозрительность в этом смысле вызывали организации, ставившие целью просветительскую работу среди масс. Так, 21 мая 1908 года рязанский губернатор В. Левашов посылает уездным исправникам Рязанской губернии и полицмейстеру Рязани следующие предписания: «Ввиду полученных мною сведений о том, что в последнее время некоторые из просветительских обществ и, особенности «Общество народных университетов» направляет свою деятельность в сторону политической агитации и пропаганды, предлагаю местным исправникам и полицмейстеру иметь строгое наблюдение за деятельностью существующих во вверенных им районах просветительных обществ разных наименований» [8]. Кроме того, власти периодически требовали у правлений обществ характеристики на вызывавших подозрения членов

Если деятельность общественной организации или ее учреждений приобретала политический характер, губернатор настаивал на закрытии подобного объединения. Такая участь постигла, например, клуб Общества торговых служащих, на базе которого развернули революционную пропаганду рязанские социал-демократы. В библиотеке клуба можно было получить нелегальную литературу, в частности «Манифест Коммунистической партии». Эта организация пользовался популярностью у рабочих и городской молодежи. Вскоре попав под подозрение полиции, клуб подвергся обыску, и из него было изъято около 100 запрещенных изданий. В 1908 году он был окончательно закрыт как учреждение, «угрожающее общественному спокойствию города и оказывающее вредное влияние в политическом отношении на учащуюся молодежь» [9].

Тем не менее, некоторые общественные организации иногда даже пользовались поддержкой местной власти, получали от нее финансовую помощь. К числу наиболее приоритетных направлений социальной активности рязанская администрация относила науку и благотворительность – сферы, в которых в силу слабых действий государства самодеятельная инициатива была особенно полезной и, что важно, она редко приобретала здесь оппозиционную направленность. Большинство объединений этого профиля даже в периоды накала политической жизни не выходили в своей деятельности за рамки целей, указанных в уставе.

Особую роль в создании благоприятной атмосферы для развития общественной инициативы играла личность самого губернатора, его характер и мировоззрение. Период с конца 19 — начала 20 веков пришелся на правление Н.С. Брянчанинова, крупного общественного деятеля и мецената. Будучи человеком добрым и сострадательным, Николай Семенович посвятил свою жизнь благотворительной деятельности и добился в этой области таких успехов, каких не смог достичь ни один из его преемников на губернаторском посту. Его стараниями были открыты комитеты Общества Красного Креста в Пронске и Касимове и женская гимназия в Рязани, возобновила свою работу Община сестер милосердия, был организован работный дом для бедняков города, открыли свои действия «Рязанское общество исправительных приютов и колоний» и Приют для нищенствующих девочек. Как отмечали современники Брянчанинова: «В благотворительную деятельность Николай Семенович всегда искренне и бескорыстно вкладывал свою душу» [10]. Заслуги

губернатора в социокультурной сфере подчеркивала и Рязанская ученая архивная комиссия, которая приняла его в свои ряды в качестве почетного члена. В 1904 году, когда закончился срок службы Брянчанинова в Рязани, РУАК устроила ему торжественные проводы, сопровождавшиеся вручением благодарственного адреса. В отчете РУАК за 1904 год содержалось: «Следует указать на тяжелую утрату, понесенную Комиссией по случаю оставления г. Рязани Н.С. Брянчаниновым. В звании Непременного Попечителя Комиссии Николай Семенович в течение многих лет оказывал ей громадные услуги постоянным покровительством всем ее начинаниям и вообще отзывчивым отношением к ее задачам и деятельности» [11].

Последующие губернаторы не вызвали к себе такого уважения и любви со стороны рязанской интеллигенции. Более того, известный своей беспринципностью губернатор В.А. Левашов был замешан в потакательстве коррупции и нарушении гражданских прав, законность его действий не раз подвергалась сомнению Министерством внутренних дел. По мнению исследователей, он «довел губернскую администрацию Рязани почти до хаоса» [12]. А его преемник А.Н. Оболенский обвинялся в превышении полномочий и давлении на представителей местных судебных органов. При таких послужных списках напрасно было бы ждать от них либерального диалога с общественностью. Тем не менее, их отношение к рязанским общественным организациям было скорее настороженным, чем откровенно враждебным. Стремясь застраховать себя от возможности выхода общественной инициативы из-под контроля, губернаторы в тоже время осознавали выгодность работы добровольных объединений в таких сферах, где их собственная служебная деятельность не всегда была эффективной — благотворительности и социальном попечительстве.

Несмотря на противоречивость в отношении местной власти к добровольным объединениям, возросшая роль последних в жизни рязанцев на рубеже XIX-XX веков заставляла чиновников считаться с существованием этого социального института и нередко сотрудничать с ним в деле развития губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Ануфриев, Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России [Текст] // Вопросы административного права. Кн. 1.— М., 1916. — С.27—28.

[2] Там же. — С. 28.

[3] См.: Lindenmeyr A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh. 1990. p. 37.

[4] Ануфриев, Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России [Текст] // Вопросы административного права. Кн. 1.— М., 1916. — С.34.

[5] Lindenmeyr, A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh. 1990. p. 38.

[6] См.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917 годов [Текст] — Л., 1984. — С.381—383.

[7] Блинов, И. Губернаторы. Историко-юридический очерк [Текст] — СПб., 1905. — С. 326.

[8] ГАРО. — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 4838. — Л. 4.

[9] Сторожева, А. Разгромили клуб [Текст] : Приокская правда. — 1990, — 8 декабря. — С. 3.

[10] Проводы бывшего губернатора, сенатора Н.С. Брянчанинова [Текст] //Календарь Рязанской губернии на 1905 год. — Рязань, 1905. — С. 75.

[11] Оставление г. Рязани Н.С. Брянчаниновым [Текст] // ТРУАК. — Рязань,1905. — № 3. — С. 320.

[12] Роббинс, Р. Наместник и слуга [Текст] // Отечественная история. — 1993. — № 1. — С. 210.

О.А. Чуркина

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП В СКЛАДЫВАНИИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Вторая мировая война носила коалиционный характер. Блоку агрессоров во главе с Германией, Италией и Японией противостояла антигитлеровская коалиция, союз го-сударств и народов, объединивших усилия в борьбе с фашист-скими агрессорами. Ядром коалиции, главной силой Большого союза были Великобритания, СССР и США.

Чуркина Ольга Александровна,
аспирантка кафедры всеобщей истории РГУ им. С.А. Есенина

Важным этапом в формировании антигитлеровской коалиции явилось подписание Ат-лантической хартии. В августе 1941 года состоялась конферен-ция президента США Рузвельта и премьер-министра Англии Черчилля, в которой приняли участие их политические и во-енные советники. Встреча проходила с 9 по 12 августа на английских и американских судах, прибывших в бухту Арджентия (остров Ньюфаундленд).

В ходе конференции американский президент высказал желание опубликовать документ, содержащий общие принципы, которыми руководствуются США и Великобритания во время войны. В процессе выработки документа между Рузвельтом и Черчиллем выявились существенные разногласия. Так, Рузвельт, который потом с таким энтузиазмом стал поддерживать идею создания ООН, не соглашался включать в документ упоминание о намерении создать после войны международную организацию для поддержания мира: печальный опыт Лиги Наций создал прочное предубеждение в американском общественном мнении против подобных институтов. После интенсивных переговоров был достигнут компромисс. Так появилась Атлантическая хартия, принятая союз-никами 14 августа и «ставшая одним из основных документов формирующейся антигитлеровс-кой коалиции» [1].

В Атлантической хартии союзники наметили главную цель для всех государств, вы-нужденных вести войну против гитлеровской Германии. Она состояла в том, чтобы добиться скорейшего и решительного раз-грома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все силы и средства, определить самые эффективные способы и методы их осуществления [2].

Не менее важными в Атлантической хартии были следующие принципы. США и Англия не стремятся к территориальным или иным приобретениям, не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов. Президент США и премьер-министр Англии подчеркнули, что они уважают право всех народов избирать себе форму правления, стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые лишены этого насильственным путем. Союзники, говорилось в документе, будут стремиться обес-

печить всем странам доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, добиваться плодотворного сотрудничества всех стран в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение. После окончательного уничтожения нацистской тирании, говорилось в хартии, Англия и США надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы всю свою жизнь не знать ни страха, ни нужды. Послевоенный мир, указывалось далее, должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам. Государства мира должны отказаться от применения силы, а те «государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией», должны быть разоружены «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности» [3].

Таким образом, в Атлантической хартии нашел отражение ряд прогрессивных, демократических принципов послевоенного устройства мира. Это явилось положительным моментом в международных отношениях и дипломатической истории военного времени. Но в то же время в документе не было конкретно сказано о судьбе колониальных и подмандатных территорий после войны. Участвовавший в выработке хартии и исполнявший обязанности государственного секретаря С. Уэллес писал, что, «уезжая из Вашингтона на Атлантическую конференцию, Рузвельт намеревался опубликовать совместную англо-американскую декларацию, которая дала бы надежду порабощенным народам мира» [4]. Это намерение президента США не было полностью осуществлено. После согласования текста хартии с Рузвельтом Черчилль информировал свое правительство, что хартия представляет собой лишь «временное и частичное заявление о целях войны, предназначенное для того, чтобы убедить все страны в наших справедливых целях, а не завершенную схему, которую мы должны осуществить после победы» [5].

Среди исследователей существует мнение, что одной из целей США на Атлантической конференции было «связать» Англию в ее внешней политике в части, касающейся послевоенного мирного урегулирования, заставить английское правительство ничего не предпринимать в этой области без согласования с правительством США [6].

Первоначальный проект Атлантической хартии Рузвельт поручил готовить исполнявшему обязанности государственного секретаря С. Уэллесу. Потом к этому делу был привлечен заместитель министра иностранных дел Англии Кадоган. Подготовка началась с того, что Уэллес осведомился у Кадогана, не связала ли уже Англия себя какими-либо обязательствами перед другими странами относительно послевоенного мирного урегулирования. Кадоган заверил его, что подобных обязательств Англия на себя не брала. Тогда Уэллес многозначительно пояснил, что интересуется этим вопросом, поскольку «Соединенные Штаты имеют самое прямое отношение к будущей победе Англии в войне». Кадоган ответил, что он «полностью учитывает этот факт и что мистер Черчилль постоянно имеет его в виду» [7]. «В то время,— пишет Макнейл,— Англия зависела от продукции промышленности Соединенных Штатов, и американские официальные лица получили возможность осуществлять потенциальное вето в отношении политики английского правительства» [8].

Англо-американские противоречия на конференции проявились не только в борьбе за ведущую роль в будущем послевоенном мирном урегулировании. Включение в хартию давних требований США, таких, как принципы «свободы морей», «равных возможностей в отношении торговли и сырья», вызвало энергичные возражения Черчилля. В конечном счете, в текст хартии были внесены оговорки, что эти принципы должны осуществляться с соблюдением существующих обязательств. Это дало возможность Рузвельту и Черчиллю выступить с согласованной декларацией, но не сняло противоречий между двумя странами.

Характер стоявших на повестке дня конференции вопросов был таков, что их следовало обсуждать совместно с СССР.

На конференции был затронут вопрос о поставках вооружений Советскому Сою-

зу. 15 августа Рузвельт и Черчилль заслушали сообщение вернувшегося из Москвы Гопкинса. Практическим результатом обсуждения стало совместное послание Рузвельта и Черчилля И.В. Сталину, полученное 15 августа, в котором они предложили созвать в Москве совещание для обсуждения вопроса «о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению» [9]. Как видно, руководители США и Англии начали более реально оценивать роль СССР в войне с Германией. Советское правительство согласилось на созыв предложенной США и Англией конференции представителей трех держав в Москве.

24 сентября 1941 года на Межсоюзной конференции в Лондоне с участием представителей СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и Свободной Франции посол СССР в Англии И.М. Майский огласил декларацию Советского правительства, в которой оно выражало согласие с основными принципами Атлантической хартии. Одновременно Советское правительство заявило, что практическое применение этих принципов «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [10]. В советской декларации выдвигалась программа антифашистской коалиции, отвечавшая освободительному характеру войны против фашизма. В декларации указывалось, что задача народов состоит в скорейшем и решительном разгроме Германии и ее союзников и создании такого послевоенного устройства мира, чтобы будущие поколения были избавлены от преступного нацизма. После победы над гитлеризмом должны быть заложены основы отношений международного сотрудничества и дружбы, отвечающих желаниям свободолюбивых народов. Декларация провозглашала принципы уважения суверенных прав народов и самоопределения наций, права каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, на установление такого общественного строя и избрание такой формы правления, какие он считает целесообразным. Советский Союз высказался за коллективные действия против агрессоров, за разоружение, за мирные и добрососедские отношения со всеми странами, за помощь жертвам агрессии.

Таким образом, подписание Атлантической хартии можно рассматривать как шаг вперед в создании и укреплении антигитлеровской коалиции, в согласовании общих задач всех стран, участвовавших в войне против фашистских агрессоров. Хартия стала одним из основных программных документов антигитлеровской коалиции. Она была сформулирована в демократическом духе. Великобритания и США обещали добиваться восстановления суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем. Союзники заявили, что после окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира. Важной целью было разоружить агрессоров и создать неделимую систему всеобщей безопасности. Для выполнения этих взаимных обязательств предлагалось три формы сотрудничества государств коалиции:

1) военная,

2) материальная помощь,

3) политическая.

В заключение можно отметить, что Атлантическая хартия сыграла важную роль в развитии отношений между странами антигитлеровской коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны [Текст] — М., 1944. Т. 1. — С. 147—148.

[2] Там же. — С. 148.

[3] Там же.

[4] Russel, R. B. A history of the United Nations Charter. The Role of the United States 1940—1945. Washington, 1958. P. 37.

[5] Ibid. P. 40.

[6] Ibid. P. 40.

[7] Ibid. P. 41.

[8] McNeil, W. America, Britain and Russia / Their Cooperation and Conflict. 1941 – 1946. London, 1953. P. 34 – 35.

[9] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. — М., 1986. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). — С. 9 – 10.

[10] Там же. — С. 11.

VI. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Е.Л. Громова

СССР В СЕРЕДИНЕ 50-х – НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ (МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ)

Период 50-х – начала 60-х годов является одним из переломных этапов в истории Советского государства, временем перемен и потенциальных возможностей обновления. Общество реально ощутило потребность в самопознании, преодолении иллюзий в оценке своего пройденного пути. Преобразования этой эпохи и были объективно, субъективно направлены на ослабление административно-командной системы.

Громова Елена Леонидовна
кандидат исторических наук, доцент РГУ им. С.А. Есенина

События, проблемы, тенденции развития советского общества данного периода получили достаточно широкое освещение в исторических исследованиях, публицистике, мемуарной литературе. Все это дает возможность попытаться непредвзято, через призму времени взглянуть на эпоху, получившую в истории скорее литературное, чем научное определение «оттепель», и осознать, что проводившиеся преобразования того времени повлияли на многие тенденции и аспекты общественного развития 90-х годов.

Для изучения этой темы предлагается следующий план занятий, рассчитанный на 2 часа.

1. Изменения в общественно-политической жизни стра-ны после смерти И.В. Сталина.

2. Социально-экономичес-кое развитие советского государства в середине 50-х — начале 60-х годов. Противоречивость и непоследовательность реформаторского курса.

3. Приступая к изучению первого вопроса, можно выделить такие проблемы:

— борьба за власть после смерти Сталина и усиление позиций Н.С. Хрущева;

— политика десталинизации советского общества и поиск путей обновле-

ния общественно-политической жизни в СССР.

5 марта 1953 года умер Сталин. Его смерть завершила целую эпоху в истории страны и положила начало изменениям во многих сферах государственной и общественной жизни. Отсутствие легитимных механизмов передачи власти, которая около трех десятилетий находилась в руках диктатора, вызвало после его кончины затянувшийся кризис власти.

Рассматривая этот вопрос, важно обратить внимание на то, что кандидатуры «единственного наследника» у Сталина не было и не могло быть, так как он не был заинтересован в сильном преемнике, а довольствовался лишь окружением послушных исполнителей, не доверявших друг другу. После смерти вождя соперничество между ними резко обострилось, но получить единоличную власть никто из его сподвижников не мог. Вместе с тем круг претендентов на власть свелся к трем личностям. Ими являлись: Г.М. Маленков – Председатель Совета Министров, Л.П. Берия – глава объединенного Министерства внутренних дел, Н.С. Хрущев – секретарь ЦК КПСС (Для более четкого понимания происходивших событий студентам рекомендуется познакомиться с биографическими данными и историческими оценками этих политических деятелей).

Несмотря на то, что в марте 1953 года на Пленуме ЦК КПСС был провозглашен компромиссный курс на коллективное руководство, борьба за власть продолжалась и в последующее время.

В этой связи можно выделить определенные этапы этой борьбы и ее особенности. На первом из них (март – июль 1953 года) ключевые позиции в руководстве страны пытался занять Берия, сосредоточив в своих руках огромную власть. Возглавляя объединенное Министерство внутренних дел и Министерство госбезопасности, он одновременно являлся и первым заместителем председателя Совета Министров СССР. Предложенная им достаточно радикальная программа по изменению ряда аспектов государственной политики, направленная на ограничение партийного руководства и усиление роли силовых и государственных структур, испугала партийно-государственный аппарат. Кроме этого, Берия действовал достаточно независимо от сподвижников.

Все это заставило сплотиться против него партийную верхушку во главе с Н.С. Хрущевым. В результате заговора Берия был арестован, обвинен в государственной измене и попытке захвата власти, объявлен врагом народа и приговорен Верховным Судом СССР к расстрелу в декабре 1953 года. Однако события рассматриваются как весьма запутанные, не имеющие достоверных документальных обоснований. Несомненно одно: шла ожесточенная борьба за власть.

Второй этап этой борьбы (лето 1953 г. – февраль 1955 г.) характеризовался соперничеством Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева, который к этому времени укрепил свои позиции, став Первым секретарем ЦК КПСС. Попытки Маленкова к некоторому разделению функций между государственной и партийной властью со смещением ее приоритета в сторону правительства вызвало сопротивление партийного аппарата. Усилив свою роль в государственной и общественной жизни в результате ослабления статуса силовых и репрессивных структур, партаппарат фактически уже подчинил себе все нити управления. На этом фоне приоритет Хрущева в борьбе за власть был предопределен. В феврале 1955 года Г.М. Маленков был смещен с поста председателя Совмина и назначен на незначительную должность министра электростанций.

Хотя в результате этих перестановок Н.С. Хрущев и не занял пост главы правительства, его положение еще больше укрепилось.

Третий виток борьбы за власть (февраль 1955 г. – март 1958 г.) происходил уже в новых условиях и вылился не только в личностное противостояние, а в соперничество реформаторского и консервативного направлений. Н.С. Хрущеву и его сторонникам пришлось вести борьбу за сохранение власти с «объединенной оппозицией» во главе с Маленковым, Молотовым, Кагановичем, составлявшей большинство в Президиуме ЦК. Попытка сместить Хрущева с занимаемого поста не удалась. Поддержанный значительной

частью обновленного им партийного аппарата, он не только удержался у власти, но и избавился от своих оппонентов. Они были названы антипартийной группой, выведены из состава ЦК и направлены на работу за пределами Москвы.

Лишившись оппозиции, Н.С. Хрущев усилил личную власть совмещением постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, став на определенное время единоличным лидером.

Однако это была не только личная победа Хрущева, это было и усиление реформаторских тенденций и в советском обществе, и в государственном курсе.

Раскрывая данный вопрос, необходимо понять, что политика, направленная на оздоровление обстановки в стране, восстановление правопорядка и ослабление репрессивного курса началась уже вскоре после смерти Сталина. В 1954 – 1955 годах были реабилитированы жертвы «ленинградского дела», Еврейского антифашистского комитета, арестованные после войны военачальники, положено начало пересмотру политических обвинений 30-х годов. Шел процесс смены персонального состава силовых структур. К 1956 году только военной коллегией Верховного суда СССР было реабилитировано около 3 тысяч человек. Из тюрем и лагерей вышли десятки тысяч человек.

Процессы перемен коснулись и самой правящей партии. После длительного перерыва стали регулярно собираться съезды КПСС и пленумы ЦК, повысилась активность рядовых коммунистов.

Вместе с тем изменения в обществе шли не так быстро, как хотелось бы. Для большинства людей они были почти незаметны. Еще оставалось давление авторитета Сталина, что сковывало развитие общественного сознания, общественной мысли. Его имя продолжало использоваться как самый важный аргумент в решении тех или иных проблем. Тем не менее, определенная часть партийного руководства уже осознавала необходимость переосмысления сути периода сталинского правления. Такое понятие, как «культ личности Сталина» впервые появилось в 1953 году в докладе Г.М. Маленкова на пленуме ЦК КПСС, но это были скорее кулуарные высказывания. Более глубоко критика личности Сталина, методов его руководства, разоблачение политических фальсификаций того времени и политика десталинизации советского общества, несомненно, связываются в истории с именем Н.С. Хрущева.

Анализируя достаточно сложный вопрос о преодолении культа личности Сталина и процессах десталинизации, студенты должны осмыслить характер эпохи, суть общественного сознания масс, содержание стоящих перед обществом задач. Правильному пониманию данных проблем может помочь знакомство с рядом политических документов, научных, публицистических работ. При этом личность Сталина и его политический курс необходимо рассматривать в контексте его времени. Видный российский философ и историк Д.А. Волкогонов подчеркивал, что «история этой личности как в фокусе высвечивает сложнейшую диалектику своей эпохи».

Перед студентами целесообразно поставить вопросы о корнях и сути сталинизма как исторического явления, выделяя ряд его главных причин:

— узурпация власти в партии и государстве и ее оторванность от народа;
— создание административной системы власти;
— отказ от демократических основ развития общества, установление перманентного террора, направленного против народа и любого инакомыслия, полное пренебрежение к человеческим ценностям.

Раскрывая поставленные вопросы, важно обратить внимание на достаточно значительное событие того времени – XX съезд КПСС. При этом следует иметь в виду, что в условиях однопартийной системы, где КПСС была основной политической и правящей партией, ее решения, постановления, директивы являлись основополагающими и отражали сущность государственной политики во всех сферах жизни. В этом плане изучение материалов съезда представляет особый интерес.

Именно XX съезд свидетельствовал об изменении обстановки в стране. Именно на нем было положено реальное начало десталинизации общественного сознания и осво-

бождению от мифов и наследия сталинизма. XX съезд провозгласил курс на реформы советского общества и изменение внешней политики СССР.

Кульминационным моментом в работе съезда стало выступление Н.С. Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях», который сразу же был засекречен и появился в открытой печати только в конце 80-х годов.

Познакомившись с этим документом и специальным постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствии» от 30 июня 1956 года, студенты могут объяснить, почему стало возможным в истории советского государства такое явление, как культ личности, почему процесс развенчания сталинизма в массовом сознании населения оказался не столь однозначным и простым.

При этом следует иметь в виду, что оценки данного явления в понимании и самого Н.С. Хрущева были двойственными и противоречивыми. Он оставался пленником своего времени. Критикуя Сталина за узурпацию власти, за ошибки, просчеты, жестокость в управлении государством, Хрущев не смог подняться до осмысления генезиса сталинизма и осознания порочности идей казарменного социализма и административно-командной системы. И это неслучайно: он принадлежал к тому поколению правящей верхушки, которая сформировалась в результате политических взглядов, кадровых перестановок 20 - 30-х годов в условиях жесткого режима власти и сама унаследовала ее основные черты.

Таким образом, разоблачение сталинизма осуществлялось в рамках прежней политической системы и идеологии и поэтому не только не затрагивало сущности самой системы, но и в определенной степени скрывало ее реальную суть. Вместе с тем перемены, происходившие в обществе, давали импульс ряду демократических преобразований. Однако они во многом были половинчатыми и непоследовательными, хотя и коснулись сфер жизни советского общества и государственного строительства:

— на места из центра передавалась часть законодательных функций;

— активно шел процесс реабилитации жертв сталинизма, в том числе были реабилитированы целые народы, такие как чеченский, ингушский, калмыкский, карачаевский, балкарский народы, восстановлены их автономии.

— предпринимались попытки усиления роли Советов, профсоюзов, молодежных организаций.

Новые веяния стали наблюдаться и в духовной жизни страны – в литературе, искусстве. Заметным явлением этих лет стало издание сборника стихов М. Цветаевой, повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Оплотом демократических тенденций стал журнал «Новый мир» во главе с А. Твардовским. Но все эти явления не носили глобального характера и были незаконченными и противоречивыми. Все это накладывало негативный отпечаток на весь реформаторский курс.

Студентам можно предложить самим привести примеры половинчатости и декларативности проводившихся преобразований.

Следует также обратить внимание на противоречивый характер деятельности и самого Н.С. Хрущева. Устранив оппозицию и стремясь овладеть настроением масс, он стал заложником собственного популизма и ожидания населения скорого социального благополучия. Однако к середине 60-х годов был достигнут предел перемен в рамках существовавшей системы власти и идеологии. Перейти на новый качественный рубеж развития общества и государства Н.С. Хрущеву было явно не под силу, и в связи с личными идейно-политическими убеждениями, и в связи с конфликтом с партийно-государственным аппаратом.

В октябре 1964 года Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. С его уходом фактически закончился период «оттепели» и демократических иллюзий.

Раскрывая содержание второго вопроса темы, следует уяснить, что поворот в политической жизни страны после сталинского периода сопровождался выработкой нового экономического курса и активизацией дискуссии по данной проблеме. При этом важно подчеркнуть, что к началу 50-х годов восстановительный период в СССР закончился. За

эти годы был создан достаточный инвестиционный и научный потенциал, позволивший в дальнейшем обеспечить высокие темпы экономического роста на весь период 50-х годов. Вместе с тем становилась очевидной необходимость проведения реформ. Предполагалось придать экономическому курсу определенную социальную направленность.

Анализируя стоящие государственные задачи, можно поставить перед студентами ряд вопросов:

1. В чем была суть планируемых экономических преобразований?

2. Почему в государственной программе реформ особое место отводилось развитию сельского хозяйства?

3. Какие новые проблемы встали перед промышленным производством и механизмом хозяйствования в целом?

Отвечая на поставленные вопросы, следует указать, что впервые в развитии народного хозяйства СССР приоритет отдавался легкой промышленности и сельскому хозяйству, тогда как ранее перераспределение средств из этих отраслей шло в пользу тяжелой промышленности. Так, например, промышленность группы А в 1950 году выросла по сравнению с 1940 годом в 2 раза, а промышленность группы Б – на 22 процента. Валовая продукция сельского хозяйства составила лишь 99 процентов от показателей 1940 года.

Обращая внимание на серьезные проблемы и трудности в сельском хозяйстве, важно объяснить их причины, как объективные (тяжелые последствия войны, недостаточное техническое обеспечение колхозов и совхозов, нехватка квалифицированных кадров), так и субъективные (недостатки в руководстве этой отраслью, нарушение принципа материальной заинтересованности, бюрократический диктат).

Выход сельского хозяйства из кризиса предполагала аграрная программа 1953 года. В ней выдвигалась задача повышения урожайности на основе интенсификации производства, упор делался на повышение материальной заинтересованности колхозников, снижение налогового бремени, ослабление административного диктата, увеличение капиталовложений.

Реализация этого курса дала ощутимые результаты уже в течение первых лет. За период 1954–1958 годов валовая продукция выросла по сравнению с прошедшим пятилетием на 35 процентов. Значительно увеличилось количество продукции с личных подсобных хозяйств, что обеспечило 53 процента прироста мяса, 35–38 процентов прироста картофеля и молока на потребительском рынке.

Однако просчеты в руководстве этой отраслью народного хозяйства привели уже к 1959–1960 годам к серьезному спаду.

Волевые решения, ошибки в планировании, финансировании, недостатки в политике цен на сельхозпродукцию определили правительственный курс, получивший в истории название субъективизма и волюнтаризма.

Студентам рекомендуется объяснить значение этих понятий, показать негативное влияние на сельское хозяйство, таких директивных кампаний, как непродуманное повсеместное увеличение посевов кукурузы, сверхпрограммы по сдаче государству продукции животноводства, сокращение личных подсобных хозяйств.

Самостоятельного освещения требует вопрос о положении дел в промышленном производстве в середине 50 - 60-х годов. Важно отметить, что этот период считается самым удачным для советской экономики с точки зрения и темпов роста, и эффективности общественного производства, что во многом должно было способствовать удачному проведению реформ. Тем не менее, реформаторский путь оказался достаточно сложным и противоречивым.

Следует подчеркнуть, что намеченный в 1953 году социальный аспект промышленного развития ассоциировался с именем Председателя Совмина СССР Г.М. Маленкова. С его отставкой этот курс подвергся резкой критике со стороны укреплявшего свои позиции Н.С. Хрущева и фактически был переориентирован на прежние приоритеты. На рубеже 50–60 годов почти ¾ общего объема выпускаемой промышленной продукции приходилось на долю группы А, а ее ведущие отрасли в 5 раз увеличили свои объемы.

Здесь были и высокие достижения – в первую очередь, в области освоения космоса, энергетики, в системе военно-промышленного комплекса и ряде других отраслей. Однако социальная направленность промышленного производства была недостаточной. Потребительский рынок не получал в должном количестве качественных и необходимых товаров для народа.

Серьезной проблемой для промышленности того времени уже становился экстенсивный характер развития советской экономики, ее определенная неповоротливость, директивное, бюрократическое управление. Все это требовало глубоких, неординарных преобразований. Значительную роль в решении возникших задач могло сыграть внедрение в массовое производство достижений научно-технической революции, что уже широко использовалось в мировой экономике.

Необходимость этого процесса осознавалась и в СССР. О возрастающей роли научно-технического прогресса в советской экономике указывалось в большинстве партийно-государственных документов того времени. Однако сущность НТР, ее значение понималось руководством страны достаточно упрощенно: как рывок в определенном направлении, как увеличение объема производства основных видов продукции, а заявления о внедрении научно-технического прогресса часто носили декларативный характер. Между тем, существовавший хозяйственный механизм, выработавшаяся практика планирования сдерживали техническое перевооружение производства и заинтересованность в этом предприятий.

Новые тенденции в развитии экономики не сочетались со старыми формами функционирования хозяйственной системы. В этой связи важно обратить внимание на попытки проведения ряда административных реформ, понять их суть, просчеты, недостатки, противоречивость.

После первого этапа реорганизации управленческого аппарата в 1954 году последовал еще ряд преобразований в государственной системе управления. Наиболее значительной среди них была перестройка системы управления промышленностью и строительством по территориальному признаку и создание Советов народного хозяйства (Совнархозов) на местах.

Подобными решениями правительство стремилось сократить численность бюрократического аппарата и усилить хозяйственный потенциал регионов.

Однако и эта реформа имела ограниченный административный характер и не вносила качественных изменений в условия хозяйствования.

В русле общей реорганизации верхнего эшелона управления можно рассматривать разделение партийных руководящих органов по производственному принципу, что также не дало какого-либо положительного результата.

Таким образом, расчет на эффект организационных перестроек без каких-либо глубинных преобразований политизированного социалистического механизма хозяйствования оказался несостоятельным. Падение темпов экономического роста с начала 60-х годов стало реальностью.

Анализ проблем экономического состояния СССР рекомендуется увязать с вопросом социальной политики советского государства в период 50-х – начала 60-х годов. Именно в это время происходят значительные изменения в социальной сфере, наблюдается реальное повышение жизненного уровня советских людей.

Рассматривая данные проблемы, студенты должны показать взаимосвязь в обществе экономических и социальных процессов, их влияние на демографические аспекты, социальную структуру, широко используя для этого статистические материалы.

К началу 60-х годов в СССР ценой огромных усилий был создан мощный индустриальный и научный потенциал. По данным ЮНЕСКО в 1960 году СССР делил второе-третье место в мире по интеллектуальному развитию страны.

Наметились сдвиги в материальной обеспеченности граждан: увеличилась зарплата, совершенствовалась система пенсионного обеспечения, были отменены все виды платы за обучение, началось массовое жилищное строительство и газификация городов.

Вместе с этим не следует и преувеличивать достигнутые результаты социального курса. На рубеже 50–60 годов уже явно обозначились попытки правительства переложить возникшие трудности в экономике на плечи населения. Это вылилось в снижение тарифных расценок на производстве, в росте розничных цен, в недостатке продовольственных товаров.

Кроме этого, негативные явления коснулись и сферы межнациональных отношений. Здесь обнаружился ряд отрицательных тенденций: неравномерность социально-экономического развития республик и регионов, ощутимые различия социальной структуры, культурного потенциала. Все это в будущем привело к обострению многих национальных проблем и конфликтов.

Подводя итоги, необходимо сформулировать некоторые выводы.

Оценивая политическое и социально-экономическое состояние советского общества в 50-х – начале 60-х годов, необходимо отметить, что на данном этапе советская система обрела второе дыхание, но она уже не могла оставаться в своем первозданном виде на длительный исторический срок. Система нуждалась в коренной перестройке и обновлении, но использовала свой исторический шанс эволюционного развития, а частые смены курса, малорезультативные реформы сформировали в обществе социально-психологический комплекс усталости от преобразований и тягу к консервативной стабильности.

ИСТОЧНИКИ.

1. Материалы XX, XXII съездов КПСС (любое издание).

2. Хрущев, Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезд КПСС [Текст] // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3.

3. Аксютин, В. XX съезд КПСС: новации и догмы [Текст] / В. Аксютин, О. Волобуев — М., 1991.

4. Аджубей, А.И. Те десять лет [Текст] — М., 1989.

5. Бурлацкий, Ф. Вожди и советники. М., 1990.

6. Зубкова, Е.Ю. «Оттепель»: общество, реформы и власть [Текст] — М., 1998.

7. Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии [Текст] / Сост. Ю.В. Аксютин. — М., 1989.

8. Новейшая история Отечества. XX век. [Текст] / Т. 2. Под ред. Киселева А.Ф., Щагина Э.М. 2-е изд. — М., 2002.

9. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти 1945–1991 [Текст] — М., 1998.

10. Сивохина, Т.А. Апогей режима личной власти. «Оттепель». Поворот к неосталинизму. Общественно-политическая жизнь СССР в середине 40-х – 60-е гг. [Текст] / Т.А. Сивохина, М.Р. Зенина — М., 1993.

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Ю.В. Блудов

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА
(К 105-ЛЕТИЮ РЯЗАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА МАКАРОВА)

Творчество Ивана Макарова – порыв стремительный и трагический. Всего десятью годами исчисляется его путь в литературе, оборванный в 1937 году. Наследие писателя, собранное и опубликованное далеко не полностью, включает в себя романы «Стальные ребра», «Миша Курбатов», «Голубые поля», «Черная шаль», «Индия в крови», «Большой план», повести «Рейд Черного Жука», «Казачий хутор», «На земле мир», «Грунькино проклятье», «Гофмаляр Никитка», пьесу «Дезертир», рассказы, статьи, письма.

Блудов Юрий Вадимович,
начальник отдела Администрации города Рязани

Родился Иван Иванович Макаров 30 (17) октября 1900 года в семье безземельного крестьянина села Салтыки Ряжского уезда Рязанской губернии. Чтобы прокормить семью, отец занимался сапожным ремеслом. За связь с революционерами сидел в тюрьме, а его братья были большевиками. Все это наложило отпечаток на мировоззрение будущего писателя. В семье Макаровых любили книгу. Отец слыл человеком трудолюбивым и выделялся среди односельчан начитанностью, передовыми взглядами. Особенно его привлекало творчество Л.Н. Толстого. Макаров рос любознательным, живым ребенком, проявлял страстный интерес к книге. Будучи подростком, любил рассказывать млад-шим братьям Михаилу и Григорию сказки, созданные мальчишеской фантазией.

После окончания Салтыковской церковно-приходской школы Иван был зачислен на казенный кошт в Ряжскую уездную гимназию, куда его определили как способного ученика. Среди сверстников он выделялся эрудицией, широким кругозором. Товарищ по учебе А.В. Пономарев рассказывал, что «характер у него был вспыльчивый, натура – непоседливая. На

переменах был зачинщиком всех игр. В вопросах товарищеской чести был прям, справедлив и принципиален, при выяснении отношений пощады никогда не просил». Наверное, в силу этих черт характера, позже Макаров нередко подписывал свои произведения

псевдонимами «Буйный», «Иван Буйный». В 1919 году заканчивает 6,5 классов гимназии, которую после революции преобразовали в школу второй ступени. Большую роль в формировании литературных интересов и развитии способностей будущего писателя сыграла учительница литературы Н.И. Пушкарева.

Комсомолец с 1919 года, Ваня организатор ячейки РКСМ в родном селе, позднее – заведующий отделом Раненбургского укома РКСМ. Пятнадцать месяцев служил политруком территориального батальона и разведчиком в ЧОНе в 1920 – 1921 годах.

С 1922 по 1929 годы Макаров жил и работал в Рязани, исключая некоторые периоды 1926 – 1928 годов, когда он много ездил по стране, работал в Центральной России и в Сибири. В 1922 году он уже заведующий отделом губкомола. В числе 6 представителей губернии был делегатом VI Всероссийского съезда комсомола, первого съезда после смерти В.И. Ленина. Работает много, самозабвенно, с книгой не расстается, используя любую возможность для чтения и повышения своих знаний. Среднего роста, смуглый, с веселыми искрами в глазах. Одет в неизменную, видавшую виды гимнастерку, галифе, сапоги. Орган Рязанского губкома ВЛКСМ – газета «Путь молодежи» 16 февраля 1928 года писала: «Иван Макаров вырос в комсомоле, являлся пять созывов членом бюро губкома. Был заместителем секретаря, потел над версткой газеты «Клич молодежи». Там же напечатал свои первые рассказы «Сапоги и масло» (1922 г.), «Первое воскресение» (1923 г.). Пьесу «Дезертир» написал по комсомольскому заказу».

По установившейся в 20-е годы традиции комсомол ежегодно передавал в партию своих лучших активистов. Так было и в декабре 1924 года, когда X съезд Рязанского комсомола торжественно передал в распоряжение губкома партии и Ивана Макарова. Проработав некоторое время в Губпрофобре губернского отдела народного образования, он назначается директором землеустроительного техникума. В это время им уже написано несколько рассказов. Два из них – «Зуб за зуб» (1927 г.) и «Замолк бубен» (1929 г.) – получили премии на конкурсе журнала «Мир приключений». Однажды он рассказал одному из товарищей по работе в комсомоле Н.В. Орлову, как получил премию на этом конкурсе: «Попался мне в руки журнал, читаю – конкурс. Подумал: а что если послать рассказ «Зуб за зуб»? Решено! – глаза Макарова заблестели. – Жду и вдруг получаю пакет, в нем – третье место». Первый успех не вскружил голову, он продолжает много и упорно работать. В 1929 году в журнале «Молодая гвардия» был напечатан первый роман «Стальные ребра» о строительстве гидроэлектростанции в деревне. К автору из Рязани пришел большой успех. О нем заговорили в толстых журналах. За короткий срок при жизни писателя роман «Стальные ребра» издавался шесть раз. В 1936 году Гослитиздатом был издан роман «Миша Курбатов», где автор широко показал образ рабочего человека, строителя знаменитой Магнитки. О романе тепло отзывался А.М. Горький. Он пригласил автора к себе, и между ними состоялась беседа, оставившая в сердце Макарова неизгладимый след. Не все удавалось в нелегком труде писателя. Тогда Макаров работал с еще большим упорством и настойчивостью. В 1936 году написал новый роман «Голубые поля». Начиная работу над ним, уехал в деревню, чтобы быть ближе к земле, к людям, кто ее обрабатывал. Не по вине автора роман появился в журнале «Знамя» лишь в 1959 году, а затем был издан отдельной книгой в «Советском писателе».

Делегаты на VI съезде РКСМ (открылся в г. Москве 12.07.1924 г.)
от Рязанской губернской организации комсомола, избранные IX губернским съездом (1924 г.)
Слева направо: Троицкий С., Кудрявцев И., Солохин Л., Зоркий-Мунни (представитель ЦК РКСМ),
Потапов Н., Кочетков П., Деркачев И., Макаров И.

При активном участии Макарова возникла и Рязанская ассоциация пролетарских писателей, сыгравшая определенную роль в развитии литературного движения в губернии. В 1929 году состоялась ее первая окружная конференция. Почти вся организаторская работа по ее созыву и проведению легла на плечи Макарова. От Московской писательской организации приезжали известный поэт Алексей Сурков и прозаик Александр Исбах. В редкие часы отдыха Иван увлекался охотой, радуясь не столько трофеям, сколько живому общению с природой.

Находясь уже в Москве в 1929 году, Макаров в ходе партийной чистки был исключен из ВКП (б) за «бытовое разложение и пьянство», сам же писал, что «за мелкобуржуазные настроения». Позже подавал заявление в Московскую контрольную комиссию о восстановлении, но из-за упущенных сроков бумагу вернули без рассмотрения. Со сроками затянул из-за честолюбивой позиции, что «партия прокидается такими кусками, как я».

Начинающий литератор Г. Цыбизов вспоминал, что в 30-х годах на станции Ильинская Казанской железной дороги в доме Макарова вместе с его семьей жили «мать, приветливым добрым лицом схожая с ним, и отец, старик суровый и строптивый на вид. Последний с явным удовольствием рассказывал о своем старшеньком. Наверное, появление той или иной книги Ивана было для всей этой русской крестьянской семьи таким же большим и радостным событием, как рождение ребенка. Сам Иван Иванович был среднего роста, темнорус. В продолговатом разрезе глаз, чуть скошенных вверх, в смуглом, по-

монгольски скуластом лице было что-то притягательное, одновременно мудрое и радостное, просветленное. Запомнились мне его глаза. И дело не только в их монгольском очертании и цвете, но в их выражении – проницательном и бесконечно добром».

В 1936 году ГУГБ НКВД СССР проводилась «ликвидация террористической группы бывших членов ВКП (б) из среды писателей, непосредственно связанных с контрреволюционной организацией правых, ставящей перед собой цель – совершение террористического акта против вождя партии т. Сталина». Первыми «зацепили» писателей, которые еще в 1925 году были членами троцкистско – зиновьевской организации. После XIV партийного съезда, в связи с разгромом троцкистов, они якобы, стали враждебно относиться к ВКП (б) и, в особенности, к ее руководству. В ходе допросов литераторы быстро «признались» во всем. «Прорабатывались» многочисленные связи. Вот уже и Иван Макаров приобщен к активным участникам контрреволюционной террористической группы, вербовщик ее членов и, по указанию Бухарина, даже предполагаемого исполнителя покушения на Сталина – поэта Павла Васильева.

6 февраля 1937 года Макаров был арестован. В ходе обыска изъяли охотничье снаряжение и двухствольное ружье, рукописи произведений «Миша Курбатов», «Голубые поля», «Страстная москвичка», «Стакан», оригиналы произведений «Гофмаляр Никитка», «Векша», гранки «Черной шали», папку с рукописями рассказов, рукописи Сахарова, других авторов и пр.

На первых порах Макаров категорически отрицал ведение контрреволюционной деятельности. Однако, от допроса к допросу моральное и физическое давление карающей машины увеличивалось и он начал признавать то, что требовал следователь. В рассказах и романах отражал свои контрреволюционные взгляды, что *«город живет за счет мужика, жестокость политики партии в деревне приведет страну не к победе, а к вымиранию от голода. Партия оторвалась от масс, ведет политику на уничтожение чисто русского экономического уклада страны – единоличного хозяйства. Действует путем полицейского террора, превращая Россию в николаевскую казарму, удушая все живое. В СССР русская нация попирается, власть принадлежит евреям и другим национальностям, которые не заинтересованы в развитии русского народа. В литературе засилие людей, пресмыкающихся перед партией евреев, хозяйничающих в литературе. Сталин превратил партию в запуганное стадо, репрессируя всех мало-мальски несогласных с ним, и пока он является секретарем ЦК, невозможно изменение политики ВКП (б). К власти должен прийти Бухарин, т. к. он является ближайшим соратником Ленина, имеет глубокие корни в стране, он защитник интересов крестьянства. Его приход к власти коренным образом изменит положение в стране и Россия расцветет». И далее: «В 30-х годах я числился «углом» группы «Опора» по прозе, возглавляемой Острогорским. Его точку зрения – «протащить через цензуру» антисоветские высказывания и мысли, я держал в большинстве своих вещей. Так, в «Черной шали», образ страдалицы-крестьянки занял доминирующее значение, вызывая симпатии читателя к обездоленной деревне. А в романе «Миша Курбатов» критика законно указывает на смакование вредительства и черных сторон строительства. «Позолотить пилюлю, чтоб цензура не заметила» – контрреволюционный лозунг поэта В. Наседкина* (ред. журнала «Колхозник», муж сестры С. Есенина – Екатерины, расстрелян в 1937 г.)*, применялся на практике. В романе «Индия в крови» я фактически, под видом индусов, вывел русское крестьянство и его тяжелое, беспросветное существование. Поэту Павлу Васильеву я высказывал антисоветскую мысль: напиши поэму о раскулачивании, о Сталинской беспощадности и о гибели невинных крестьян, захваченных этой волною. Назови поэму «Иосиф Неистовый». П. Васильев сначала сказал: «Ты в ГПУ не сидел», а потом прибавил: «Это я могу». Итог: «Кость завоняет – пес найдет, так и я завонял антисоветской вонью и псы нашли меня».*

Решающую роль в судьбе И.И. Макарова сыграли «показания» таких же обвиняемых писателей и «свидетелей». Иван Иванович дружил с литератором Михаилом Яковлевичем Карповым. Зная, что он исключен из партии, помогал ему деньгами. Рассказал, что

в 1934 году *«пришел к нему в состоянии, близком к самоубийству. Говорил о Бухарине с положительной стороны, считал его крестьянским благодетелем. При нем не стали бы так травить писателя. Но особенно контрреволюционным был разговор в кафе – баре проезда 2-го МХАТа. За водкой и пивом меня спросили, как дела с романом «Голубые поля»? Я сказал, что боюсь, что ослабнет сюжет, а потому решил во второй части сделать покушение на кого-нибудь из вождей. Мне посоветовали – вали на Иосифа Виссарионовича. Лично я, из-за вина с пивом, подробностей не помню, Карпов пьет мало, был трезв и должен помнить лучше меня»*.

Обвиняемый М.Я. Карпов: «Знаком с Макаровым с 1929 года. Будучи редактором журнала «Земля Советская» пытался пропустить его роман «Большой план», заключающий в себе ряд откровенных контрреволюционных постановок вопроса, но эта попытка не удалась, т. к. в дело вмешался уполномоченный Главлита Струвило, который потребовал исключить из романа контрреволюционные главы и абзацы. Макаров говорил, что писатель, не находящийся в настоящий момент в оппозиции к ВКП (б), не может давать талантливые вещи. Кроме того, мне известны следующие его произведения, запрещенные к выпуску: сборник рассказов «Глухая кровь» – запрещен цензурой в 1931 году, т. к. в большинстве рассказов клеветнически обрисовано положение в СССР. В рассказе «Остров», коллективизация сельского хозяйства представлена несущей гибель крестьянам. «Индия в крови» – запрещена цензурой в 1931 году. Роман «Черная шаль» запрещен цензурой в 1934 году, прославляет антоновское восстание, олицетворяет законное недовольство крестьян Советской властью. Роман «Белье», написанный им по непосредственному указанию Бухарина, запрещен к выпуску в 1934 – 1935 годах. В этом романе ведется пропаганда и показ методов вредительства, организации террора против руководства. Со слов Макарова, при помощи Бухарина, в 1935 – 1936 годах он сумел обмануть цензуру и выпустить его. Правда, он его значительно переделал, вырезав 7 печатных листов, переделал конец, где все контрреволюционеры гибнут, и дал новое название «Миша Курбатов».

Близкая связь писателя – Павел Николаевич Васильев характеризовался как поэт, вышедший из народа, могущий представлять народный гнев против диктатуры Сталина. Арестовывался НКВД, находился в концлагере и поэтому якобы озлоблен против ВКП (б). Макаров не прекращал связи с П. Васильевым и оказывал ему материальную поддержку даже тогда, когда тот в 1935 году находился в заключении. Принял меры к его досрочному освобождению. Из материалов допроса обвиняемого Васильева П.Н.: «В контрреволюционном духе я обрабатывался писателями Макаровым Иваном, Наседкиным Василием и Приблудным Иваном, которые прививали мне ненависть к руководству ВКП (б) и совправительства. Летом 1936 года мы с Макаровым сидели за столиком в ресторане. Он прямо спросил меня: «Пашка, ты не струсишь пойти на совершение террористического акта против Сталина?». Я подленько, с готовностью ответил, что вообще никогда не трушу и у меня духу хватит. Я тогда не понял, что за этим разговором Макарова, как и за всеми его контрреволюционными проявлениями скрывался законченный террорист. Теперь я с ужасом вижу, что был на краю гибели и своим морально-бытовым и политическим разложением сделался хорошей приманкой для врагов, намеревавшихся толкнуть меня на подлое дело убийства наших вождей».

Другой участник «террористической группы» – писатель Иван Михайлович Васильев: «В контрреволюционную группу я был вовлечен писателем Иваном Макаровым, который был близко знаком с Бухариным. Еще в 1933 г. он был им принят в Техпроме НКТП и ему было поручено написать книгу о строительстве. Тогда же Бухарин дал Макарову значительную сумму денег. В 1935 г. Бухарин напечатал в «Известиях» рассказ Макарова «Стакан», политический смысл которого заключается в доказательстве преимуществ мелкого кустарного производства над индустриальными стандартами».

По иронии судьбы, под диктовку следователя свидетельствовал рязанский писатель Незлобин Николай Иванович: «Макарова знал с 1929 года, находился в хороших отношениях до 1932 года. Потом обнаружил, что Макаров является злобно антисоветским человеком и решил его избегать. Он заявлял, что в Советской действительности нет ниче-

го такого, что можно было бы охарактеризовать положительно. Нас заставляют хвалить Советский строй, но мы, писатели, не имеем права извращать действительность и должны показывать в своем творчестве положение в стране как оно есть. В фантастическом романе «Большой план» рисует Россию 1948 года и показывает к какой яме ее может привести неправильная политика ВКП (б). Как он говорил, в этом романе, в отрицательном виде под псевдонимами, выводятся и Сталин, и Ленин. В «Индии в крови» – читатель должен понять, что речь идет о Турксибе, строящемся на костях крестьян СССР. Для конспирации Макаров посвятил этот роман ответу Г. Уэллсу на его произведение «Россия во мгле». Летом 1935 г. идя по ул. Горького, заявил мне и Острогорскому (осужден как троцкист): «Скоро мы посадим Сталина на штыки, вернем Троцкого к власти и пойдем воевать. Ненависть его к вождям ВКП (б) подтверждает и следующий факт. Летом 1936 года я его встретил и на случайный вопрос в отношении Карпова он ответил: «А мы только что сидели с ним и разрабатывали план совершения покушения на кого-либо из вождей».

Затравленных и оболганных, сломленных моральными и физическими пытками «террористов» заставили опуститься на колени. Макаров, как и другие «подельники», признается во всех смертных грехах. Только самый молодой из них и, казалось, самый легкомысленный, в 1923 году пытавшийся завести роман с симпатизировавшей ему Екатериной Есениной, бывший ездовой тачанки 2-й черниговской дивизии Котовского, «приблудившийся» поэт Иван Приблудный (Яков Овчаренко), выдержит все. Он не признает себя виновным, ни на кого не даст показаний, откажется подписать обвинительное заключение, а на стене тюремной камеры начертит последний автограф: «Меня приговорили к вышке».

11 июня Макаров пишет заявление народному комиссару НКВД: *«Чтобы меня не ожидало, а я приготовился и к расстрелу, ибо сознаю черноту вчерашнего своего дня. Встретившись в тюрьме со шпионами, предателями из шкурников и только шкурников, полон ненависти к ним и единственное желание у меня сейчас – написать самую злую, беспощадную сатиру на эту мразь, чтобы все увидели и поняли, насколько контрреволюционеры потеряли всякое подобие человеческого облика. Природа дала мне самый ценный дар – талант писателя. Этот талант развивался в условиях Соввласти, враг столкнул меня и я упал. Помогите мне подняться, я не обману и не могу обмануть Советскую Родину»*.

«Процесс» по делу Макарова, под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха, состоялся 15 июля 1937 года и уложился всего в 20 минут, с 19 до 19.20. Отработанный сценарий: «тройка» военной коллегии Верховного Суда, нет ни участников обвинения и защиты, ни свидетелей. Макаров признает себя виновным, наивно полагая, что в обмен на это ему сохранят жизнь. В последнем слове предлагает палачам написать новый роман «Враги». Но это уже ничего не меняло. Процесс лишь формальность с заранее известным результатом. Приговор по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР – к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией имущества, окончательный и с немедленным исполнением. На следующий день его расстреляли. Приказом Главлита от 11.04.38 произведения Макарова были изъяты из библиотек общественного пользования и книготорговой сети.

Вместе с другими членами «контрреволюционной террористической группы» литераторов он захоронен на Донском кладбище в Москве. До родственников, как было принято в то время, подлинной информации о его судьбе не довели. Сообщили, что осужден на 10 лет и дальние лагеря без права переписки. У него остались жена, бывшая дворянка – Вера Васильевна Вонлярлярская и родившийся в 1926 году сын Январь. Вера Васильевна повторила судьбу жен «врагов народа»: через год она также была арестована и, по решению Особого Совещания НКВД СССР от 21 марта 1938 года, провела 5 лет заключения в ИТЛ. Сын Макарова пошел добровольцем на фронт, когда ему еще не было семнадцати лет. Он словно повторил юность своего отца, который ушел на гражданскую войну воевать с белыми. Погиб молодой Макаров смертью храбрых в самом конце вой-

ны, 7 апреля 1945 года, при взятии Кенигсберга. У родных сохранилась маленькая пожелтевшая фотография Января Ивановича в форме лейтенанта-артиллериста, которую он прислал им за несколько дней до своей гибели. На обороте лишь одно слово: «Берегите»…

Когда вы идете по улице Ленина в Рязани, обратите внимание на дом № 38. До революции в этом здании размещалась частная гимназия Зелятрова. Для всех рязанцев этот дом должен стать памятным тем, что в нем в 20-х годах прошлого века жил замечательный советский писатель Иван Макаров. По воспоминаниям Н.В. Орлова, «в этом здании Ивану Ивановичу принадлежала большая, почти квадратная комната с письменным столом в углу. Сюда любила заглядывать рабселькоровская молодежь, пробующая свои творческие силы. Здесь часто, при одобрении хозяина, возникали жаркие споры о литературе, книгах. Макаров любил общение с людьми. Он, как говорят, всегда был на народе. Память хранит живое, подвижное лицо писателя, шапку каштановых волос, скупые жесты. Он радовался, если ему удавалось поговорить, обнадежить начинающего рабкора, поэта. Оптимист с озорными глазами».

В предисловии к книге «Казачий хутор» Аркадий Первенцев так характеризует Макарова: «Хороший он был человек! Отличный! Мимо него нельзя было пройти и не заметить его. Примерно таким же был по рассказам Есенин, похожим (я знал его) был поэт Павел Васильев. Я имею в виду внешний, запоминающийся, привлекательный облик. Но по своему духовному наполнению, по своей зрелости мужества, по энергии, трудоспособности Макаров в какой-то части превосходил даже этих прекрасных творцов. Макаров был боец, кавалерист, ему ничто не было безразлично. Слава селу Салтыки и матери Вани Макарова!»

Книги Макарова долгие годы незаслуженно замалчивались и не переиздавались. В июле 1956 года, по ходатайству жены, дело за отсутствием состава преступления было прекращено. В своем письме на имя первого заместителя Председателя Совета Министров СССР В.М. Молотова она писала: «Хорошо зная Макарова, я могу сказать, что он глубоко любил свою Родину, верил в могучие силы нашего народа, был настоящим советским патриотом, что и отразилось в его творчестве. Он был безусловно талантливым писателем. Общеизвестно, что А.М. Горький очень высоко ценил талант Ив. Макарова, привлек его к работе в журнале «Колхозник» и постоянно печатал в нем его произведения». Хорошие отзывы о Макарове в Главную военную прокуратуру представили поэт М. Исаковский и писатель Н. Гильярди.

После реабилитации произведения Макарова снова начали возвращаться к читателю. Начиная с 1959 года, в «Советском писателе», издательстве «Московский рабочий», на родине писателя, в Рязани, один за другим выходили сборники его избранных сочинений. Прообразами многих героев его книг были его земляки – крестьяне сел Ряжского уезда. К сожалению, в последние десятилетия эта активность быстро сошла на нет и нынешнему среднему и молодому поколению практически ничего неизвестно о нашем замечательном земляке, советском писателе Иване Макарове.

Автор благодарит главного архивиста Государственного архива Рязанской области Е.Н. Поздняк за помощь в подготовке материала.

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

О.И. Шмелева

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РОССИИ».

Ежегодно в апреле в Рязанс-ком государственном уни-верситете имени С.А. Есе-нина проводится студенческая научная конференция по итогам прошедшего года. 2006 год не стал исключением. На конференции работали секции по всем дисциплинам, изучаемым на факультетах университета. Секционные заседания проходили с 3 по 14 апреля. Студенты приняли активное участие в конференции, представили разнообразные и интересные доклады по всем проблемам, вынесенным на обсуждение. 19 апреля были подведены итоги конференции.

Шмелева Ольга Ивановна,
кандидат исторических наук, ассистент РГУ им. С.А. Есенина

3 апреля 2006 года состоялось заседание секции «История России». В ней приняли активное участие студенты факультета истории и международных отношений.

Приветствуя участников заседания, научный руководитель секции, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, заведующий кафедрой истории России РГУ А.Ф. Агарев обратил внимание собравшихся на необходимость глубокого изучения исторических проблем отечественной истории, так как многие вопросы актуальны и для современной России. Он подчеркнул, что Россия всегда была и остается одной из великих держав и влияет на мировой ход истории. Задача секции, сказал он, состоит в том, чтобы осветить особенности исторического развития России на протяжении веков, показать влияние отдельно взятой личности на ход отечественной истории. А.Ф. Агарев подчеркнул, что особое внимание

необходимо уделить истории Рязанского края, потому что человек, знающий и понимающий историю родного края, может судить и об истории свой страны в целом.

Секция состояла из трех блоков: история Рязани и Рязанского края, история России в XIX веке и Россия в XX веке.

Первый блок был открыт выступлением студентки 5 курса Ю.Б. Будкиной по теме: «Профессиональный выбор в Curriculum vitae первокурсниц Рязанского женского учительского института». Этот доклад был приурочен к прошедшему дню университета. В своем докладе, основываясь на архивные документы она описала облик русской учительницы на заре XX столетия, ее судьбу, взгляды на жизнь и на образование. В своем докладе Ю.Б. Будкина отметила, что, несмотря на все трудности военного времени, юные воспитанницы стремились получить и получали образование в начале XX века. Кроме того, сказала она, любовь к учительской профессии, вплоть до самопожертвования, заставляет восхищаться ими.

В первом блоке также прозвучал доклад на тему, которая имеет большое значение для исторического развития России: «Отмена крепостного права в Рязанской губернии» студентки 3 курса С. Зайцевой. В своем докладе она указала на причины, ход и последствия отмены крепостного права, опираясь на данные по Рязанской губернии. В докладе были подробно изложены причины все нарастающих волнений в различных уездах Рязанской губернии. Докладчик отметил, что реформа носила недемократический, явно продворянский характер, ставка делалась прежде всего на хозяйство помещиков, а огромная масса крестьян осталась малоземельной.

Но все-таки, заключает докладчик, роль реформы 1861 года в капиталистическом преобразовании страны велика. Отмена крепостного права создала условия для более быстрого перехода России от феодализма к капитализму.

В докладе «Экономическое положение Рязанского края в годы гражданской войны» Ю. Баранова детально рассмотрела положение страны и Рязанского края в указанный период. Основываясь на документах ГАРО, она привела данные, показывающие экономическое положение края, трудности с которыми пришлось бороться в тот период: транспортный, топливный и продовольственный вопросы. Докладчик отметил, что помимо продразверстки и мобилизаций в армию крестьянство Рязанской губернии выполняло натуральные повинности: трудовую, гужевую, военно-конскую, постойную. Все это вызвало огромное напряжение сил и поставило губернию на грань голода. В 1920 году Рязанская губерния уже не могла снабдить себя продовольствием. В конце своего доклада Ю. Баранова сделала вывод: «Бремя политики «военного коммунизма» становилось непосильной ношей для региона».

Таким образом, в первом блоке докладчики осветили наиболее сложные вопросы исторического развития Рязанского края, отметили основные события, произошедшие здесь, проследили ход этих событий и сделали выводы, основываясь на фактах, взятых ими из архивных документов.

Во втором блоке докладчики затронули вопросы развития России в XIX веке. Они осветили вопросы как внутренней, так и внешней политики страны. Большое внимание было уделено роли личности на политической и дипломатической арене.

Так, в своем докладе «Кодификация российского законодательства в период правления императора Николая I» В. Манов подробно исследовал деятельность М.М. Сперанского в процессе приведения в порядок системы законодательства. Он выделил наиболее важные аспекты: причины проведения кодификации, планы М.М. Сперанского относительно систематизации законодательства, проведение кодификации, результат проделанной работы. Подробно обрисовал причины, по которым плану М.М. Сперанского не суждено было осуществиться. В конце своего доклада он подвел итог и сказал, что хотя М.М. Сперанскому не удалось в полной мере проявить себя как реформатору, он систе-

матизировал и издал законодательные акты, созданные другими – «Свод законов Российской империи», стройную систему законов.

Г. Огрызкова в своем докладе «Восточная война Александра II» осветила одну из важных и сложных проблем международных отношений XIX века. Она исследовала причины, ход и итоги русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В докладе подробно была описана подготовка к войне, рассмотрены планы ведения военных действий всех сторон конфликта. Особое внимание было уделено дипломатическому противостоянию между великими державами. Докладчик особо обратил внимание на то, что по мере успехов русской армии в войне осложнялось международное положение России, началась дипломатическая война с Англией и Австрией. Одним из ключевых моментов доклада было освещение Сан-стефанского мирного договора, который способствовал усилению русского влияния на Балканах. В своем докладе Г. Огрызкова коснулась и Берлинского трактата, который стал венцом русско-турецкой войны. В завершение был сделан вывод, что Берлинский конгресс подвел итог восточному кризису 1875–1878 годов, но не привел к умиротворению, не решил Восточного вопроса и не снял противоречий между державами на Балканах.

Третий блок был посвящен истории России в XX веке. Этот блок состоял из большого количества докладов и в нем освещались самые разные вопросы. Как и во втором блоке, большое внимание уделялось личности в истории. Деятельность С.Ю. Витте на постах министра финансов и премьер-министра изучена достаточно хорошо. Однако очень мало известно о том, чем он занимался в отставке. Именно исследованию этого вопроса был посвящен доклад студентки 3 курса М. Голобоковой «Граф С.Ю. Витте. Политическая деятельность после отставки».

Еще одна личность в истории до сих пор вызывает споры среди историков и привлекает внимание беллетристов – Г.Е. Распутин. В своем докладе «Причины влияния Распутина на царскую семью» студент 3 курса А. Андреев основываясь на воспоминаниях современников Г.Е. Распутина и на его личных дневниках, охарактеризовал Г.Е. Распутина и распутинщину как явление неизбежное в тот период, которое приняло такие масштабы и формы, что стало угрожать самому существованию государственной системы.

Докладчики не забыли и о Великой отечественной войне, в частности, вопрос о блокаде Ленинграда: доклады студенток 3 курса И. Евсиковой «Блокада Ленинграда: Победа над голодом» и Е. Соколовой «Незаживающая рана: блокадный Ленинград». Доклад И. Евсиковой был посвящен вопросу снабжения продовольствием блокадного Ленинграда. На основе статистических данных докладчик описывал положение, сложившееся в городе в 1941 году, меры, которые осуществлялись для поддержания жизнедеятельности людей. Доклад Е. Соколовой во многом перекликался с докладом И. Евсиковой, тем не менее, он был также интересен. В своем докладе она использовала воспоминания своих родственников, которые жили в блокадном Ленинграде. Бабушка, В.С. Кулешова, участвовала в строительстве оборонительных рубежей, помогала устанавливать противотанковые ежи, гасила зажигательные бомбы. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Прабабушка, А.И. Кулешова, всю блокаду оставалась в Ленинграде, производя танковые моторы на Кировском заводе. Родная тетя бабушки входила в состав фронтовой артистической бригады, выступала с концертами в госпиталях. В обоих докладах рассказывалось о том вкладе, который внесли ленинградцы в победу над гитлеровской Германией.

Подводя итоги секционного заседания, А.Ф. Агарев отметил важность и необходимость дальнейшей работы студентов над изучением вопросов истории.

Организатором секции была кафедра Истории России. Научный руководитель - заведующий кафедрой, профессор А.Ф. Агарев, председатель студенческого научного общества – ассистент О.И. Шмелева, председатель секционного заседания – студентка 5 курса факультета истории и международных отношений Ю.Б. Будкина, секретарь – студентка 5 курса факультета истории и международных отношений Л.М. Афанасова.

VII. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Ю.Б. Будкина

ПЕРВЫЙ РЕКТОР РЯЗАНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА П.И. ПРОЦЕРОВ

Павел Иванович Процеров оставил глубокий и яркий след в истории Рязанского государственного университета начала XX века. Первый ректор педагогического института, первый и единственный председатель общества исследователей Рязанского края — таковы важнейшие вехи его непростой служебной карьеры, в которой блестящие взлеты чередовались с периодами огромных трудностей. Казалось бы, этой заметной исторической фигуре обеспечено внимание исследователей, но это далеко не так. Архивные материалы хранят скудную информацию о его жизни и судьбе, поэтому биография П.И. Процерова до сих пор не написана. Не изучен и вопрос о его роли в общественной жизни института. Исходя из этого, представляется важным систематизировать информацию о его жизненном пути и составить исторический портрет человека, который прочно вошел в историю нашего вуза.

Будкина Юлия Борисовна,
студентка V курса РГУ им. С.А. Есенина

Павел Иванович Процеров родился 11 июня 1875 года в семье священника Касимовского уезда [1]. По окончании курса обучения в Касимовском начальном училище Павел Процеров поступил в 1889 году в Рязанскую духовную семинарию, из которой в 1892 году был исключен, по всей видимости, за политическую неблагонадежность. Он самостоятельно подготовился в 6 класс Елатомской гимназии, в которой окончил курс и поступил в Московский университет. Студент Павел Процеров был сторонником демократических убеждений. Он принимал активное участие в студенческих беспорядках, за что был заключен в тюрьму, а затем выслан на два года из Москвы. По истечении указанного срока он вернулся в Москву и в 1904 году окончил естественно-историческое отделение физико-математического факультета. По завершении учебы П.И. Процеров выехал в Германию, где в течение года работал на немецких заводах в химических лабораториях [2].

Вернувшись в Россию в 1907 году, Павел Процеров, за отсутствием свидетельства о благонадежности, с трудом получил должность преподавателя естественной истории в частной гимназии, а затем в 1-ой Рязанской мужской гимназии. Будучи преподавателем гимназии, организовал в Рязани первую химико-бактериологическую лабораторию, в которой были произведены ценные анализы воды при строительстве городского водопровода [3].

Несколько позже, когда крестьяне села Спас-Клепики Рязанского уезда решили открыть среднее учебное заведение, П.И. Процеров был приглашен крестьянами для его организации. В результате была создана одна из первых в России бесправных крестьянских гимназий совместного обучения, ставшая образцовым учебным заведением. В это же время П.И. Процеров широко развернул внешкольную просветительскую работу и организовал производственные артели местных кустарей. А в 1917 году после Февральской революции он был избран подавляющим большинством голосов родителей и преподавателей председателем совета двух рязанских гимназий [4].

1918 год стал особо важным в жизни П.И. Процерова: после преобразования Рязанского учительского института в педагогический вуз, он был назначен ректором этого учебного заведения. При всех последующих реформах института он являлся бессменным руководителем всей сложной организационной работы и председателем Совета института до самого отъезда в научную командировку в Москву в октябре 1921 года [5].

Возглавив институт, П.И. Процеров столкнулся с рядом сложнейших проблем, которые необходимо было решать в суровых условиях разгоревшейся гражданской войны. Как руководитель, он сделал многое для учреждения и сохранения материальной базы вуза, привлечения научных сотрудников, уделив особое внимание организации студенческой жизни. Специально для студентов были организованы общежитие и столовая [6]. Сту-

денты имели возможность пользоваться институтской библиотекой, книжный фонд которой в 1920 году насчитывал 13902 тома, а в следующем году – уже 19529. Кроме студентов библиотекой пользовались преподаватели, слушатели подготовительной группы, вспомогательный персонал, учащиеся школы первой и второй ступени при институте, а также преподаватели школ Рязани. В среднем число посетителей библиотеки составляло в день 100 человек. Отдельного помещения для читального зала не было, он располагался в одном из библиотечных помещений [7].

В институте активно функционировали студенческие кружки: кружок любителей естествознания, музыкальный, хорового пения, изучения местного края. В стадии становления находилась студенческая коммунистическая ячейка. Студенты принимали активное участие в общественной жизни города: читали публичные лекции на фабриках и заводах, участвовали в политпросвете [8].

Материальное положение студентов было крайне тяжелым. В 1920 году из 381 человек только 126 получали стипендию. По размеру стипендия составляла не более третьей части необходимого прожиточного минимума. Павел Процеров вместе с членами Президиума института просили Народный комиссариат по просвещению увеличить размер стипендии хотя бы до прожиточного минимума, чтобы хоть как-то поправить бедственное положение студентов [9].

Особое внимание ректор уделял учебной работе вуза. Преподаватели принимали активное участие в выработке программ и планов занятий, в совещаниях по разработке школьных вопросов в Губнаробразе, в разработке программ краткосрочных курсов по трудовому воспитанию, программ губернского съезда по народному образованию. Кроме того, они выступали с лекциями и докладами на Губернских съездах по просвещению, и на районных учительских конференциях Рязанского уезда и так далее. Преподаватели периодически читали лекции на летних учительских курсах в Спасске, Сапожке, Зарайске, Данкове, Михайлове, Скопине [10].

Особо стоит отметить работу П.И. Процерова в обществе исследователей Рязанского края, которое было создано при его непосредственном участии в 1920 году на базе ликвидированной раннее Рязанской ученой архивной комиссии. Вопрос об организации такого общества или хотя бы кружка по изучению местного края при институте возник еще в декабре 1919 года в связи с письмом, полученным П.И. Процеровым из Ярославля с сообщением о появлении там подобного общества. Данный вопрос был окончательно решен 13 марта 1920 года, когда был принят и утвержден устав общества [11]. А 20 мая 1920 года П.И. Процеров был избран на пленарном заседании председателем созданного общества [12]. Осознавая всю важность появления указанного общества для Рязани, на одном из заседаний он выступил с докладом «О значении изучения местного края» [13].

Обращает на себя внимание и его доклад: «Личные воспоминания о профессоре К.А. Тимирязеве» [14], в котором он с искренней теплотой рассказывает о своем учителе, как замечательном ученом и педагоге. Особый акцент Процеров делает на гражданской позиции ученого, его отношении к политической реакции в России на рубеже XIX–XX веков. Текст данного доклада сохранился полностью в Государственном архиве Рязанской области и помимо всего прочего является ценным историческим источником, свидетельствующим о политических взглядах и настроениях российского студенчества и профессуры в предреволюционные десятилетия [15].

П.И. Процерову удалось сильно упрочить репутацию учебного заведения, что привело к значительному притоку молодежи, научных и педагогических сил в стены института. Институт предоставлял широкие возможности и для вольнослушателей, которые принимались в институт в течение всего года и наравне с действительными студентами могли пользоваться всеми аудиториями и лабораториями института, а также, при условии выполнения за год известного минимума работы, имели право переходить в число действительных студентов.

Институт принимал активное участие в культурно-просветительской работе, разрешая различным организациям использовать свои преподавательские силы, аудитории и

лаборатории. В стенах учебного заведения располагались курсы водников, курсы по охране детства и материнства, работали годичные курсы красных учителей. Лаборатории института использовались коммунистическим университетом имени Ленина, рабочими курсами дерево-отделочного государственного завода, заводом «Хромком», государственными художественными мастерскими, командными пехотными курсами, железнодорожным техникумом, 35-м стрелковым полком и т. д. Институт предоставлял свои помещения и для съездов. Однако это привело к ряду серьезных проблем. Все участники съездов и слушатели курсов были представителями демократических слоев населения (рабочие, красноармейцы, народные учителя). Они смотрели на институт как на гостиницу: очень часто ставили самовары в коридорах, и тогда здание наполнялось едким дымом; ежедневно в этих общежитиях рубились дрова, что приводило к дезорганизации учебной жизни [16].

Особенно опасным стало положение института после вселения в его помещение общежития продкурсов гупродкома. П.И. Процеров сделал попытку воспрепятствовать данному вселению. Тем более, что оно должно было разместиться на третьем этаже, где находилась химическая лаборатория с целым рядом взрывчатых веществ. Результатом этой попытки стало распоряжение Рязанской чрезвычайной комиссии об аресте П.И. Процерова и заключении его сроком на один месяц в концентрационный лагерь. Однако вмешательство наркома просвещения А.В. Луначарского и местного губисполкома избавило его от ареста [17].

Опасения Процерова, Правления и Совета вуза относительно дезорганизации жизни института в связи с присутствием общежития продкурсов не заставили себя ждать. «В общежитии продкурсов ежечасно раздавались звуки гармоник и топот пляски и лекции в институте проходили под этот аккомпанемент» [18]. Институт сделался свободным для входа любому человеку с улицы и днем и ночью. Следствием этого стали частые кражи электрических лампочек, появились хищения из кабинетов со взломом замков, были разгромлены три аудитории и два кабинета, а 4 декабря 1920 года здание института горело с вызовом пожарных машин, подожженное продкурсантами. Только своевременное вмешательство студентов и сотрудников института не дало возможности распространиться пожару. Поэтому судьбоносным стало постановление Губисполкома в январе 1921 года об освобождении помещения института от всех чуждых ему организаций, особенно от общежития продкурсов, которое после себя оставило «печальное» наследство: закопченные стены и потолки, разграбленные книжные шкафы, загрязненные уборные и т. д. [19]

Наиболее ярким и важным событием для П.И. Процерова и для всего института стало посещение 29 января 1921 года наркомом просвещения А.В. Луначарским открытого торжественного заседания Совета института. Нарком был избран почетным председателем этого Совета. П.И. Процеров выступил с докладом о состоянии и работе института. После выслушанного доклада, А.В. Луначарский выступил с речью, характеризующей современное положение высшего образования в стране, в заключение которой высказал свое удовлетворение по поводу общего состояния института и дал обещание по приезде в Москву сделать институт «ударным учреждением» [20].

Подводя итоги деятельности Павла Ивановича, стоит также отметить, что за время его руководства институт сделал 2 выпуска специалистов: в 1920 году – 15, в 1921 – около 30 [21]. Большинство из них посвятили свою жизнь работе в школе. Кроме того, за время его руководства вуз существенно окреп. Только за 1920 – 1921 учебный год состоялось открытие институтского детского сада, музея школы первой ступени, было завершено строительство метеорологической станции. Все это существенно обогатило институт.

Как сложилась дальнейшая судьба Павла Ивановича Процерова – предмет отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). — Ф. 634. — Оп. 1. — Д. 192. — Л. 124.; — Ф. 609. — Оп.100. — Л. 3.; — Ф. Р.-921. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 99.

[2] См.: ГАРО. — Ф. 634. — Оп. 1. — Д. 192. — Л. 124.; — Ф. 609. — Оп.100. — Л. 1, 3, 5, 7; — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 1.; там же. — Д. 3. — Л. 108—109.

[3] См.: ГАРО. — Ф. 609. — Оп.100. — Л. 1.; — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 1.

[4] См.: ГАРО. — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 37. — Л. 1.

[5] См.: там же.

[6] См.: ГАРО. — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 16.

[7] См.: ГАРО. — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 31.

[8] См.: ГАРО. — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 15—16.

[9] См.: там же. — Л.15, 16, 89.

[10] См.: там же. — Л. 15.

[11] См.: ГАРО. — Ф. Р-903. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 2, 3.

[12] См.: там же. — Л. 4, 5.

[13] См.: там же. — Л. 33.

[14] См.: там же. — Л. 9.

[15] См.: ГАРО. — Ф. Р-903. — Оп. 1. — Д. 56. — Л. 304—319.

[16] См.: ГАРО. — Ф. Р-921. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 11.

[17] См.: там же. — Л. 11.

[18] См.: там же.

[19] См.: там же. — Л. 11, 13.

[20] См.: там же. — Л. 14,15.

[21] См.: Рязанский государственный педагогический институт. — М., 1983. — С. 13.

М.В. Муравьева

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТУРИЗМА В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Муравьева Мария Владимировна,
студентка V курса
РГУ им. С.А. Есенина

В последнее время туризм стал занимать важное место в экономике и социальной сфере страны. Все больше внимание уделяется развитию данной отрасли производства, так как туризм – это особый вид материальных благ, товаров и услуг, формирующийся в очень важную отрасль хозяйства, име-ющую как прямые, так и косвенные связи с различными сферами материального и нематериального производства, в ряде которых присутствуют транспорт, объекты общественного питания, культурно-быто-вые услуги, предприятия размещения и т. д. Сегодня туризм способен осветить историю развития, текущее состояние и будущее любого туристичес-кого центра; идентифицировать его территорию, т. е. выявить, где туризм возрастает, и где он снижается; объяснить причины больших различий в географическом распределении числа туристов и доходов от них и динамику этих различий; идентифицировать районы, где туризм имеет большой потенциал для превращения в важный элемент экономического развития.

Туризм сопровождает развитие социальной сферы человечества, его культуры и экономики на протяжении всего существования человеческого общества.

Сегодня туризм – это сложная, многостороняя социально-экономическая система, имеющая непростую историю развития, которая стала трансформироваться и эволюционировать в зависимости от восприятия человеком, то есть менялись цели, формы и функ-ции. Человеку на протяжении всей его эволюции было свойственно стремление к миропозна-нию и первооткрывательству в целях развития торговли, завое-вания и освоения новых земель, поисков ресурсов, новых транс-портных путей, промышленного освоения новых территорий. Все это сыграло важную роль в накоплении человеком знаний в различных областях науки, куль-туры и техники, что послужило причиной возникновения особой формы перемещения человека в пространстве и времени – туризма.

Туризм имеет свою исто-рию развития, начиная от самых простых походов в глубокой древности и до настоящего времени. В исследованиях истории туризма наука опирается на вспомогательные дициплины – археологию, палеогеографию, этнографию и т. д. Это дает возможность изучать туризм как многогранную систему общественно значимого явления.

Наука не дает нам возможности определить всеобщую историю развития исследуемого явления, так как туризм привязан к какой-либо местности и его эволюцию необходимо рассматривать относительно определенной территории. В нашем случае в качестве изучаемого туристического центра выступает город Рязань.

Туризм является одним из главных факторов социально – экономического развития России и отдельных регионов, обладающих рекреационным потенциалом. В силу того, что наше государство имеет большую площадь и большую протяженность, можно говорить о разнообразии и уникальности рекреационных ресурсов. Рязанская область не исключение в ряде подобных территорий. Край обладает благоприятными условиями для развития туризма, что обусловлено уникальными возможностями – своеобразием природного потенциала,

богатыми культурно-историческими особенностями, транспортной доступностью и экономической стабильностью.

Город Рязань и в целом Рязанская область относятся к числу наиболее развитых в экономическом отношении территорий Центрального экономического района, это дает возможность рассматривать область в качестве туристического центра со своей спецификой туристической отрасли.

С переходом к рыночной экономике область заняла совершенно непривычную для себя нишу в индустрии туризма, так как появилась возможность развиваться в соответствии с тенденциями рыночной экономики.

До распада СССР Рязанский край был закрыт для туриста, так как являлся центром развития ВПК и представлял собой мощную единую систему оборонной промышленности, сочетал ряд военных засекреченных объектов Советского Союза (военные заводы, аэродромы и полигоны) [1].

Одним словом, город был сосредоточен на развитии военной промышленности, а, как известно, в советские годы именно ВПК являлся главным политическим государственным рубежом, за пределами которого туризм носил лишь внутренний характер и мог выражаться в качественном виде только для российских граждан.

Начав свое развитие как отрасль экономики еще в начале XX века, туризм не получил полного признания, и лишь в конце 70-х – начале 80-х годов в Рязанской области туризм становится не только социокультурным явлением, но и важной частью экономически выгодного перспективного направления нематериальной сферы производства. Начинается активное формирование туризма и туристско-экскурсионного обслуживания, появляются новые элементы инфраструктуры, расширяет свои возможности транспортная система области, налаживается более качественная связь со столицей, ведется строительство новых средств размещения [2].

Современное развитие гостиничного дела предлагает клиенту (потребителю гостиничных услуг) многовариантный гостиничный сервис в зависимости от цен, складывающихся на рынке этих услуг. Каждый год средства массовой информации сообщают многочисленной клиентуре о новых формах деятельности в данном виде сервиса.

Если рассматривать типы гостиничных предприятий на этапе зарождения туризма (до 1980 г.), то мы увидим, что в самом начале пути развития, существовало лишь 2 вида предприятий размещения: во-первых, это роскошные отели для высших слоев общества; во-вторых – постоялые дворы для всех остальных.

На тот период Рязанская губерния имела ряд заведений второго типа, они располагались практически при всех монастырях, на главных улицах города и принимали путешественников и туристов. С возникновением нового этапа развития туризма (предпринимательского), в 1918 году декретом Советского правительства все гостиницы были национализированы и переведены в ведение местных органов Советской власти [3].

Первая мировая война, обострившая экономические и социальные противоречия в России и потребовавшая мобилизации всех ресурсов для милитаристских целей, не оставила никаких шансов для развития наметившихся организационно-хозяйственных тенденций [4]. Доставшийся в наследие гостиничный фонд в основном состоял из небольших гостиниц, ранее принадлежащим богатым, зажиточным горожанам и монастырям.

За этим последовал организационно-централизованный этап развития туризма, длившийся до конца 60-х годов XX века. Это время характеризуется доминированием идеологических функций над хозяйственными. В целях рекреации начинают активно использовать Мещеру, водные ресурсы области, активно осваивают новые территории. Но все это делается во благо внутреннего туризма. Как правило, этому периоду характерны активные виды туризма, то есть спортивный, водный и другие, главной особенностью этого времени является затишье в гостиничной сфере. Туризм понимается как активное время препровождения без использования благ человечества. Вместо отелей и гостиниц туристы предпочитают производить ночевку в палатках, шалашах, на специально оборудованных туристических стоянках. И лишь с переходом на новейший этап развития, а именно с 1990 года понимание туризма меняется, и явление приобретает новый характер, носит совершенно непривычную функциональную нагрузку.

Сегодня ситуация изменилась коренным образом. Рыночные отношения в российской экономике развиваются динамично, хотя и не такими стремительными темпами, как хотелось бы бизнесменам, занятым в гостиничном сервисе. Неоспоримо одно: постоянно стираются резкие различия в организации гостиничного дела в России и зарубежье. Гостиничные предприятия РФ повышают уровень сервиса, оснащенность номерного фонда, квалификацию обслуживающего персонала. Сфера гостиничных услуг стала приоритетной в экономике.

Большое разнообразие предприятий гостиничного сервиса, а также периодическое появление новых видов делает любую систематизацию типов и характеристик предприятий размещения весьма условной.

Современные гостиницы различаются по назначению, вместимости, этажности, типу конструкций, уровню комфорта, режиму эксплуатации (круглогодичные, сезонные), месту расположения (город, курорт и т. д.), их функциональному назначению, обеспеченности питанием, продолжительности проживания в них и уровню цен. Все эти факторы учитываются при проектировании и влияют на состав помещения гостиницы, архитектурно-планиро-вочную структуру здания и пр. Основные признаки, характеризующие гостиницы: вместимость, этажность, назначение и уровень комфорта.

Еще в середине прошлого века предприятия гостиничного типа имели хорошо развитую инфраструктуру, характерную для того периода. В городе Рязани и области были построены крупные гостиницы («Первомайская», «Ловеч»), санаторные комплексы, дома отдыха, пансионаты, базы отдыха, туристические базы, детские оздоровительные и спортивные лагеря. В этот период, согласно данным статистики по Рязанской области число гостиниц достигло 40 с общей единовременной вместимостью 2372 человека и койко-суток 591,1 тысячи. Также были сформулированы и утверждены туристические маршруты и экскурсии.

По данным Федеральной службы государственной статистики города Рязани на 2004 год, число предприятий гостиничного хозяйства достигло 34 с единовременной вместимостью 1401 человек. На данный момент в городе Рязани число мест в гостиницах на 1000 человек достигает 1,5.

По данным Управления туризма Рязанской области, на сегодняшний день в Рязани действуют более 13 средств размещения гостиничного типа, отвечающих общим требованиям в РФ [5]. Апартаменты, аппартаменты

Таблица 1

Гостиницы Рязани (2004 г.)

Название гостиницы	Категория гостиницы	Номерной фонд	Количество номеров и их категория			
			стан-дарт	полулюкс	люкс	апартаменты
1	2	3	4	5	6	7
Астероид	3	8	–	7	1	–
Боровница	4	6	–	2	2	2
Гранд Отель	3	20	11	–	3	6
Ловеч	2	199	189	–	10	–
Ока	–	11	–	–	11	–
Первомайская	туристическая	64	58	6	–	–
Приокская	–	22	–	22	–	–
Русская тройка	–	13	–	–	11	3
Русская тройка 2	мотель	27	18	4	5	–
Солнечная	–	21	16	5	–	–
Спортивная	–	22	22	–	–	–
Учитель	–	42	42	–	–	–

Во всех гостиницах предусмотрено четыре основных группы услуг: размещение, питание, досуг, бытовое обслуживание. Они включают основные, дополнительные и сопутствующие услуги. В 1992–1995 годах экономическая ситуация не позволила развиваться гостиничному хозяйству города. Предприятия решали вопрос выживания в тяжелых условиях –

выросла стоимость тепло-энергоресурсов, загрузка гостиничного фонда не превышала 50 процентов.

По сравнению с советскими годами число гостиниц в целом уменьшилось. Это сокращение больше всего коснулось предприятий, находившихся в частной собственности. На 1995 год 64 процента общего числа составили городские гостиницы и 36 процентов – сельские. На долю городских гостиниц приходилось 91процент номерного фонда, коэффициент загрузки составил 41 процент.

В целом по России в 1995 году было 4187 гостиниц с общим номерным фондом – 214067. Центральный экономический район занимал первое место в РФ по количеству гостиниц, их число составило 616, с общим номерным фондом 60 739 [6].

Также можно дать неблагоприятную оценку всей индустрии туризма в целом, включая не только гостиничное хозяйство, но и сопутствующие отрасли.

Начало и середина 90-х годов XX века характеризуется сокращением турпотока более чем в 6 раз, но одновременно с этим сократился и внутренний туризм. Самым главным направлением в развитии туризма стал выездной туризм за границу, такой вид туризма начал свое развитие вследствие влияния многих факторов, главными из которых являются экономические и демографические.

Таблица 2

Распределение числа поездок российских граждан за границу по регионам
(распределение поездок российских граждан по конкретным странам полностью приводится в отчете АЦ «Бизнес и маркетинг»)

Регион	Количество поездок, %
Страны Западной Европы	42
Страны Азии	20
Страны Прибалтики	3
Страны Персидского залива	1
Страны СНГ	27
Страны Африки	6
США	1

Данное положение характеризовало экономическую нестабильность государства. В последующие годы (1998 г.) девальвация рубля явилась главным фактором бурного развития внутреннего туризма в области и привлекла большое количество отдыхающих из Московского региона в рязанские рекреационные предприятия. Усиление турпотока из столицы привело к росту заполнения санаториев, увеличило оборот розничной торговли и рост доходов населения. Туристическая индустрия вследствие таких тенденций развития начала набирать обороты, появились новые гостиницы, туристические организации и новые маршруты.

Анализ состояния туристической отрасли в данное время связан с изменениями туристических показателей в условиях двух экономик – плановой и рыночной.

На сегодняшний день Рязанская область обладает хорошей материально-технической базой с разветвленной сетью гостиниц, общая емкость которых в 2004 году составила 459 номеров с вместимостью более 1000 человек. К концу 2005 года номерной фонд был увеличен за счет реконструкции старых и постройки новых гостиниц.

Следует отметить, что за последнее время в области было реализовано большое количество проектов, способствующих развитию туризма. На сегодняшний день область обладает почти всем комплексом необходимых ресурсов и условий для активного развития индустрии. Туристические ресурсы Рязани были представлены на международной туристской бирже «Word Travel Market» по оценкам результатов которой можно говорить о том, что через два – три года Рязань может принимать до миллиона туристов в год [7]. Это связано с увеличением государственного финансирования индустрии, с инвестиционной политикой средних и крупных бизнесменов, высокими показателями работы рязанских туроператоров и турагентов, направленной на развитие внутреннего туризма, а также с реконструкцией номер-

ного фонда, увеличением количества элементов туристической инфраструктуры (рестораны, развлекательные и досуговые центры и т. д.).

За 2005 год Рязань стала туристическим центром в Центральном экономическом районе, что связано, в первую очередь, с популяризаций культурно-исторических и природных ресурсов. Примером служит создание московскими туроператорами новых турпакетов и туристических маршрутов по Рязани и области.

Большое влияние на рейтинг Рязани среди туристов, повлияла активная реклама СМИ, где Рязань представили в новом качестве культурного центра с ярко выраженным поэтическим характером. В 2005 году в селе Костантиново Рыбновского района Рязанской области был снят один из российских фильмов о Сергее Есенине, кинокартина повлияла на популяризацию Рязани среди российских и иностранных туристов. Активное внимание к данному объекту культуры поспособствовало созданию и реализации глобальных туристических проектов с большими инвестиционными вложениями. По мнению экспертов, есть возможность возрождения внутреннего и въездного туризма именно при помощи промоушина на региональном, государственном и международном уровнях.

Данная политика начала активно работать уже с 2005 года на международной бирже «World Travel Market», участниками которой стали более 5 тысяч представителей туристического и курортного бизнеса, руководители государственных и частных туристических компаний, владельцы отелей и ресторанов, авиакомпаний из 190 стран мира. Рязанская область, как и ещё шесть субъектов Российской Федерации – членов Координационного совета по туризму «Регионы России – Московское соглашение» представили на стенде Москвы свою туристическую индустрию.

В ходе выставки были проведены переговоры с представителями деловой и туристской общественности, руководителями туристических организаций и компаний зарубежных стран. По итогам выставки отмечалось, что Рязань имеет высокий интерес иностранцев, о чём свидетельствуют многочисленные договорённости о сотрудничестве в сфере приёма иностранных туристов в регионе, в том числе и с такой известной туристической фирмой, как «Мерополикс» (Англия). Большой интерес у английских молодёжных организаций вызвал археологический лагерь, который проводится в Старой Рязани каждое лето; а клуб велосипедистов из Франции предложил провести велосипедный маршрут, пролегающий по территории европейской России, в том числе и по территории Рязанской области [8].

Анализ состояния туриндустрии в Рязани показывает наращивание темпов развития делового, познавательного, лечебного, спортивного видов туризма. В данный момент управление туризма Рязанской области проводит работу по четырём новым маршрутам. Наибольший интерес после проведения информационных туров был проявлен к «Северному» маршруту: Рязань – Солотча – Гусь Железный – Касимов – Рязань, а также к туру «Есенин», пролегающему по Рыбновскому району Рязанской области. Уже сейчас этот тур несколько туроператоров России поставили в свою программу на регулярной основе. В разработке находится маршрут «Южный»: Старожилово – Кирицы – Скопин – Михайлов, охватывающий бывшие усадьбы и территории развития народных промыслов.

Главным же в создании современного туристического рынка и должном развитии инфраструктуры является инвестиционная поддержка и социальная политика. При этом важно определить уровень рентабельности, который зависит от продолжительности и условий использования новых или реконструированных туристических объектов инвестирования. В свою очередь, основные представительские организации туризма, такие, как туроператоры, считают важным, чтобы на всех участках туристических маршрутов в области был одинаково высокий уровень обслуживания. Это на сегодняшний день является наиболее актуальным вопросом, так как соответствие российским и международным требованиям ВТО должно стабилизировать темпы туристических потоков.

Оценивая современное состояние индустрии туризма в Рязанской области, можно говорить о том, что территория обладает всеми необходимыми ресурсами для развития туризма, но они используются не в полной мере. Эту проблему можно решить лишь в перспективе, создав и применив специальные программы по использованию рекреационных, курортных и

социальных ресурсов с целью улучшения состояния туризма [9]. Также на основе анализа состояния индустрии туризма мы видим, что данная отрасль экономики находится на том уровне, что и другие области Центральной части России. А именно – идет становление и постепенное развитие. Этому способствует активно развивающаяся инфраструктура.

В 2005 году Комитетом туризма Рязанской области была разработана целевая программа развития туризма в Рязанском крае, где представлена новейшая концепция развития туризма на ближайшие годы.

Невысокая функциональность туристической системы компенсируется внедрением инновационных и перспективных элементов социального комплекса, направленных на увеличение доли туризма в структуре промышленного производства области.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Страны и народы [Текст] : науч.-поп. геогр.-этногр. изд.: в 20 т. / Отв. ред. Г.М. Лаппо. – М. : Мысль, 1983. – 461 с.

[2] См.: http://www.dol.ru/users/rastinfo/RAST/Riazan.htm

[3] См.: Волков, Ю.Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес [Текст]: / 2-е изд. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 352 с.

[4] См.: Зорин, И.В. Энциклопедия туризма [Текст]: справочник / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 368 с.

[5] ГОСТ Р 51185 – 1998. Введ. 1999.01.01.

[6] См.: Зорин, И.В. Энциклопедия туризма [Текст]: справочник / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 368 с.

[7] См.: http://www.7info.ru/index.php?kn=1132658976

[8] См. там же.

[9] См.: Новая газета. Рязань, 2005.— № 32.

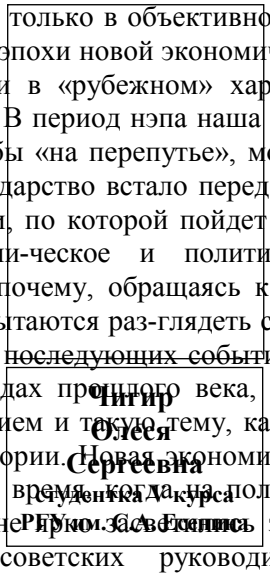
О.С. Чигир

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Двадцатые годы прошлого века традиционно вызывают большой интерес как среди ученых-историков, так и среди людей искусства: писателей, режиссеров, худож-ников. Причина этого заключается не только в объективной противоречивости эпохи новой экономической политики, но и в «рубежном» характере этого времени. В период нэпа наша страна оказалась как бы «на перепутье», молодое Советское государство встало перед выбором той дороги, по которой пойдет ее социально-экономи-ческое и политическое развитие. Вот почему, обращаясь к эпохе нэпа, ученые пытаются раз-глядеть скытые в ней причины последующих событий. Говоря о 20-х годах прошлого века, нельзя обойти вниманием и такую тему, как роль личности в истории. Новая экономическая политика – это время, когда на политическом небосклоне ярко засветились звезды талантливых советских руководителей, представителей «партийной интеллигенции», «старой ленинской гвардии». В дальнейшем судьба большинства из них сложилась трагично: они стали жертвами репрессий, их имена на долгие годы были вычеркнуты из памяти народа. Чтобы понять, почему не реализовалась программа нэпа, что произошло в нашей стране во второй половине 20-х – 30-е годы, необходимо посмотреть, какие люди составляли опору центрального советского руководства и проводили в жизнь его решения «на местах»: были ли это яркие, смелые, талантливые личности или же послушные «винтики» государственной машины?

Чигир Олеся Сергеевна
студентка 4 курса
РГУ им. С.А. Есенина

Изучению данной проб-лемы посвящена работа, про-водимая нами в течение двух лет в бывшем партийном архиве, а ныне – отделе по работе с доку-ментами партийных и молодеж-ных организаций Государствен-ного архива Рязанской области. Предыдущее исследование каса-лось состава уездного и район-ного (г. Рязани) партийного руко-водства Рязанской губернии к началу периода нэпа (1921 г.) [1]. Очевидной была необходимость проследить изменения, которые произошли в партийном руково-дстве к моменту окончания этого периода. Однако перед нами встала проблема поиска документов, аналогичных тем, на основе которых изучался руководящий состав в 1921 году [2]. Во внимание принимался, во-первых, сам характер источника – анкета, а, кроме того, статус и количество проанкетированных, перечень вопросов, включенных в анкету. В результате объектом исследования были избраны анкеты делегатов XXI Рязанской губернской конференции ВКП(б), датированные ноябрем 1927 года [3]. Выбор был сделан с рядом оговорок: во-первых, статус респондентов данных анкет и анкет 1921 года не совсем совпадал (не все делегаты



проводили в жизнь его решения «на местах»: были ли это яркие, смелые, талантливые личности или же послушные «винтики» государственной машины?

Изучению данной проб-лемы посвящена работа, про-водимая нами в течение двух лет в бывшем партийном архиве, а ныне – отделе по работе с доку-ментами партийных и молодеж-ных организаций Государствен-ного архива Рязанской области. Предыдущее исследование каса-лось состава уездного и район-ного (г. Рязани) партийного руко-водства Рязанской губернии к началу периода нэпа (1921 г.) [1]. Очевидной была необходимость проследить изменения, которые произошли в партийном руково-дстве к моменту окончания этого периода. Однако перед нами встала проблема поиска документов, аналогичных тем, на основе которых изучался руководящий состав в 1921 году [2]. Во внимание принимался, во-первых, сам характер источника – анкета, а, кроме того, статус и количество проанкетированных, перечень вопросов, включенных в анкету. В результате объектом исследования были избраны анкеты делегатов XXI Рязанской губернской конференции ВКП(б), датированные ноябрем 1927 года [3]. Выбор был сделан с рядом оговорок: во-первых, статус респондентов данных анкет и анкет 1921 года не совсем совпадал (не все делегаты партконференции являлись ответственными партийными работниками). Учитывая это, в дополнение канкетам делегатов XXI Рязанской губернской партконференции нами были использованы некоторые статистические материалы за 1926 год, а именно «Статистическая сводка о руководящем выборном составе укомов, I и II райкомов г. Рязани и губкома ВКП(б) Рязанской губернской организации на 1 ноября 1926 г.» [4]. Второй оговоркой было

то, что перечень вопросов анкеты, так же, как и характеристики статистической сводки, несколько отличались от основных показателей, по которым проводился анализ в 1921 году [5]. Наконец, 1926 – 1927 годы никак нельзя назвать окончанием нэпа, хотя, безусловно, к этому времени нэп уже находился в состоянии кризиса.

Сопоставление данных 1921 и 1927 годов, а также 1921, 1926 и 1927 годов представлено по совпадающим показателям в виде двух сравнительных таблиц. Проследим изменения, происшедшие в составе уездного и районного партийного руководства Рязанской губернии за 5 (6) лет эпохи нэпа. Из таблицы 1 видно, что число женщин в партийном руководстве выросло почти в 2 раза (с 4% в 1921 до 9,2% и 8% в 1926 и 1927 гг. соответственно). По-прежнему большинство партийных работников по национальности были русскими. Однако более чем в два раза увеличился процент представителей других национальностей (с 2,6% в 1921 г. до 7,7% в 1927 г.). Произошел незначительный рост количества молодежи (до 30 лет) – с 43,8 процентов в 1921 году до 46 процентов в 1927 году. Таким образом, доля молодых партийцев в местном руководстве осталась довольно большой. Обратим внимание на изменения такого важного показателя, как социальное положение. С 1921 по 1926 (1927) годы произошел рост процента рабочих в партийном руководстве (если рассматривать только квалифицированных рабочих, то это рост составил 14,1%, для рабочих в целом – почти 20%). Доля крестьянства в партийном руководстве также увеличилась: с 24,1 процента в 1921 году до 33,5 процента в 1926 году; к 1927 году этот показатель несколько упал (до 30,8%), однако рост по сравнению с 1921 годом все же очевиден. К 1927 году значительно уменьшилось число интеллигенции среди партийного руководства (на 8,3%). Сократилось количество неквалифицированных рабочих и служащих (на 9%). Доля подпольщиков среди ответственных работников местного уровня осталась такой же незначительной (средний показатель – 3,6%). Подавляющее большинство представителей партийного руководства вступили в партию после 1917 года (в 1921 г. – 81,4%, в 1926 г. – 83%, в 1927 г. – 91,2%). Интересен и тот факт, что с 1921 по 1927 год количество ответственных работников, состоявших ранее в других партиях, сократилось почти в 5 раз.

Какие выводы мы можем сделать на основании сопоставления архивных данных? Слабость, присущая партийной организации Рязанской губернии в 1921 году не была преодолена. Относительное укрепление местного руководства, выразившееся в сокращении числа неквалифицированных рабочих и служащих и увеличении доли квалифицированных рабочих и крестьян нивелируется состоянием таких показателей, как возраст и партийный стаж. При чтении анкет делегатов партконференции бросается в глаза неграмотность большинства из них, а зачастую и непонимание поставленных вопросов. Таким образом, качество руководящих партийных кадров уездного и районного уровней за 5 (6) лет НЭПа существенно не изменилось.

Необходимо отметить, что кризисное состояние партийного руководства на местах хорошо осознавалось и в Москве. На заседаниях оргбюро ЦК РКП(б) неоднократно подчеркивалось, что в местном партийном руководстве «много случайных людей», что около половины ответственных работников губернского и уездного уровня можно считать «политически безграмотными» и попросту «негодными», а «текучесть» партийных кадров является одной из основных проблем на пути организации стабильной работы на местах [6]. Понимая все это, руководство ЦК (и, прежде всего, Сталин) стремилось использовать ситуацию для перехода от системы выдвижения «снизу» к системе назначения и распределения «сверху», что позволило в дальнейшем устранить с политической сцены сторонников «новой оппозиции».

Таким образом, мы видим непосредственную связь между состоянием партийных кадров на местах и теми событиями, которые наблюдались в политической и экономической жизни нашей страны во 2-й половине 20-х – 30-е годы: кризис и постепенное сворачивание нэпа, отход от внутрипартийной демократии, устранение оппозиции и формирование культа личности Сталина. Все это могло произойти только при опоре власти на страдающую от недостатка жизненного опыта, образования, политической грамотности и

общей культуры «рядовую партмассу». Доктор философских наук Ю.С. Новопашин в статье «XIV съезд РКП(б): современный взгляд» отмечает: «сталинскому руководству не нужны были мыслящие большевики, которые проявляли бы способность к трезвому анализу положения в партии и стране. Это руководство нуждалось в нерассуждающих солдатах партии, винтиках партийной машины» [7]. Подтверждение этому выводу мы находим в документах Государственного архива Рязанской области.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сравнительная таблица № 1
Состав уездного и районного партийного руководства Рязанской губернии в 1921 и 1927 годах

	1921	***1927***
Всего опрошено, количество чел.	151	273
Всего опрошено, %	100%	100%
мужчин	96%	92,0%
женщин	4%	8,0%
русских	97,4%	92,3%I
др. национальностей	2,6%	7,7%
до 30 лет	43,8%	46,0%
30–40 лет	45%	42,0%
40–50 лет	10%	8,8%
от 50	0,7%	3,2%
квалифицированных рабочих	30,2%	44,3%
неквалифицированных рабочих и служащих	30,2%	21,2%
крестьян	24,1%	30,8%
интеллигенции	13,4%	3,7%
вступили в партию до 1917 г.	3,9%	3,7%
вступили в партию в 1917 г.	13,4%	5,1%
вступили в партию после 1917 г.	81,4%	91,2%
состояли в др. партиях	10,3%	1,8%
не состояли	89,7%	98,2%

Сравнительная таблица № 2
Состав уездного и районного партийного руководства Рязанской губернии в 1921,1926 и 1927 годах

	1921	***1926***	***1927***
Всего, количество чел.	151	206	273
Всего, %	100%	100%	100%
Из них женщин	4%	9,2%	8%
Рабочие	30,2%	50%	49,8%
Крестьяне	24,1%	33,5%	30,8%
Служащие и проч.	43,6%	16,5%	19,4%
Подпольщики	3,9%	3,4%	3,7%
Вступили в партию в 1917 г.	13,4%	13,6%	5,1%
Вступили в партию после 1917 г.	81,4%	83%	91,2%

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чигир, О. Уездное и районное (г. Рязани) партийное руководство Рязанской губернии к началу периода нэпа (1921 год) [Текст] // Никто не забыт, ничто не забыто... : тезисы докладов студенческой научной конференции, 6 апреля 2005 года / Отв. ред. А.Ф. Агарев, О.И. Шмелева; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2005.

[2] В ходе предыдущего исследования была проанализирована 151 анкета ответственных работников 2-го райкома г. Рязани и партийных комитетов Скопинского, Егорьевского, Данковского, Михайловского и Сапожковского уездов, датированные 1921 годом.

[3] Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). — Ф.П.-1.— Оп.1.— Д. 2634. — Л. 1—273.

[4] ГАРО. — Ф.П.-1. — Оп.1. — Д.2323. — Л. 27.

[5] Список вопросов, включенных в анкету ответственных работников в 1921 году: Ф. И. О.; возраст; национальность; основное занятие; время вступления в РКП(б); принадлежность к другим партиям; род занятий до 1917 г.; должности, занимаемые к началу революции 1917 г. и к моменту заполнения анкеты; наличие военной подготовки; владение дополнительными специальностями; родной язык; знание иностранных языков; знание различных местностей страны; опыт пребывания за границей; подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до 1917 г. и судебному преследованию после 1917 г. Анкеты завершались графой «характеристика работника», однако, к сожалению, эта графа была заполнена только в анкетах Данковского и Скопинского уездов.

В анкетах делегатов XXI Рязанской губернской конференции ВКП(б) опрашиваемым предлагались следующие вопросы: какой организацией делегирован; номер делегатского билета; с каким голосом участвует; Ф. И. О.; пол; возраст; социальное положение; основная профессия до вступления в ВКП(б); национальность; партстаж; принадлежность к другим партиям; членство в ВЛКСМ; основная работа или занятие на момент заполнения анкеты (учреждение или предприятие и должность); членство в партийном комитете; наконец, участие (с решающим голосом) в предыдущей партконференции. Таким образом, мы видим, что в анкетах 1927 года отсутствует ряд интересных вопросов, включенных в анкеты в 1921 году: наличие военной подготовки; владение дополнительными специальностями; родной язык; знание иностранных языков; знание различных местностей страны; опыт пребывания за границей; подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до 1917 г. и судебному преследованию после 1917 г.

В «Статистической сводке о руководящем выборном составе укомов, I и II райкомов и губкома ВКП(б) Рязанской губернской организации на 1 ноября 1926 г.» учитывались лишь такие показатели, как время пребывания на занимаемой должности, пол, социальное положение и партийный стаж.

[6] Зеленов, М.В. Рождение партийной номенклатуры [Текст] // Вопросы истории. — 2005. — №2. — С. 9—23.

[7] Новопашин, Ю.С. XIV съезд РКП (б): современный взгляд [Текст] // Вопросы истории. — 2003. — № 7. — С. 46.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЖУРНАЛЕ «РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИК»

Журнал «Рязанский историк» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина адресуется преподавателям и студентам, аспирантам и дипломникам, учителям школ и работникам научно-исследовательских учреждений. Объем каждого выпуска составляет от 8 до 10 авторских листов, периодичность — до двух выпусков в год.

Проблематика исследований

В журнале «Рязанский историк» публикуются статьи по следующим направлениям: история, история культуры, методика преподавания истории. Каждый выпуск включает до 7 рубрик: статьи, доклады и сообщения преподавателей, учителей, студентов и аспирантов, портреты историков (роль личности в истории), над чем работают диссертанты (тематика исследований молодых ученых), научные контакты с вузами и со школами по вопросам совместных исследований, а также обзоры, рецензии, архивные материалы. Безусловно, под эти направления вполне подпадают исследования по археологии, нумизматике, филателии, этнографии, топонимии, музыкальной, художественной, спортивной истории и т. д. Более того, нам представляется, что совершенно оправданным является сотрудничество по пограничным проблемам с философами, социологами, статистиками, политологами, юристами, архитекторами, исследователями театра, политиками, администраторами и правленцами... Все это в совокупности составляет наше историческое наследие.

Авторами «Рязанского историка» являются ученые, вузовские преподаватели, аспиранты, студенты, учителя школ.

Редакционная коллегия «Рязанского историка» готова сотрудничать с библиотеками, желающими иметь в фонде наш журнал. Можно приобретать также отдельные выпуски журнала, в том числе получать их наложенным платежом по заявкам, направляемым в адрес редакции. Заявки на включение в список рассылки принимаются как от организаций, так и от физических лиц.

Информация авторам

Редакционная коллегия «Рязанского историка» готова сотрудничать с авторами, чьи исследования находятся в спектре нашего издания.

Используемая литература, на которую в тексте даются ссылки, помещается в конце статьи. Для книг должны быть указаны: автор, название работы, место издания, издательство, год издания, страницы, а в тексте — порядковый номер данной книги, соответствующий ее номеру в списке литературы; для статьи: автор, название статьи, название журнала, год издания, том, номер (или выпуск), страницы начала и окончания статьи.

Ссылки на цитаты обязательны.

Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций) не допускаются.

В конце статьи авторы должны сообщить о себе следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый адрес, телефон (служебный и домашний), факс, адрес электронной почты (E-mail), место работы, занимаемую должность, ученое звание или статус (аспирант, ассистент и т.п.).

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Рукописи представляются в редакцию в 1 экземпляре объемом не более 1,5 авторского листа (формат А4, 36 страниц машинописного текста через два интервала).

Вместе со статьей на бумажном носителе предоставляется электронная копия статьи.

Редакция журнала

Научное издание

Рязанский историк

Научный журнал

2006

№ 4

Главный редактор
Агарёв Александр Федорович

Редактор *С.Н. Моторин*

Технический редактор *А.Н. Силяков*

Подписано в печать 2.10.06. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 19,06. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №

Адрес редакции:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46
Тел. (4912) 77-99-29. E-mail: newhist@ttc.ryazan.ru

Отпечатано в ГУП РО «Рязоблтипография»
390023, г. Рязань, ул. Новая, 69/12